

У Е Д И Н Е Н Н О Е
Б О Г О М Ы С Л І Е ,

И Л И
Н А С Т А В Л Е Н І Я
Х Р І С Т І А Н С К О Й П Р Е М У Д Р О С Т И ,
в о с к р и л я ю щ і я
Д У Ш У
к ъ
С Е Л Е Н І Я М Ъ Н Е Б Е С Н Ы М Ъ

160254.

Ч а с т ь І І .

С ъ о д о б р е н і я М о с к о в с к о й ц е н з у р ы .

М О С К В А , 1798.

В ъ У н и в е р с и т е т с к о й Т и п о г р а ф і и
у Р и д и г е р а и К л а у д і я ,

1954

ПОКАЗАНИЕ НАСТАВЛЕНІЙ,

въ сей часпи содержащихся.

Спран.

НАСТАВ. I. О милосердіи Божіемъ въ разсужденіи грѣшника.	1
II. — томъ, съ какими зна- ками любви Богъ пріем- летъ обращающагося грѣш- ника.	11
III. — силъ покаянія.	20
IV. — внутреннемъ покаяніи.	29
V. — страданіяхъ Христо- выхъ	37
VI. — событіи въ спрада- ніяхъ Хрістовыхъ сего Давидова пророчества: милость и истина срѣто- стася, правда и миръ об- лобызастася.	53
VII. — прискорбіяхъ.	64
VIII. — прискорбіяхъ Пра- веднаго.	75

П О К А З А Н І Е

Стран.

	НАСТАВ. IX. О достоинствѣ и пре- восходствѣ души нашей.	83
-----	X. — душевномѣ спасеніи.	90
-----	XI. — всеобщемѣ совершен- ствѣ по своему состоянію.	99
-----	XII. — Святости.	108
-----	XIII. — путяхѣ, по какимѣ • Богѣ ведетѣ къ спасенію души наши.	119
-----	XIV. — превосходствѣ освѣ- щающія Благодати.	129
-----	XV. — соблюденіи Благодати.	138
-----	XVI. — Хрїстіанскомѣ уло- ваніи.	149
-----	XVII. — улованіи на Бога.	157
-----	XVIII. — Хрїстіанской любви.	164
-----	XIX. — свойствахѣ любви.	169
-----	XX. — господствующей стра- сти.	179
-----	XXI. — слѣдствіяхѣ господ- ствующей страсти.	186

Ч
н
в
у
з
ш
с
в
ш

УЕДИНЕННОЕ БОГОМЫСЛІЕ,
ИЛИ
НАСТАВЛЕНІЯ
ХРИСТІАНСКОЙ ПРЕМУДРОСТИ.

НАСТАВЛЕНІЕ I

О

*милосердіи Божіемъ въ разсужденіи
грѣшника.*

Сколь удивительно расположеніе Бо-
жіе ко грѣшнику! сколь неизре-
ченны милости Его къ нему! — Грѣш-
никъ по своимъ беззаконіямъ впадаетъ
въ три погибельныя пресупленія, 1 е
удаляется отъ Бога, 2 е удалившись
заблуждаетъ болѣе и болѣе, 3 е при-
шедши во глубину заблужденія, оже-
сточается въ своихъ смудодѣянїяхъ.
Въ такомъ положенїи что съ нимъ
творитъ Богъ? Три дѣйствїя, во всемъ
Часть II. А пер-

первымъ противныя. Во время удаленія Онъ призываетъ его къ Себѣ съ любовью; при крайнемъ, ипакъ сказанъ, бѣжаніи отъ Себя, стремительно его преслѣдуетъ; при безмѣрномъ ожесточеніи съ долготерпѣніемъ ожидаетъ его обращенія, и всегда готовъ раскаяшагося принять во свои объятія. Какое милосердіе! Богъ болѣе сего можешь ли оказывать знаки милости своей къ беззаконнымъ? — Неописанное челоѡколюбіе!

Сколь несомнѣнно, а шѣиѣ паче удивительно первое дѣйствіе милосердія Божія ко грѣшнику! Едва сей поудалился, то и всяческая предпріемлетъ для возвращенія его. Въ началѣ Господь возраждаетъ въ сердцѣ грѣшника мучительное смущеніе, — мучительное и вмѣстѣ спасительное: ибо грызеніе совѣсти раздираетъ падшаго внутренность, возраждаетъ въ разумѣ его здравое разсужденіе, представляющее ему страхъ въ разсужденіи настоящаго образа жизни, и изображаетъ всѣ гибельныя послѣдствія, непремѣнно за беззаконіями случившя имѣющія; оно показываетъ ему суешность удовольствія, преходящаго мгновенно, и горечь соболѣзнованія, имѣющую продлиться, можешь быть, вѣчно; оно при-

приводитъ душѣ на память прежнее состояніе, въ какомъ она находилась до своего паденія во грѣхъ, пребывая во всемъ очень довольною, и вмѣстѣ прошивъ всякаго расположенія вынуждаетъ ее признаться, что она никакъ не нашла иного удовольствія въ преступленіи, какое въ немъ найши воображала. Кто можетъ изъяснить совершенно сокровенный гласъ Благодати, раздающійся во внутренности законопреступника?

Богъ лишь только показываетъ грѣшнику злостное состояніе его; показываетъ ничего не ославляя, чѣмъ можетъ уклонить его отъ такого состоянія. А для сего, предваряя стыдъ и мученіе; Онъ самъ предъ него представляется, самъ разглагольствуетъ съ нимъ благоугодно, самъ призываетъ его на путь спасенія съ любовью, и не обинуясь, для пораженія сердца его, нарицаетъ его сладкимъ именемъ: *даждь ми, сыне, сердце твое* (*). Какая благость! кто бы могъ подумать о судіи, что онъ виновнаго призоветъ къ полученію милости своей, и кто бы могъ повѣришь, чтобъ виновный отказался отъ полученія оныя? Однако!...

А 2

Се

(*) Притч. XXIII. 26.

Се изображеніе образа жизни грѣшничей! Весьма часто, не смогря на споль благоупробныя приглашенія, грѣшникъ еще пропивися Богу, и даже, кажешся, опѣ него бѣжитъ, удаляешся. Неописанное милосердіе! Находяшся ли еще милоспи въ Твоихъ сокровищницахъ? Ты истощаешся, ни чѣмъ не утруждаешся; — грѣшникъ, яко другій Іона, бѣжитъ опѣ Бога, а Богъ спремипельно всюду его преслѣдуешъ, внушая: вспомни, невѣрный грѣшникъ, прошедшее свое состояніе, или настоящее, въ какомъ ты находишся по согрѣшеніи. Не видишь ли, что я непрестанно съ тобою, и всегда ищу случая, дабы пронуть словесами моими сердце твое? Вспрѣчаешся ли съ тобою какое неудовольствіе? Тогда Я предстою тебѣ, и открываю, что испочникъ злостастія твоего въ тебѣ самой находишся, и что ты дополѣ будешь злостастень, доколѣ не преспашнешь бытъ порочнымъ. Впалъ ли ты въ какую болѣзнь; — се Азъ предстою, какъ бы у главы одра твоего, для увѣренія, что душа твоя находится въ состояніи гораздо жалостнѣйшемъ, нежели тѣло. Лишился ты своего спокойствія, или думаешъ, что имъ наслаждаешся; се Азъ, его же ты удаляешъ-

дѣешься, предстою душѣ твоей и пред-
 ставляю, что совѣсть твоя никогда
 не узритъ совершеннаго покоя, и при-
 семъ, естли достигнешъ тебя внезап-
 ное изнеможеніе, ты ничего не мо-
 жешь узрѣть, кромѣ преселенія своего
 съ ложа болѣзненнаго во гробъ, а изъ
 гроба, можешь быть, во адъ. Богъ бла-
 госпи всюду слѣдуешь за тобою для
 обращенія твоего на путь истины;
 слѣдуешь итуда, гдѣ ты Ему быть
 не надѣешься; Онъ предъявляется тебѣ
 въ удовольствіяхъ, исполняя ихъ горе-
 стію; предъявляется лицу твоему по-
 средѣ мірскихъ веселостей, заспавляя
 чувствованъ минушій неудовольствія
 и скуки. По сему ты вездѣ безпокоишь-
 ся. Требуешь отъ тебя причины без-
 покойства сего; ты ее живо чувству-
 ешь и не можешь выразить; ты со-
 крушаешься сердцемъ, не зная *для*
того; разсѣваешь зрѣніе, не зная *на*
что; смущаешься духомъ, не зная *о*
гѣмъ. При всѣхъ сихъ обстоятельствѣхъ
 ты въ себѣ ничего, можешь быть, не
 ощущаешь, кромѣ естественнаго дѣй-
 ствія *меланхоліи* и унынія, въ кото-
 рыхъ часто многіе находятъ, не зная
для того и какъ. Но все сіе не иное что
 значитъ, какъ дѣйствіе Божія милос-
 сердія, которое по тому только тебѣ

противно, что напустишь тебя на стезю спасенія.

Но еслили сихъ крошкихъ средствъ не довольно ко исправленію грѣшника: то Богъ употребляетъ свою строгость, т. е. вмѣсто того, чтобы грѣшника совсемъ оставилъ въ погибели, онъ къ обращенію его представляетъ страшныя побужденія. Показываетъ очамъ виновнаго все, что ни находится ужаснаго въ Вѣрѣ, именно, ужасъ смерти, всегда готовыхъ восхитить его ошь міра сего, страхъ суда будущаго, всегда висимаго надъ главою его, бездну вѣчности, разверзающуюся подъ ногами его и хотящую поглотить его на всегда. Какое зрѣлище, претель и содроганіе возраждающее! Но мы знаемъ благоутробіе швое, Боже! знаемъ, что при самомъ сильномъ гнѣвѣ своемъ, ты не забудешь насъ по милосердію своему. *Внегда смутитися во гнѣвѣ, милость твою помянеши* (*). Самыя угроженія швы суть новое доказательство благоволенія: ибо ты для того угрожаешь, чтобы пощадить и помиловать. Въ лицѣ Твоемъ, Господи, мнѣ кажется, вижу я нѣжнѣйшую мать, удаляющемуся ошь нее

сы-

(*) Авв. III. 2.

сыну для того грозящую, чтобъ онъ
успрашившись скорѣе кинулся въ ея
объятія.

Однако такова бываетъ иногда нечувствительность и ожесточеніе грѣшника, что онъ всему сопрошивляется. Приглашенія, убѣжденія, обѣщанія, угроженія нимало его не прогаютъ. Онъ впадаетъ въ такой видъ безопасности, что чѣмъ опаснѣе и гибельнѣе кажется ему соспояніе его, тѣмъ больше любитъ оное и боится изъ него выпши. Безконечное милосердіе! При семъ должны бы кажется испощиться уже всѣ источники щедротъ Твоихъ? Но нѣтъ! еще остается для грѣшника послѣднее средство къ исправленію; еще неизслѣдимая благость ожидаетъ обращенія заблудшаго, не смотря на все его ожесточеніе и опуспительность. Въ чудесномъ долготерпѣніи своемъ вмѣщаетъ Богъ всѣ прочія чудеса благости своей. Человѣколюбець, снисходя слабостямъ беззаконныхъ, не наказуя ихъ вскорѣ, ущедряетъ имъ часть времени на то, чтобъ они самихъ себя познали. Знаетъ Сердцевѣдецъ, что при сильномъ движеніи спраспей не возможно быть примиренію; но когда огонь грѣховнаго возмущенія утихнетъ;

тогда сердце можешь уже легко войти въ себя и духъ расположительно бываетъ къ занятію душеспасительными размышленіями. Коль часто сіе на самомъ дѣлѣ случается, что когда Богъ не упруждается ожиданіемъ обращенія грѣшныхъ; тогда сіи устаютъ въ бѣгствѣ отъ Бога. При семъ долготерпѣніи не тако ли милосердый помышляетъ оный Создатель: „Всякой грѣшникъ купленъ цѣною крови моей; не жалко ли мнѣ погубить его вдругъ, по паденіи? Пожду, и онъ возстанетъ; по медлю зваши его на судъ, и онъ, возчувствовавъ опасность вѣчнаго осужденія, обратится..“

Сіе безпримѣрное долготерпѣніе Божіе шѣмъ удивительно, что оно умягчается въ Богъ прогнѣванномъ, въ Богъ, содержащемъ въ десницѣ своей всѣ орудія правосудія. Долготерпѣніе сіе шѣмъ неизреченнѣе, чѣмъ чаще грѣшники обращаютъ оное во зло, обращая въ прошивность Богу особенные дары милости его. Долготерпѣніе сіе шѣмъ неизслѣдимѣе, что Богъ когда наказуетъ многихъ незаконныхъ немедленно по пресупленіи ихъ, въ разсужденіи другихъ милосердствуетъ. Какими чувствіями благодарности мы обязаны за то Вседержителю, что онъ
буду-

будучи силенъ и какъ бы принуждаемъ поступить съ нами подобно другимъ, поступаешь иначе? Мы еще худшими себя пворимъ, нежели какъ жили наказанные, и по сему заслуживаемъ горшее, нежели что они заслужили: однако какое находится различіе между ихъ жребіемъ и нашимъ? Многіе согрѣшившіе уже мертвы, а мы еще наслаждаемся дыханіемъ; пѣ наследовали уже опредѣленіе осужденія своего во адѣ, а мы надѣемся еще обипать на небеси; пѣ злохуленіе изрыгаютъ въ разсужденіи спротивости правосудія Божія, а мы еще можемъ благословлять милосердіе его, можемъ вѣчно глаголати съ Пророкомъ: *милости Твоя Господи, вослоу во вѣкъ* (*).

Боже, въ благости своей непостижимый! что я сопворилъ шакое, чѣмъ могъ заслужить безмѣрную любовь твою? Что я исполнилъ? — Да какъ мнѣ въ себѣ искашь причину, по кошорой я, ничтожество, возвеличенъ побою безконечно? Любовь швоя ко мнѣ и источникъ щедротъ швоихъ содержится въ единомъ швоемъ благоушробіи,

А 5.

въ

(*) Пс. 88. г.

въ единомъ удовольствіи прощать виновныхъ и спасать злощасныхъ. По сему чувствованіе благихъ твоихъ вѣчно будетъ живо въ моемъ сердцѣ. Я знаю, что особенное средство для познанія милосердія твоего состоитъ въ томъ, чтобы мы имѣли о немъ всегда живое понятіе, и вѣрили бы, что оно столь превосходнѣе всѣхъ нашихъ хвалений, (какъ бы они велики ни были), сколь твои милости выше всѣхъ нашихъ грѣховъ, какъ бы они гнусными ни казались. Благоутробный Сердцевѣдецъ! Забвена буди десница моя, естли я забуду благодаренія твои; да прилепѣтъ языкъ мой къ горпани, аще я не буду во вѣки прославлять долгоперіѣнне твое. Горе, горе мнѣ, естли сѣи чувствія благодарности омертвѣютъ въ сердцѣ моемъ! Тысячекратно желалъ бы я, Создателю мой, лучше не жить, нежели жить, но не для себя.

НАСТА-

НАСТАВЛЕНІЕ II

*о томъ, съ какими знаками любви Богъ
пріемлетъ обращающагося грѣшника.*

Сколь неизреченно милосердіе Божіе ко грѣшнику, погибельно посредствомъ беззаконій оупъ Создателя своего удаляющемуся, споль безконечно благоволеніе его къ тому же законопреступнику, чрезъ покаяніе чистосердечно къ Богу своему возвращающемуся.

Творецъ пріемлетъ его съ новою любовію, располагающею къ нему все сердце; пріемлетъ съ новою щедрою, изпочающею къ нему всѣ сокровища благодати.

Преблагій Боже! я не долженъ искать въ другихъ доказательствъ сихъ истинъ, ибо нахожу его въ себѣ самомъ. Какъ скоро я помыслилъ къ тебѣ обратиться, вдругъ безконечная благодать швоя просвѣпила мои очи, подвинула сердце; и шакъ возвожно ли мнѣ, Человѣколюбче! не возвѣспишь вселенной чудеса швоего ко мнѣ милосердія, и какъ не побудить всѣхъ грѣшниковъ къ тому, чшобъ они обратились въ швои обѣщія!

Лишь

Лишь только человекъ согрѣшитъ, то Богъ ничего не можетъ, кажется, имѣть къ нему, кромѣ отвращенія попускающаго, чѣмъ незаконный жилъ всегда по стремленію гибельныя спраспи или по крайней мѣрѣ, впадши въ спраспъ, являлъ себя хладнымъ къ тому, что онъ погибаетъ. Но кто такъ судитъ; коль мало понимаетъ прелблагаго Бога или еще важнѣе, коль предосудительно, что онъ совсемъ его не постигаетъ!

Я углубляюсь въ бездну Божія милосердія, вмѣсто правосуднаго гнѣва обрѣшаю между источниками благостей его сладкое успокоеніе. Да и можно ли сему быть, чѣмъ Богъ убѣгающаго отъ себя грѣшника, преслѣдующій съ великимъ стремленіемъ, не пріялъ его съ любовію, егда онъ возвратился? Можно ли, что бы зовый къ себѣ удаляющагося, отвергъ его, когда онъ къ нему обратился? Можно ли, чѣмъ мещущій на падшаго взоры состраданія, не воззрѣлъ на него милосерднымъ окомъ при времени возстанія? Далекі прошивныя чувствія отъ сердца Божія: ибо какихъ знаковъ благоупробія не оказалъ Человѣколюбець надъ раскаявшеюся блудницею, надъ смирившимся мышаремъ, надъ Самарянынею, пронувшеюся да-

даромъ благодати, а наипаче надъ блуднымъ Евангельскимъ сыномъ? Въ сей послѣдней прищѣ Богъ самъ себя изображаетъ, свою обнажаетъ внутренность, свое открываетъ сердоболіе: не лѣзя о семъ Евангельскомъ ученіи вспомнить безъ удивленія, не лѣзя разсуждать о немъ безъ пораженія душевнаго!

Сынъ неблагодарный, возненавидѣвшій домъ отеческій, требуетъ у отца достойную часть наслѣдія; коль несчастень, что оубо получаетъ ее! ибо получивъ, вскорѣ оную распочаетъ; по семъ видя себя дошедшимъ до ужасныя бѣдности, входитъ въ самага себя, предприимлетъ рѣшимость возвратиться въ домъ отчій. Нѣжный чадолюбець, всегда о сынѣ своемъ соболѣзнуюющій, всегда возвращенія его ожидающій, непрестанно обращаетъ лице свое на путь, по которому надлежало прійти удалившемуся исчадію; обращаетъ и на конецъ видитъ погибшаго; видитъ, и внутренность его колеблется, колеблется какими чувствованіями, подумаете, негодованіемъ, гнѣвомъ. — Справедливо! сіи чувствованія были бы безгрѣшны: но онъ вмѣсто ихъ движется милосердіемъ, милосердіе выраждаетъ состраданіе, за состраданіемъ

нѣмъ является любовь, за любовью наступаешь радость, за радостію открываешься воспоргъ. И пакъ отецъ, не допуская сына до того, чшобъ онъ смущенный и препинающійся повергнулся къ спопамъ его, самъ спѣшилъ ему на срѣшеніе, объемлеиъ его съ нѣжностію, лобызаетъ съ любовью, прижимаетъ къ своему сердцу, излиываетъ надъ главою его радостныя слезы: какое соболѣзнованіе и вмѣспѣ утѣшеніе оказаны были раскаявшемуся! Безифрныя, и не безъ причинъ: ибо вопъ что говоришь на послѣдокъ языкъ отчій: *сынъ мой сеи блб бѣ и обретеса; мертвъ бѣ и оживе (*)*; по сему хошу, чшобы всѣ съ нимъ радовались; всѣ не отрелись отъ вечери велія; всѣ усугубили его удовольствіе: вопъ Евангельская припча.

Однако не просто здѣсь должно разумѣть челоѣческое сердце, а паче твое, Боже, милосердіе; ибо не ты ли съ такою неизлаголанною благостію на насъ призираешь? Не ты ли прощаешь грѣшника, сердечно предъ тобою кающагося? прощаешь, не вынуждая его помилованіе свое заслуживать долговременными умоленіями? Прощаешь, не

(*) Лук. XV. 24.

не шворя ему горькихъ обличеній; но прошедшя студодѣянїя его, есть ли онъ ими возгнушался, погребая въ вѣчномъ забвенїи? Такъ, непременно! лишь только мы къ тебѣ обратимся, при первой слезѣ, истекшей изъ очей нашихъ, при первомъ жоздыханїи, излившемся изъ гортани нашей, при первомъ сокрушенїи, возродившемся въ сердцѣ нашемъ, гнѣвъ швой укрощаея, сердце швое разверзаетя, орудїя правды упадаютъ изъ рукъ швоихъ вмѣсто грома и молнїи, испекающихъ ошъ тебя на пораженїе беззаконныхъ, низпадаетъ пихая роса во утѣшенїе наше. Благость божественная! любовь неизреченная! можно ли воображать васъ безъ почитанїя, безъ удивленїя, а еще болѣе безъ любви и заслугъ благочесныхъ?

Но нѣтъ, еще до вышшїя мѣры простирающя чудеса милости швоей, Боже! къ кающемуся грѣшнику. Ты его прѣмлешь съ щедротою, испочающею всѣ сокровища благодапи. Такое дѣйствїе колико для тебя славно, толико для насъ утѣшительно. Въ продолженїи временныя жизни своей, Искупишю! ты, кажется, ни кому не изъвлялъ особенную любовь, какъ грѣшникамъ обратившимся: ибо еяли ты
кого

кого вѣнчалъ оплочною славою и хваленіемъ; но наипаче шѣхъ, которые раскаяваясь болѣе прочихъ на тебя возлагали упованіе свое. Я вижу блудницу, бывшую нѣкогда соблазномъ для всего Израиля: но она едва обратилась, ты поставяешь оную примѣромъ покаянія для всѣхъ живущихъ во вселенной. Я вижу Святаго Апос. Петра по несчастію отвергнувшагося отъ Тебя, Великаго Учителя, проекратно: споль великое преступленіе не дѣлало ли его на вѣки недостойнымъ Твоихъ милостей? Но едва Ты обратилъ на него очи свои, едва увидѣлъ слезы, текущія изъ глазъ его; вскорѣ умилосердился, и поставилъ его быши швердѣйшимъ каменемъ Святыя церкви. Злорѣчивый разбойникъ къ мученію Твоему хуленіемъ своимъ новыя прилагаетъ раны. Какое преступленіе! какой ужасъ! но когда добрый излилъ чистое покаяніе: тотчасъ получилъ прощеніе, тотчасъ ты произнесъ о немъ слово оправданія, и какъ бы кровь его освящая своею кровію глаголаа: *днесъ со мною будеши въ рай (*)*.

Сице, Боже милосердія! Ты благоугождаешься изліяніемъ благодарній
сво-

(*) Лук. 23. 43.

160254

своихъ на кающихся грѣшниковъ. Они, егда бывають помилованы, ни о чѣмъ болѣе не печалятся, какъ о томъ, что Тебя прогнѣвали; ничего болѣе не желаютъ, какъ угодношь правдѣ, и ни чѣмъ паче не бывають связаны, какъ Твоею любовію. На что мнѣ въ разсужденіи сего искашь примѣровъ въ прочихъ? Не вижу ли я его въ себѣ самомъ? Егда мнѣ приходятъ на мысль тѣ щастливые дни, въ которые, будучи пронутъ благодатию Твоею, имѣлъ случай вспомнить о величїи Твоемъ, вспомнивши обратишься къ лицу Твоему: тогда совѣсть моя избавилась отъ несноснаго бремени, и я почувствовалъ покой и сладость; тогда изъ очей моихъ лились источники слезъ, но слезъ прїятныхъ и радостныхъ. День моего обращенія я почиталъ днемъ утѣшительнымъ и лучшимъ изъ всѣхъ въ моей жизни. Тогда-то узналъ я почто событіе словесъ Апостольскихъ, что бездна милосердія своего поглощаетъ бездну грѣховъ нашихъ: *идеже умножися грѣхъ, преизбытокъ еспава благодать* (*).

Но здѣсь можно ли довольно оплакать нещастіе, слѣпоту и преступленіе

Часть II. Б нѣ

(*) Рим. V. 20.

нѣ во зло употребляющихъ милосердіе швое? Можно ли соразмѣрное оказать къ тѣмъ шварямъ омерзене, которые безмѣрно надѣясь на благость Твою безбоязненно къ беззаконіямъ пріумножаютъ беззаконія? Изверги неблагодарные! почто благодаренія обращаете въ поношеніе, врачевство въ ядъ? Чудовищи неблагочестивыя и развратныя! како не престааете бышь злыми по сей единственно причинѣ, чпо благъ Творецъ вашъ? Ужасные беззаконники! для чего подъ предлогомъ ложнаго и щетнаго покаянія низвергаетесь вы въ бездну вѣчнаго и гибельнаго нераскаянія? Чпо есть человекъ тако живущій? Коль плачевна злоба и поврежденіе сердца нашего, еспли мы во грѣхахъ дополъ ожесточаемся, дабы чпо нибудь сильнѣйшимъ образомъ побудило насъ къ обращенію!

Премудрый Сердцевѣдецъ! Сотвори, ччтобъ горько оплакалъ всѣ мои студодѣянія; но не попусти впаспи мнѣ, ччтобъ въ забвеніе Твоей благости, или во злоупотребленіе милосердія швоего: ибо впадши въ сіе, я погибну; погибну навѣки низвергнувшись въ пропасть страшныхъ мученій. Доселѣ отъ жребія сего благоупробіе Твое меня предохраняло; но аще предохранитъ до гроба,
вѣч-

вѣчно я оное благословлю и прославлю. Благодарность неизглаголанная во всю жизнь да будетъ въ моемъ сердцѣ; хвала и удивленіе не прекратятся въ душѣ моей: сіи чувствованія пребудутъ единственнымъ правиломъ жизни моея до самыя смерти; онѣ да оспанутся живы на нескончаемую Вѣчность. Разсуждая единодушно съ Пророкомъ, я всегда буду взирать на себя, яко на памятникъ и особенное свидѣтельство Твоего милосердія; всегда буду познавать на себѣ самомъ, колико благъ къ человѣкамъ Создатель, а паче милосердъ ко грѣшнымъ; ко грѣшнымъ. . . О! естли бы они знали благоустройство Твое совершенно: съ какимъ бы упованіемъ повергались въ объятія Твои? Непремѣнно съ надеждою сына блуднаго, падшаго въ руки Отца, любовью всѣхъ превосходящаго. Не иначе и я, не иначе въ сію самую минушу желаю Тебѣ предаться. Боже! удоспой воспріять недостойнаго въ любовь Свою, не лиши оныя до конца дней моихъ.

Б Я

НАСТА-

НАСТАВЛЕНІЕ III

О

силѣ покаянія.

Покаяніе естъ одно наружное и устное, а другое внутреннее и сердечное. Оба для насъ необходимо нужны. Мы Хрїстіане; по сему покаяніе намъ прилично, яко священная и шайнственная должность Вѣры. Мы грѣшники; по сему покаяніе для насъ необходимо, яко искоренительное наказаніе беззаконій.

Покаяніе наружное и устное смиряетъ гордость плоти нашея, умерщвляетъ сладострасіе плѣсное. И пакъ небезбѣдно мечтають нѣкоторые грѣшники, будшо для нихъ довольно покаянія внутренняго, а внѣшнее очищенію беззаконій совсемъ не пользуется. Заблужденіе, сіе сильно разумъ не одобряетъ и Евангеліе осуждаетъ. Правда, покаяніе внутреннее гораздо превосходитъ и чрезъ оное мы болѣе заслуживаемъ: но не менѣе и наружное пошребно.

Въ Хрїстіанскомъ ученіи утвердительно проповѣдуешся, что отъ грѣховъ не лзя очистишся, развѣ покаяніемъ; предположивъ сіе правило, надобно
еще

еще сказать, что когда человекъ грѣшитъ, тогда грѣшитъ не одна душа его, но вмѣстѣ и шѣло; а по сему когда должна наказываться душа, должно также быть наказуемо и шѣло. Наружная часть сложенія нашего часто во всемъ соучаствуетъ внутренней, слѣдственно должна соучаствовать и въ покаяніи. Апостоль Павель, по внѣшности судя, нарицаемъ насъ многократно плошю грѣховною; по сему шѣло наше яко орудіе и дѣятельная причина беззаконія должно быть непременно предметомъ и жертвою раскаянія.

Все Евангеліе, все Священное писаніе намъ проповѣдуетъ покаяніе усшенъ и сердца. Каждая страница открываетъ намъ сію истину и налагаетъ сіе обязательство: *аще кто хоцетъ итти по мнѣ (*)*, глаголетъ Спаситель, *да отвержется себе и возметъ крестъ свой и по мнѣ грядетъ (**)*. Царство Божіе силою нудится и нуждицы восхищаютъ е. *О коль уски врата и тѣсенъ путь вводя въ животъ и мало ихъ есть, иже обрѣтаютъ (***)*! Сими и

Б 3

мно-

(*) Мар. VIII. 35.

(**) Матѣ. XI. 13.

(***) Матѣ. VIII. 14.

многими симъ подобными словами Евангеліе ополчаетъ насъ нѣкоторымъ образомъ вооружаясь противъ себя самихъ; ополчаетъ на умерщвленіе плоти нашея и какъ бы на непреспанную войну съ нами самими. Таковы суть глаголы Небесной Испины!

Послѣдуя сему внушенію умерщвленія и покаянія, Апостоль Павелъ еще яснѣе полкуетъ тайну Божественную. *Всѣ, иже Христовы суть, вѣщаютъ онъ, плоть раслая со страстьми и похотьми (*)*. По сему не токмо сердце наше должно быть распинаемо, но даже и плоть: плоть бо всегда порочна, всегда, прошивится духу, всегда возраждаетъ опаснѣйшую брань между разумомъ и чувствами. Сіе обязательство, возложенное Апостоломъ на другихъ, было принято и исполнено имъ самимъ: азъ умерщвляю плѣо мое и порабощаю, да благовѣспивъ спасеніе прочимъ самъ не останусь осужденнымъ. Чего не достаетъ въ спрдачняхъ Искупишеля, то мнѣ должно дополнить личными своими изнуреньми. *Нымъ радуюся въ страданіяхъ моихъ, яко исполняю лишеніе скорбей Христовыхъ (**)*.

Тако

(*) Галат. V. 24.

(**) Кол. I. 24.

Тако мыслили, тако поступали всѣ Святые; ихъ видѣли самые изнурительныя орудія покаянія держащими въ рукахъ своихъ, посыпающими главу свою пепломъ, изнуряющими волненіе плоти своей воздержаніемъ и молитвою. Изможденные члены и блѣдность лица ихъ доказывали строгость, какую они по наружности въ разсужденіи самихъ себя употребляли. И по сихъ сраженіяхъ они еще препешали, не довѣряли своимъ побѣдамъ надъ плотью, и почти непрестанно, естъли не словами, но шажкими воздыханіями вопрошала другъ друга: „уповаешь ли ты, чѣтобъ при безчисленныхъ нашихъ грѣхопаденіяхъ Богъ надъ нами въ вѣчности явилъ милосердіе свое?“, Имѣемъ ли мы столь крѣпкую Вѣру, какую имѣли помянутые праведники? Единому ли Евангелію и съ равною ли имъ послѣдуемъ ревностію? Надѣемся ли мы улучшить тѣ же небеса и воздаяніе, какое они улучили?

Естьли сіи примѣры мало проглаголютъ душу нашу, гдѣ еще искашь сильнѣйшихъ побужденій къ видимому покаянію? Взыдемъ на Голгоѳу, обратимъ очи свои на самаго Иисуса Христа, на сей великій и божественный

примѣръ, которому, естли его обжаемь, непременно обязаны послѣдовать. Чпо я вижу на ономъ мѣстѣ Священномъ? Покланяемый Спаситель, до какого ты благоизволилъ смириться спенени? Какое зрѣлище представляешь изъ себя зрящимъ на тебя очами Вѣры? Глава твоя увѣнчана тернѣемъ, очи твои помрачались отъ многого изліянія слезъ, уста твои напоены оцпоиъ и желчію, руки твои прибиты гвоздѣемъ, Твое сердце прободено копѣемъ, все тѣло обезчещено и окровавлено, раны твои, раны глубокия, паче всякаго краснорѣчія проглотъ душу Богобоящуюся. Но что намъ, естли и мы возходемъ послушать проповѣди крови твоея, что возвѣщаетъ гласъ спраданій твоихъ, естли не умерщвление чувствъ и тѣла? Невнемлющіе внушенію сему, избѣженные человекѣ! человекѣ, имѣющіе главу, увѣнчанную розами, вы пресстаете отвергшимися Вѣры.

Подлинно, естлибъ мы были истинные Хрїстіане; могли ли бы то говорить еще и нынѣ, что нѣкогда говорили наши предки: „будто спросость
„наружная и умерщвление плоти со-
„стоянію мїрскаго человекѣ неприлич-
„ны, а касающа особенно до однихъ
„ино-

„иноковъ и пусшынножителей.“ Какое обольщеніе! признавало ли его когда справедливымъ исповѣданіе наше? Или церковь всегда предосуждала и предосуждаетъ оный? Неразсудительные! что живемъ въ мѣрѣ: по сему можно ли намъ думать, что обуреваніе спрассей не сполько для насъ опасно, и волненіе плоти не такъ вспрѣчается часто? что живемъ въ мѣрѣ, по сему не должно уже намъ отъ беззаконій своихъ, очищаться покаяніемъ? что живемъ въ мѣрѣ, по сему исключены уже мы изъ Хрїстіанъ и не подлежимъ тому общему закону, копорой повелѣваетъ вѣрующимъ каждому безъ изъятія носить крестъ, умерщвлять плоть, отрицаться самаго себя, итпти въ царство небесное вратами узкими? Предполагать, будто покаяніе видимое свойственнo единымъ опшельникамъ, смертнымъ, ежедневно пекущимся о спасеніи своемъ; душамъ, во благочеспіи часто просіявающимъ яко невинными и чиспыми свѣшильниками; сіе по же бы означало, что лѣкарство болящимъ не нужно, а шѣмъ, кои здравы. Признаемся, что въ какомъ бы разумѣ мы ни принимали шѣлесныя умерщвленія, или за предохраненіе въ разсужденіи имѣющихъ случиться грѣ-

ховныхъ паденій, или за очищеніе отъ беззаконій содѣянныхъ, они въ мірѣ для насъ еще нужнѣе, нежели въ жизни пустыннической и потому и по другому.

„Да въ состояніи свѣтскомъ, скажушъ, ихъ сносить никакъ не возможно.“ Какая неправда! Всѣмъ извѣстно, что для смертныхъ первое состояніе есть Хрістіанина, впорос грѣшника, шретіе кающагося. Смотри на сіе раздѣленіе Святые, живущіе на земли въ порфирахъ и на пресполѣ, покаяніе и умерщвленіе не оставляли, а паче освящали еще ими пресполъ свой и одежду. По сему - то многіе изъ нихъ за меньшую для себя вѣмяли славу бытъ великими и самодержавными, нежели кающимися и совершенными Хрістіанами.

„Да скажутъ еще, что собственное самолюбіе не позволяеть исполнять спрегостей покаянія. Здравіе чрезъ нихъ уменьшается; слѣдственно, какъ Богу шребовать невозможнаго?“, Какое неизвинительное предразсужденіе! ибо воздержаніе и умѣренность паче споспѣшествуютъ здравію. Но не смотри на нашу изнѣженность, не можно ли нѣсколько минутъ убавить отъ сна, дабы занявшись Святыми моли-

лиштвами, не можно ли все время наша праздности употребить на благочестивые подвиги, дабы привесить въ чувствіе спасенія душу, не можно ли оставить все, что намъ нравится для того, чтобы не опустить угодное Богу? Или излишними своими украшениями, пышностію, суетами житейскими, сладостями чувственными мы споль много ослѣплены, что ничего уже не можемъ принести Богу на жертву въ сердцѣ своемъ? И по сему Богъ никогда не требуетъ отъ насъ не возможнаго. По лѣности и собственной нашей нѣгѣ легкое намъ кажется не возможнымъ, и Богъ будетъ насъ нѣкогда судить въ сей невозможности: ибо естьли что удивительнѣе и плачевнѣе всего бываетъ при семъ положеніи нашемъ, то она слѣпая рѣшимость, по которой мы часно сносимъ невозможное для міра, а для Бога сего сотворить не хотимъ. Въ играхъ, въ забавахъ, въ пиршествахъ мы проводимъ безъ сна и усалости цѣлыя ночи, а на молитву и на занятіе чтеніемъ благочестивыхъ книгъ не можемъ удѣлить и часа единого. Цѣлой день мы можемъ простоять на одномъ мѣстѣ, кланяясь прокровищелю своему, чтобы онъ удовлетворилъ прошенію нашему,

шему, а иногда неправедной спрассти; но близь Священнаго престола Господня не можемъ вергнувшись на колѣни на малое время; словомъ, часто бывая мучениками міра и діавола, для исполненія предъ Богомъ чистаго покаянiя не имѣемъ ни силы, ниже здравiя.

Какое ослѣпленіе, о Хрiстіане! какой безпорядокъ! какое наше преступленіе! Члены шайнспвеннаго шѣла Иисусъ Хрiстова послѣдуемъ за главою своею и примѣромъ своимъ. Повергнувшись у подножія креста его, видя его живыя раны, всѣ части шѣла окровавленныя, скажемъ: се образъ нашего подражанія; а ештли когда можемъ, но ему не подражаемъ: се судія нашъ, се властоначальникъ праведнаго нашего осужденія. Все шѣло наше должно учаспвовашь въ спрогоспяхъ покаянiя; но ештли огонь умерщвленія не очиститъ оное въ семъ мірѣ, то огонь вѣчнаго наказанія будетъ палитъ его въ будущемъ мірѣ неведѣственномъ. Се Евангеліе, се законъ; по нихъ мы нынѣ да судимъ самихъ себя, или ожидаемъ бытъ судимы въ вѣчноспи по скрижалѣмъ небеснымъ. Два шокмо шупя ведутъ насъ къ горнему чершоту, или невинность, или покаянiе: еспш-

если мы потеряли первый, то можем еще, шествуя по послѣднему, достигнуть царства славы; но когда и съ сего соврашимся, то ничего не остается для насъ, кромѣ осужденія въ жизни будущей.

НАСТАВЛЕНІЕ IV

О

внутренней покаяній

Сердце сокрушенное и смиренное я хочу Тебѣ въ жертву принести, Боже! или хочу у Тебя же испросить оное въ Твое благоугожденіе. Удоспой его изобразить во мнѣ. Ибо грѣхъ есть дѣло человѣческое, а раскаяніе во грѣхѣхъ происпекаетъ единственно отъ Благодати. Сопвори, Человѣколюбче! чтобы я возчувствовалъ нужду въ покаяній, и чтобы предпринялъ дѣла, доспойныя онаго; вразуми, чтобы я позналъ необходимость внутренняго сокрушенія, и его священныя качества.

Покаяніе внутреннее и сердечное весьма нужно; ибо когда впадаемъ мы во грѣхъ, тогда сердце наше наипаче согрѣшаетъ; слѣдственно сердце наше
должно

должно быть болѣе и наказано. При исполненіи какого нибудь сшудодѣянія сердце наше вкушаетъ нѣкоторую гибельную сладость, слѣдственно ему же надлежитъ вкусить Спасительную горечь. Отъ сердца нашего, глаголетъ Спаситель, происпекають предосудительныя пожеланія, зазорныя спраспи, дѣянія порочныя; по отъ него также происходитъ должно сокрушеніямъ, раскаянію, воздыханіямъ. На семь жертвенникѣ, ш. е. на сердцѣ нашемъ должна быть закалаема жертва, и жертвою сею должно быть поже самое сердце. Вотъ первѣйшее всеожженіе, пребываемое отъ насъ Богомъ, безъ котораго всѣ прочія соболѣзнованія суть недоспащочны.

Естьли бы мы совершенно знали, что есть Богъ, и что есть грѣхъ; то не нужныбы были для убѣжденія въ разсужденіи соболѣзнованія и раскаянія. Сердце чисто кающееся какія тайныя движенія, какія прискорбныя чувствованія ощущаетъ при лицезрѣніи величія Божія, при раздраженіи Творца безчисленными преступленьми! Какое жалкое и какое горестное бываетъ тогда положеніе наше, когда мы открытыми очами взирая на грѣхи свои, усмащриваемъ, что

что вся жизнь наша была безпрестанное заблужденіе, что мы доселѣ ничего себѣ не угощвали, кромѣ неизбежныя погибели, что мы сколько ни жили, жили единственно для грѣха; а отъ Бога удаляясь, первый и послѣдній конецъ свой забывали, дары его употребляли во зло, и всегда продолжали бытіе свое на подобіе слѣпыхъ, шествующихъ по пупи, низводящему въ мрачную пропасть! Сколь жалко и горестно быть въ такомъ положеніи!

Сколько неприятныхъ размышленій предсказывается въ разумѣ нашемъ, когда сердце начинаешь терзаться о томъ, что оно двадцать или тридцать лѣтъ приверженно было къ міру, предавалось спрашьямъ, и все время поперяло въ разсужденіи спасенія и Вѣчности! Попробуешь ты нѣкогда отъ меня отчета въ лѣтахъ шѣхъ, Боже! Ибо каждой изъ нихъ записанъ въ книгѣ живоша твоего; но я погубилъ ихъ, и во сему достоинъ праведнаго твоего наказанія. Я его неизбѣжно заслуживаю и не могу вопрошившися опредѣленію Твоему. Вѣчная правда твоя требуетъ непремѣннаго удовлетворенія, и я долженъ быть наказанъ. О коль щастливъ бы я былъ, если бы наказаніе сіе исполнилось

надо

надо мною во времени! Воздаждь ми по дѣламъ моимъ, Судія праведный; я на сіе согласенъ. Накажи мя по Своему милосердію на земли, а не по гнѣву въ Вѣчности!

Въ Вѣчности, — тогда, о болѣзнь и раскаяніе безплодное! спроситъ себя душа грѣшная: „гдѣ былъ Богъ мой, „и гдѣ я пребывала, обитая въ мірѣ, „но не зная Творца своего? Дары благо- „даши употребила я на раздраженіе „Жизнодавца; самые лучшіе дни жи- „вопа моего обратила на избѣжаніе „отъ прелюбдаго испочника. Какимъ „теперь воззрю я на Него окомъ? Услы- „шитъ ли онъ мои воздыханія? При- „мепъ ли мое раскаяніе? Какое мое „злощастіе! Не надѣюсь я никогда по „паки возвратишь, что въ животѣ „своемъ изгнала изъ своего сердца по- „средствомъ беззаконій; то, что нѣ- „когда служило для меня временнымъ, „минушнымъ удовольствіемъ, теперь „въ нескончаемое должно обратишься „мученіе.„ Поразительное воспомина- „ніе и вмѣстѣ спасительное! оно очи- „щаетъ душу отъ нечистоты грѣхов- „ныхъ, являть предъ Создателемъ винов- „ную приводитъ въ чувство и оправ- „даніе. Таковы должны быть чувствованія всѣхъ истинно кающихся. Бла-
жен.

женны души, чистымъ раскаянїемъ на землѣ могущія искупить себя отъ вѣчныхъ кляшвы!

Но при семъ, что надлежитъ думать о мнимомъ спокойствїи многихъ грѣшниковъ по единой наружности кающихся? Что я долженъ помыслить о себѣ самомъ при множествѣ моихъ преступленій и заблужденій? Содрогающаяся душа моя! пипаешь ли ны въ себѣ сокрушеніе, изображающее священныя качества истиннаго покаянія? Чувствуешь ли болѣзни, которыя должны быть удѣломъ чистосердечно кающихся? Проходитъ ли скорбь внутренность твою и поражается ли сердце твое гнусностію великихъ беспорядковъ и невѣрія? Ощущаешь ли ны въ себѣ то высшееестественное сокрушеніе, которое происпекаетъ отъ Бога; — сокрушеніе, которое до всего опносится, о всемъ соболѣзнуешь, все оплакиваешь, все, что проотивно Богу и для души мучительно; то сокрушеніе высокое, которое болѣе чувствуетъ раздраженіе Бога, потерянїе его Благодани, нежели лишеніе богатства, вольности, здравія, жизни и всего нещастія временнаго? — Существо всѣхъ высочайшее! ешьли на землѣ что болѣе

Часть II.

В

зла

зла сего, какъ прогнѣвлять твою Благость и не чувствовать сокрушенія? Сердцевѣдецъ! Имѣю ли я въ сердцѣ моемъ ту Хрїстіанскую рѣшимость, чтобъ всякое предпріятіе и каждый поспупокъ обращать на умилоствленіе твоего гнѣва? Имѣю ли я въ себѣ швердое намѣреніе лучше умереть, нежели вѣчно удалиться отъ Тебя по нерадѣнію о служеніи Твоемъ? — Словомъ, имѣю ли сокрушеніе, которое должно быть выше всѣхъ сокрушеній? Сознаюся, что я оно не столь живо чувствую; ибо живое чувствованіе не отъ насъ зависитъ. По крайней мѣрѣ сокрушаюсь ли я чистосердечно? — Есльи бы раскаяніе мое такимъ во мнѣ было, какимъ оному должно быть: то какихъ бы не произвело переменъ въ сердцѣ моемъ, какихъ дѣйствій во всемъ поведеніи и жизни моей? Сердце чистосердечно кающееся можетъ все предпринимать, все сносить, всемъ жертвовать: но я что перенесъ, чѣмъ пожертвовалъ для тебя, Боже? Всего извѣстнѣе и всего ужаснѣе для меня то, что для вѣчнаго оплакиванія злосчастной своей участи спомнѣю токмо мнѣ учинишь одинъ грѣхъ: а я сколько уже ихъ содѣлалъ? Грѣхи мои испочили слезы и кровь
Иску-

Искупителя: тѣ же самые грѣхи уже ли не заслуживаютъ проліянія моихъ слезъ и воздыханій?

Внутреннее покаяніе споль для меня нужно, что безъ него грѣхи мои никогда не простятся, споль необходимо, что я безъ него вѣчно не наслаждаю спасенія, и — естли его не исполняю я вѣ сей жизни: то непременно буду имѣть вѣ будущей, съ тѣмъ только различіемъ, что сокрушеніе вѣ Вѣчности будетъ означать опчаяніе, а не упованіе оправданія.

Трогаясь сими великими испи-нами, будучи объятъ оными и успра-шаемъ при воззрѣніи на свои беззаконія, вѣ сію минушу усердно желаю предъ Сердцевѣдцемъ открыть чистое раскаяніе, яко жертву живаго и совершеннаго покаянія. Се чувствования сердца моего, болѣзнь и сокрушеніе непрестанное! Однако сколько бы они горьки для меня ни были; никогда не могутъ быть сразобрны величію содѣянныхъ мною беззаконій.

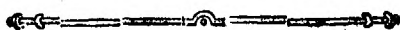
Милосердый Боже! я теку предъ-стати лицу твоему; теку, будучи весь покрытъ ранами грѣховными; теку упадая и почти не имѣя надежды. воспань подъ тягосію своихъ преступленій. Я содѣлалъ на ней и

В 2

предъ

предъ Тобою; я погасилъ чувствованія совѣсти; во зло обратилъ дары Благодати; нарушилъ Святый законъ Твой; попрадъ ногами спасительную кровь Сына Твоего; заслужилъ адъ; по сему естли бы провелъ всю жизнь мою въ сокрушеніи, естли бы на всякъ день горько оплакивалъ свои преступленія, естли бы я излилъ источникъ слезъ, глубокой и неизсыхаемый, естли бы я преперпѣлъ всѣ мученія, какихъ никогда не чувствовали всѣ праведные спрадальцы; естли бы я предалъ шѣло мое, во еже жеци е; шо и тогда бы не принесъ Тебѣ праведнаго удовлетворенія, сразмѣрнаго величію и гнусности моихъ грѣхонаденій: ничто бо сушь мои собствєнные заслуги предъ Тобою. И такъ повергнувшись къ подножію стопъ Твоихъ, Праведный Боже! умоляю безконечную Твою благость, и для помилованія души моей исповѣдую предъ милосердіемъ Твоимъ заслуги и спраданія возлюбленнаго Твоего Сына. Услыши гласъ священныя крови Его, крови выну съ куреніемъ своимъ воспекающія до неприсшупнаго Твоего престола, воспекающія для умилоспивленія вѣчныя правды; услыши гласъ сей, Боже! и помилуй грѣшника. Огъ нынѣ непре-
спанно

спанно проклиная я буду свои беззаконія; всегда оными буду гнушаться: ибо они проповны Святынь Твоей. Ихъ шокмо удаляясь могу я доказать, что Тебя единого люблю сердцемъ. Спаси мя Боже, и спасуся!

НАСТАВЛЕНІЕ V

О

страданійхъ Хрістовыхъ.

Разсудимъ о страданіяхъ Спасителя 1 е. яко о великомъ предметъ нашей Вѣры и нашего поклоненія; а 2 е. яко о совершенномъ примѣрѣ нашихъ нравовъ и нашей жизни.

Бого-человѣкъ на крестѣ, — какое зрѣлище! какое таинство! какое ученіе! Сіе зрѣлище всегда находится предъ нашими очами: но мы всегда ли о немъ довольно помышляемъ, судимъ, поучаемся? Если рѣдко, то учинимъ сіе хотя нынѣ: ибо въ исповѣданіи Вѣры наша нѣтъ ничего достойнѣе нашихъ размысленій и приверженности.

Приближайся, Хрістіанская душа, душа оживляемая Вѣрою, приближайся къ страдающему своему

В 3

Искуз

Искупителю. Воззри съ глубокимъ размышленемъ на Святаго Святыхъ въ такомъ положеніи, да какого довели Его свои грѣхопаденія, или лучше, Его любви собственная. Воззри; — Онъ уже не представляется тебѣ въ образѣ величія, силы и славы: ибо по симъ признакамъ Божества своего могъ бы Онъ снискашь свое уваженіе: но привлекъ ли бы къ Себѣ твое сердце? неуповашельно. И такъ для пріобрѣтенія твоей любви Онъ представляется въ видѣ смиренія, поношенія и мученія. Въ такомъ безобразіи ошь рукъ вражихъ чѣмъ болѣе шы Его узнашь не можешь, шѣмъ любезнѣе Онъ тебѣ долженъ казашься. Каждая рана Его, проповѣдуя тебѣ любовь безконечную, требуешь взаимно твоея любви. — Воззри на сіе неповинное шѣло, притворженное къ поносному древу, висящее между небомъ и землею, покрытое глубокими ранами, все обогренное кровію; воззри на сію главу, увѣнчанную шерніемъ; ошь тяжеспи болѣзни наклонившуюся долу; воззри на сіи очеса ошь многихъ слезъ впадшія и померкшія, но предъ послѣднимъ издыханемъ на тебя обращающія нѣжные взоры; воззри на сіи уста, напоенныя желчію горести, на уста, кошорыя егда

егда зашворялись на вѣчнось, на вѣч-
ность умоляли Бога Отца, дабы Онъ
простилъ грѣхи твои; воззри на сіи
пригвожденныя ко кресту руки, копы-
рья для того распросперты, чпобы
всѣхъ погибельныхъ чадъ свѣта при-
звать и заключить въ свои объятія;
воззри наконецъ, еспли покмо мо-
жешь прозрѣть, на всю болѣзненную
внушренность умирающаго Правед-
ника.

Какой предметъ содроганія! Не
уже ли и по симъ крововиднымъ при-
знакамъ ты не можешь узнать Царя
славы, Господа силъ, Сына Всевышняго,
по единому своему благоизволентю вос-
хопѣвшаго до полѣ смириться, чпобъ
быть поношеніемъ челоуѣковъ и уничи-
женіемъ людей? — Какъ! Святой Свя-
тыхъ опягощаается грѣхами міра и
умираетъ за всѣхъ беззаконныхъ! Воз-
можно ли бытъ сему? Сей, иже цар-
ствуетъ на Небеси, всяческая силенъ
сотворилъ на землѣ и въ спранахъ
преисподнихъ, возможно ли, чпобъ былъ
оставленъ отъ друзей своихъ, преданъ
ученикомъ приближеннымъ, и какъ бы
позабытъ Отцемъ своимъ? Однако Сей
испипно предается на поносное муче-
ніе, и смиряется до смерти крестныя.
Содержай въ десницѣ своей всяческая
В 4 съ

съ поруганіемъ обнажается. Даяя бытіе и жизнь всему міру распинается шѣми, копорые отъ Него получили живошъ свой. Тако предавый себя вольному спраданію претерпѣваетъ неописанныя мученія въ видѣ кропкаго Агнца; претерпѣваетъ какъ бы истинно согрѣшившій; претерпѣваетъ безгласно, или естли прерываетъ молчаніе свое, то единымъ моленіемъ за враговъ своихъ и прощеніемъ мучителей по глаголу: *Отче! отпусти имъ* (*)!

Великій Боже! Боже праведный и сильный! что кромѣ Вѣры и Вѣры теплыя, живыя, кропкая можетъ насъ поддержать при лицезрѣніи чудеси сего? — залогъ священный! Сія Вѣра какую должна порождать болѣзнь въ сердцѣ нашемъ? Болѣзнь шѣмъ чувствительнѣйшую, чѣмъ извѣстнѣе, что Иисусъ Хрїспосъ претерпѣлъ безконечное спраданіе по единой своей къ намъ любви, и по единому своему благоизволенію избавилъ насъ отъ мукъ вѣчныхъ. — Болѣзнь шѣмъ глубочайшую, чѣмъ непреложнѣе, что мы елико грѣшимъ, шoliko возобновляемъ скорби Искупителя, вновь распиная Его въ сердцахъ своихъ. — Болѣзнь шѣмъ продол-

жи-

(*) Лук. XXIII. 34.

жизельнѣйшую, чѣмъ сіе доповѣрѣе, что мы посредствомъ оныя не можемъ сами собою во грѣхахъ своихъ получить прощенія, естли не присоединимъ къ оной цѣну заслугъ пострадавшаго Бога-человѣка. О когда бы такое чувствованіе всегда было живо впечатлѣно въ сердцѣ нашемъ, какіе бы плоды спасенія оно породило!

Душа, исполненная живыя Вѣры, чувствующая стягошу спраданій Искушителя, раскаивающаяся въ томъ, что Его прогнѣвала; душа при возрѣнїи на свои беззаконія ни чѣмъ не утѣшающаяся, я вижу, что ты ополчаешься противу себя самой, находишь пресуппленія свои безконечными, мстишь сама себѣ спрашными обличеніями за все студодѣянія, прошивныя Жениху Небесному. *Любы моя*, говоришь ты при воображенїи спраданій Хрїстовыхъ, *любые моя раслята*: но кѣмъ? Мною. Я оную ко кресну пригвоздила; я причиною пролипія крови Ея; мною умерщвленъ Иисусъ, и при семъ я еще мало сокрушаюсь? Нечувствительная! Естли жизнь моя можетъ почестья жизнью: то не должна ли она соспоять въ всегдашнемъ плачѣ и соболѣзноваціи? Благочестивая душа тако всегда соспрадаетъ болѣзнямъ Искушителя; со-

страдаетъ, поставляя шо за верховное блаженство, чпобъ скорбь свою непрестанно сливать съ скорбью Бога-человѣка, слезы Его съ слезами собственнаго раскаянiя, и такимъ образомъ дополняешь *лишенiе скорбей Христовыхъ* (*).

При семъ благомъ положенiи удалитесь оиѣ Боголюбивыя души, удалитесь всѣ удовольствiя мiра, всѣ радости жишейскiя, всѣ зазорныя чувственныя прихоти, удалитесь! Ибо вы соспавляли нѣкогда минупное для нее услажденiе, минупное, но при семъ погибельное; а нынѣ, когда Вѣра ее просвѣщаетъ, благодать прогааетъ, раскаянiе приводитъ въ чувство благо-разумiя, она любитъ паче чашу горесипи, ею услаждается, и предпочитаетъ оную всѣмъ прiятностямъ грѣховныя жизни. Сладко и многоплодно такое соспранданiе спраспямъ Христовымъ! По сему - шо во многихъ раскаивающихся грѣшникахъ примѣтно всегдашнее расположенiе къ умерщвленiю плоти, къ укрощенiю волненiя чувствъ и всѣхъ сладострастныхъ наклонностей; по сему во многихъ благочестивыхъ подвигоположникахъ видимы Евангелиемъ

(*) Кол. I. 24.

телѣмъ проповѣдуемые гладь, жажда, изнуреніе плоти и другіе виды спротивоспей; по сему - то многіе съ радостію переносили неимовѣрныя гоненія и съ веселіемъ вкушали емерть креспную.

Пусть слабая природа смотря на сте унываетъ и печалился; пусть обманчивый мѣръ представляеть ей тысячи соблазнительныхъ прелестей, пусть дѣаволь предстилаеть ей сѣти безчисленныхъ искушеній: но шеплая Вѣра и любовь, взирая на распятого Иисуса такъ всегда помышляла и помышляеть будущъ: „Созерцаемъ на „крестѣ висимаго, и Ему сострадаеть „хощемъ.“ Благочеспивыя души при сихъ словесахъ небесною объемлюсь радостію: но ожеспоченный грѣшникъ, до днесп непреспашающій распинаеть Господа, ничего при семъ не можеть чувствоваеть, кромѣ содроганія. Плачемъ жребій сего у подножія креста Хрїстова. Послѣдуемъ за Искупиелемъ въ славу его путемъ спраданій Его. Тако жили многіе Хрїсптїане; тако живушь многіе праведники, и тако всегда будущъ живи водимые духомъ живыя Вѣры.

Тою же Вѣрою будучи одушевляемы разсудимъ мы далѣе о Иисусѣ Хрїстѣ,
уми-

умирающемъ , яко о совершенномъ примѣрѣ нашихъ нравовъ и нашея жизни. Вися на крестѣ , что Онъ къ намъ глаголетъ? Какія преподаетъ наснавленія? Не иныя , развѣ покаянія , умерщвленія плоти и самыя смерти. Върующая душа , дабы учинилась подобною смерти Христовой , не можетъ отрещися отъ исполненія помянутыхъ внушеній , а тѣмъ паче , что естлимы и умремъ со Иисусомъ ; но жизнь наша съ нимъ же просіяетъ въ вѣчности о Господѣ. Внемлемъ убо наснавленію распятаго Бога - человѣка. Явимъ себя мершвыми міру и себѣ самимъ. Се ученіе для праведныхъ! Се , чему насъ научаетъ на крестѣ пригвожденный!

Мы должны умереть міру , всѣмъ его пышноспямъ , соблазнительнымъ правиламъ и развратнымъ зрѣлищамъ. Христианская душа ничего не должна имѣть предъ своими очами , кромѣ креста Христова. Взирая на распятаго Иисуса за грѣхи міра , вообразимъ мы , за что должно почитать удовольствія , сокровища , чести и все щастіе сего развращеннаго вѣка ; вообразимъ и при себѣ разсудимъ , какое угощивается блаженство для души , по примѣру Начальника своея Вѣры плачущей ,
спраж-

спраждущей, гонимой? Не будемъ по-
чищать себя злощасными, когда мы
лишаемся погибельныхъ сладостей мі-
ра сего, когда прѣмлемъ участие въ
чашѣ спраданій своего Спасителя, ко-
гда въ свѣтѣ поступающъ съ нами,
якоже съ Нимъ, забывающъ якоже Его,
и гнушаются якоже Имъ. Еслии мі-
ролюбцы въ такомъ положеніи нашемъ
къ намъ приближатся и рекутъ:
„Прѣобщитесь къ нашимъ забавамъ, къ
„нашимъ ликованіямъ, къ нашимъ удо-
„вольствіямъ.“ Мы должны сказать
имъ откровенно: никакъ! сердце на-
ше не предается вашимъ обольще-
ніямъ и суетамъ заразительнымъ.
Намъ міръ сраспялся, и мы міру.
Дай Богъ, чѣмъ мы ни въ чѣмъ не
искали славы своея, развѣ въ уничи-
женіи нашего Спасителя; ни въ чѣмъ
бы не искали богатствъ, развѣ въ Его
бѣдности, и не знали бы никакихъ
удовольствій, кромѣ чаши спраданій
Его: намъ бо *да не будетъ хвалится,*
тогю о крестѣ Господа нашего Иисуса
Хрїста (*). И еслии самому Бого-
человѣку спраданіями надлежало вни-
ти въ славу свою: по какъ же мы мо-
жемъ ужасаться души сего? Можемъ
ли

(*) Гал. IV. 14.

ли мы забываешь, кто глава наша? Какой стыдъ видѣть прочіе тѣлесныя члены нѣжимыми, когда глава ихъ увѣнчана пернѣемъ! Не забудемъ вѣчно, что намъ не можно вниши въ славу Хрїстову, развѣ путемъ спрданій Его; будемъ всегда памятовать, что мїръ врагъ Его, что никому не лзя служить двумъ господамъ, а непремѣнно, чтобъ угодишь единому, должно оставишь другаго; наконецъ пусть навсегда да будетъ запечатано въ сердцѣ нашемъ сіе Апостольское слово: *аще избытокествуютъ спрданія Хрїстова въ насъ: тако Хрїстомъ избытокествуетъ и утѣшеніе наше* (*).

Сверхъ сего, чтобъ совершеннѣе уподобишь намъ жизнью своею спрраждущему Иисусу Хрїсту: то не довольно умирашь единствененно мїру; а наипаче мы обязаны умирашь себѣ самимъ, умирашь своимъ злымъ наклонностямъ, своимъ неудовольствіямъ, своимъ огорченіямъ; умирашь своимъ чувствзъмъ и ихъ порочнымъ прихотямъ; умирашь своему разуму и его суешной кичливости, послушанію, любопытству, упорности; умирашь своей волѣ, ограничивая зазорныя ея пожеланія, благоуправ-

(*) II. Кор. I. 5.

управляя ея стремленіями, поташая
воспаденія ея, очищая ея приспраспія
изъ земныхъ и плотскихъ, сколько
возможно, дѣлая ихъ небесными и ду-
ховными. Словомъ, умираешь себѣ са-
мимъ и всему предосудительному, умира-
ешь, чтобъ жить со Христомъ, въ
Коего, яко источника истиннаго жи-
вопа, все болѣзнь и смерть вѣчная.

Высокія истины и ужасныя обяза-
тельства! Но совершенный Христіа-
нинъ не долженъ оныхъ бояться: ибо
кто представляетъ намъ иго креста,
той же можешь и облегчить оное,
самъ способствуя намъ въ понесеніи
тяготы его. Мы должны спрдасть,
жертвовать собою, сокрушаться по-
слѣдуя примѣру распятаго Іисуса;
это несомнѣнно: но при семъ послу-
шаемъ мы гласа души неослабно под-
виго Вѣры совершающей; она егда
испытуетъ все труды, тяготу и
спрогости Христіанскаго благочеспія,
вѣщаетъ: „при понесеніи креста
„моего я взираю на распятаго, и
„Онъ облегчаетъ бремя меня изнуряю-
„щее; взираю на раны Его, и онъ
„улаждающъ горестъ смерти моея.“
Великое чувство благочеспія! таковое
же долженъ имѣть и всякъ, не смотря
на то, что смущенная природа взирая
на

на строгость Евангельскаго закона содрогается искушеній, въ копорыя непремѣнно должно испытывать вѣрующему по залогу Вѣры. Помышленіе о Бого-человѣкѣ, за насъ пострадавшемъ, можетъ для всякаго человека быть довольнымъ подкрѣпленіемъ, силою и утѣшеніемъ. Сіе воображая, спрадая что мы не речемъ ко Господу ?

Иногда смирившись при созерцаніи креста Христова мы возблагодаримъ Бога за любовь Его, за любовь, по которой восхопѣлъ учинилъ насъ достойными причастниками спраданій своихъ и чаши своего Искупленія. Взирая на распятаго, мы не огорчимся бременемъ крестнымъ, а пріявшись за понесеніе онаго речемъ внушренно: *гашу сласенія прииму.* (*) Иногда орошая воспріемлемый крестъ свой испочникомъ слезъ, мы горько при семъ восплачемся о грѣхахъ, и не нашедши утѣшенія ни въ сокрушеніи, ниже въ воздыханіяхъ сердечныхъ, скажемъ предъ Господемъ: *Отге! согрѣшихъ на небо и предъ тобою* (**). — Иногда лобызая вещеспвенный крестъ Искупителя мы не можемъ

(*) Псал. СХV. 3.

(**) Лук. XV. 18.

жемъ не возчувствовать собственнаго
хладнокровія и лѣнности въ подвигахъ
Вѣры; и такъ пришедши въ благоче-
спивое чувство немедленно восхожемъ
оживить упованіе и любовь свою. Боже
милосердый! возглаголетъ при семъ
положеніи исправляющееся наше серд-
це, естъли цѣною заслугъ Твоихъ я
давно уже могу обрѣсти неизмѣримыя
сокровища оправданія: то восхощешь
ли ты лишить меня дара Благодати
своея хотя въ сіе время? Пустьъ, поз-
дно я умоляю тебя о спасеніи своемъ,
по сему не заслуживаю Твоего благо-
утробія; но пречистая кровь Твоя и
неизреченная любовь за меня ходатай-
ствуютъ и просятъ. Ты ли убо не
избавишь опъ вѣчныя кляшвы обра-
щающуюся на покаяніе душу? Ты ли,
иже возлюби насъ много и себе предаде
за ны, (*) ее не помилуешь?

Се источникъ неизчерпаемый, о ду-
ша моя! изъ котораго во время спра-
даній и креста своего ты можешь по-
черпать силу, подкрѣпленіе, непоколе-
бимость, облегченіе и отраду. Возрѣ-
ните на распятаго Іисуса учинить для
тебя, я не скажу сноснымъ, но удоб-
нымъ, легкимъ, любезнымъ и утѣши-

Часть II.

Г

тель.

(*) Ефес. V. 25.

пельнымъ понесеніе ига Хрїстова. Че-
му вѣруя, ты не токмо найдешь въ
немъ во всякое время и при всѣхъ об-
стоятельствахъ совершенный примѣръ
всѣхъ добродѣтелей, но даже благодать
и помощь, способствующія тебѣ съ
успѣхомъ совершить оныя. *Виждь убо,
да сотвори по образу показанному тебѣ
на горѣ (*)*.

Подъ конецъ всего да речетъ кійж-
до изъ насъ въ сердцѣ своемъ, что не-
престанно проповѣдуютъ намъ и ра-
зумъ и вѣра: распенійся Иисусъ Хрї-
спосъ нынѣ есть Господь нашъ и Изда-
витель; есть ли мы будемъ Ему по-
слѣдовать, то онъ и въ вѣчности бу-
детъ нашъ Спаситель; но есть ли
подражать ему престанемъ, то онъ
будетъ нѣкогда нашимъ судіею. Бла-
жени, есть ли мы, нося на шлѣбъ своемъ
изображеніе креста его, или луч-
ше, запечатлѣвая оный въ сердцѣ,
спараемся быть всегда Искупившему
насъ сообразны! ибо сіе послужитъ нѣ-
когда къ вѣчному нашему оправданію
и славѣ. Но когда между нами и рас-
пятымъ Богочеловѣкомъ нѣтъ никакого
сходства; то безъ всякаго суда мы
осуждены уже, и опредѣленіе вѣчныхъ
кля-

(*) Исход. XXV. 40.

кляшвы носимъ въ себѣ самихъ. Правда не малаго для насъ нынѣ сѣ споншь, чтобъ послѣдовать Спасителю неся неослабно крестъ свой: но возведемъ очи свои горѣ, и озарившись свѣтильникомъ Вѣры, примѣшимъ заблаговременно въ небесахъ потъ сіяющій крестъ велелѣпѣмъ и славою, которой явится въ день всеобщаго суда человекомъ; не ободритъ ли видѣніе сѣ нашихъ слабостей? Не подкрѣпитъ ли, а особливо, когда увѣрены, что есть ли на землѣ прѣобщимся его поношенія и безславія, то онъ на небеси составитъ для насъ вѣнецъ нашея славы? Симъ воображеніемъ оживимъ силы свои, и при сладкой надеждѣ вѣчнаго оправданія неся крестъ свой не облѣнимся почерпать новую крѣпость изъ священныхъ спраданій умершаго за насъ Спасителя. Попечемъ въ слѣдъ его непоколебимо. Да будетъ Хриспосъ спраждающій примѣромъ подражанія во время нашея жизни, прибѣжищемъ въ часъ смертный: по сему онъ же и требудеть и наградою нашею въ вѣчности. Повергнемся на нѣсколько къ подножію креста его, и посвяпимъ ему оспанокъ живота своего взывая:

Покланяемый крестъ моего Спасителя! Доколѣ въ мѣрѣ я, гошповъ на

Г 2

вся?

всякое время Тебѣ собою жертвовать; готовѣ, пиная въ сердцѣ своемъ въ разсужденіи тебя благоговѣнне, въ разсужденіи грѣховъ моихъ раскаянне, а въ разсужденіи Спасителя моего любовь и благодарность. Тебѣ, источникъ Искупленія! я посвящаю все мои помышленія, слова, чувствованія, дѣянія; хочу оны нынѣ непременно, чтобъ все мои намѣренія и предпріянія, или лучше весь я былъ ознаменованъ печатію твоею. Но паче всего желаю, чтобъ ты виденъ былъ неизгладимо въ сердцѣ моемъ: ибо не довольно для меня имѣть изображеніе твое предъ очами, не довольно носить оное на тѣлѣ; но я хочу, чтобъ оно царствовало въ душѣ моей, а съ нимъ и чрезъ него, чтобъ и Христосъ самъ присутствовалъ. Неотцѣненное древо жизни! Почивая святыню Твою, я не смѣю просить Вседержителя о низпосланіи мнѣ крестовъ духовныхъ; ибо я чувствую слабость, знаю свою немощь; возеслы благушробный мой Спаситель, желая учинить меня славы своея причастникомъ по заслугамъ праведнымъ, самъ на меня оные пошлешь; я приму ихъ съ повинновѣннемъ, приму съ радостію; ибо по беззаконіямъ своимъ я заслуживаю адъ:

по

по могу ли жаловаться на краткое огорченіе креста духовнаго? Естьли не поспражду здѣсь, то я буду спра- дашь вѣчно. Богъ, мною почитаемый, вознесенъ на крестъ: по можешъ ли для меня быть прискорбіемъ, дабы присѣдѣть токмо подножію ногъ его? Хотя бы и подлинно казалось мнѣ бремя сіе несноснымъ, но се я слышу гласъ Благодати: „Я швоя помощь, „подкрѣпленіе, сила и утѣшеніе.“ — Священный залогъ Вѣры! тебѣ я хо- щу жертвовать всею жизнію моею; тебя уповаю видѣть въ рукахъ своихъ въ часъ смертный; въ швои объятія хочу испустить послѣднее мое изды- ханіе, да ими пренесется душа моя въ объятія моего Создателя.

Н А С Т А В Л Е Н І Е VI

О

событіи въ спраданіяхъ Хрѣстовыхъ сего Давидова пророчества: *милость и истина срѣтостася, правда и миръ облобызастася.*

Какое поразительное зрѣлище пред- ставляетъ намъ Иисусъ Хрѣтосъ въ своихъ спраданіяхъ! Святый свя-

тыхъ умираеть на лобномъ мѣстѣ, на которомъ должны умирашь важнѣйшіе законопреступники — злодѣи, убійцы.

Неповинный страдалецъ! уже ли ты не могъ спастися отъ безумнаго насилія Іудѣевъ, могъ представить миліоны Ангелъ? Твоя безконечная премудрость не уже ли не могла укротить и исправить ожесточенныя сердца ихъ? — Или неоптѣнно сему такъ уже отъ вѣка бытъ предуснавлено, чшобы ты искупленіе грѣшныхъ содѣлалъ посредѣ земли не иначе, какъ смиреніемъ, ранами, смертію? Неизслѣдимая шайна!

Богъ Отецъ по мѣрѣ нелицепрѣйнаго правосудія своего за первобытное человѣческое паденіе требовалъ всегда сообразнаго своему величеству удовольстворенія, но мы были сіе исполнишь не въ состояніи, и такъ вѣчная клятва вѣчнымъ устрашала насъ лишеніемъ небесныя славы: но ты, благоупробный Ходашай, не смотря на ожесточеніе наше во грѣхахъ, божественными своими спрадаными прекратилъ гнѣвъ Опчій, отвратилъ ярость его отъ насъ, да нѣкогда прегнѣваешся; — отвратилъ, а по сему ежели когда, то нынѣ во истинну исполнилось уже оное Давидово Пророчество: *милость*

и истина срѣтостася, правда и миръ облобызастася ().*

Великій Подвигоположникъ! знаемъ мы, что опъ самаго созданія міра предѣльный человекъ, прогнѣвавъ Опчею величіе, ни чѣмъ не могъ удовлетворить правосудію его. Ибо протекли безчисленные вѣки; различныя были жертвоприношенія; закалала безсловесныхъ животныхъ; Израильяне не щадили первенцевъ для шого единственно, дабы умилоствивить раздраженнаго Вседержителя: но все было бесплодно, доколѣ Ты, опъ вѣкъ проповѣданный Мессія, явившись мірови, не пожертвовалъ самъ собою правосудію безконечному. А чшобъ въ семъ увѣришься, стоишь токмо намъ увѣдать, что Ты сошворилъ для насъ во время своего рожденія, что подбѣялъ въ продолженіи самая жизни; а наипаче, что совершилъ на престолѣ креста своего.

Превѣчный сынъ Божій, равный и сопредспольный опцу своему, всемогущій и праведный, исполненный всякія святыни и божества, *въ немъ же суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна (**)*! своимъ временнымъ воплощеніемъ,

Г. 4

(*) Пс. LXXXIV. 11.

(**) Колос. II. 3.

вѣмъ, что ты совершилъ предъ лицомъ Вешаго деньми, какъ не начало искупленія человѣческаго рода? Когда ты, неописанное слово, облеклося въ бѣдственную нашу плоть: тогда безконечное смиреніе твое коликую соспавило возспановленія нашего жерпву? Когда ты, не имый грѣха, неоднократно былъ вносимъ во Іерусалимскій храмъ для исполненія закона Моусеева: сіе не было ли всесоженіемъ за насъ правды законныя? Когда ты, будучи истиннымъ сыномъ божіимъ, ежечасно жерпвовалъ своею жизнію на сонмищахъ дерзновенію Фарисеевъ и въ храмахъ зависпи книжниковъ; тогда что сіе означало, какъ не особенный знакъ твоего о насъ благоволенія и ходатайства? — Однако все сіе было единое токмо начало нашего искупленія, а самое совершеніе исполнилось уже тогда, когда ты предъ очами всего міра померкло на крестѣ солнце праведное.

Непоспижимый образъ примиренія нашего съ Богомъ! безгрѣшный подьсмлетъ на себя наши беззаконія; превѣчный отецъ не щадилъ возлюбленнаго своего сына; закалается спасенія нашего жерпва! — Но кто оныя пребуеть? Кто ея благоугождается? Висай на дрѣвѣ прорцы намъ: одно ли безу-

безуміе Іудейское причиною твоихъ
спраданій; одна ли ихъ слѣпоша и
злоба виною твоея смерти? — или сего
отъ тебя ожидало непреложное право-
судіе Опчее? Вошъ что, мы слышимъ
слухомъ Вѣры, на сіе отвѣспивують
намъ меривенныя уста твои: „Вѣру-
„ющіе! не якоже Азъ хошѣлъ, совер-
„шихъ дѣло оправданія вашего; но
„якоже Отецъ мой; была воля его.
„Правдѣ его было угодно, дабы совле-
„кли съ меня и послѣднюю одежду:
„но для чего? дабы чрезъ мое обна-
„женіе васъ облечь во одежду оправ-
„данія свѣсплу. Правдѣ Его было угодно,
„дабы при всей неповинности моей
„яко пресупника вознесли меня на
„крестъ; съ болѣзнію мнѣ пригвоздили
„руцѣ и нозѣ; съ безчестіемъ возло-
„жили шерніе на мою главу, и съ по-
„руганіемъ произносили: *Радуйся! Царю*
„*Іудейскій* (*); но для чего? дабы по-
„средствомъ моя смерти умершвить
„живущія въ шѣлесѣхъ вашихъ беззаконія.
„Правдѣ Его было угодно, дабы
„меня крошка и безгласна распяли по-
„средѣ двухъ разбойниковъ: но для че-
„го? Чтобъ вы паки не распинали се-
„бя міру, и шако не впадали въ осуж-
„деніе вѣчное. „

В 5

Право-

(*) Мар. XV. 19.

Правосудный Боже! сея ли жертвы не довольно еще для удовлетворенія Твоея правды? — Се мертвъ предъ тобою возлюбленный сынъ швой! На какую бы часть его божественнаго тѣла мы ни обратили очи свои; всего видимъ уязвленна, — видимъ и содрогаемся. Очи его померкли, лице блѣдно, уста запечатлѣнны, ребра прободенны, глава, руки, ноги початъ испочники крови. Что еще можно присоединишь къ симъ спраданіямъ? Ожесточенные Іудеи! Ваша ярость что еще горшее могла вымыслить къ пріумноженію мученій неповиннаго Справдальца? Не лъзя намъ не скорбѣть о смерти Праведника. Но что пользуетъ скорбь безъ душевнаго исправленія, вѣщаетъ намъ да сіе сама небесная Истина? „Послѣдователи мои! знаете ли „вы, для чего на крестѣ распростерты „руки мои? Не для того, чтобъ вы, „воздѣвъ свои руки къ небесамъ, пла- „кались на распеншихъ мя ко Господу; „но для того, чтобъ вы, распоченные „всюду, во грѣхахъ плакались паче о „себѣ и о чадѣхъ своихъ. Вы слыши- „те, что незаконные Іудеи меня по- „носятъ и ругаютъ, слышите, и симъ „огорчаетесь: но для меня пріятнѣе „бы было, есльибъ вы сами отъ нынѣ „обѣщались никогда не произносить „ниже

„ниже единатаго слова злохулишельнаго
„противу имени моего и Отца моего,
„противъ Вѣры и шайнствъ ея, про-
„тивъ закона и святыми его. Я
„жажду (*), — вкушаю оцетъ и желчь;
„чувствительна для васъ скорбь моя:
„но о! когда бы чувствовали, что я
„жажду паче вашего исправленія въ
„чувственности и чревоутожденіи. Вы
„видите умственно, что я, будучи
„оставленъ Отцемъ моимъ, унываю
„взывая: *Прискорбна есть душа моя до*
„*смерти (**)*, но прискорбна не попо-
„му, что я гряду ко Отцу моему и
„въ руцѣ его предаю духъ мой, а что-
„бы и вы не забыли по смерти моей,
„что онъ и вашъ Отецъ есть, что и
„вы нѣкогда къ нему возвратитесь
„должны. Я умираю, но для вашей
„вѣчныя жизни. Съ симъ концемъ, съ
„симъ намѣреніемъ преклонивъ главу
„испускаю духъ мой.,,

Содрогается вселенная, безмолв-
ствуетъ вся шварь, земля шрепещетъ,
завѣса церковная раздирается, солнце
меркнетъ, каменіе распадаются, оп-
верзаются гробы видяще Господа сво-
его на крестѣ бездыханна. Сіе произ-
ше-

(*) Иоа. IX. 29.

(**) Мар. XIV. 31.

дѣствіе что должно въ тебѣ породить, Хрістіанская душа? Любовь ко Искупишелю, а ваче спрахъ къ Шравдѣ и Истинѣ Вседержителя. Распятый Богочеловѣкъ открываетъ тебѣ примѣромъ своего спраданія, сколь спрашно впасти въ руцѣ Бога живаго! Правосудный Господь погрѣшившикъ Ангеловъ не пощадѣ: что убо сошворитъ съ тобою, естли паки узришь тебѣ согрѣшающею паденіемъ непростишительнымъ? Тогда — то послѣдняя наказанія будутъ горше первыхъ.

Однако взирая на спраданія Искупишеля сколь живо должна ты познавать спрогость вѣчнаго правосудія, не менѣе обязана исповѣдывать неизрѣченное человѣколюбіе во Хрістѣ Исусѣ. Ибо при совершеніи его смерти чудодѣйственнымъ образомъ въ избавишелѣ *милость*, а въ Господѣ *истина срѣтостася*; въ Богѣ Отцѣ *правда*, а въ Богѣ Сынѣ *миръ облобызастася*.

Агнецъ неповинный! когда ты совершилъ дѣло нашего Искупленія изъ твоихъ подвиговъ, былъ первѣйшій *подвигъ моленія* (*). И что означала твоя молишва? Крайнее милосердіе не въ разсужденіи людей праведныхъ и благо-

(*) Мар. XIV. 32.

благочестивыхъ ; но въ разсужденіи
зыка пребеззаконнаго. Ты молился,
но за кого ? За своихъ враговъ, гони-
телей, — за Архїереевъ и книжниковъ,
устроившихъ совѣщъ прошивъ швоея
жизни ; за воиновъ, которые на тебя
лжесвидѣшельствовали, водили къ Пи-
лапу, распяли посреде́ двухъ разбой-
никовъ и спрегли даже мершвое шѣло
швое. Во время спрашныя швоея кон-
чины, когда все было безгласно и ши-
хо, ты единъ возносишь къ небесамъ
благоушробный гласъ свой ; ты про-
сишь у Господа Саваога, но чего ? Не
грома и молніи въ усмиреніе нечести-
выхъ, но помилованія и щедропы вызы-
вая : *Отге праведный, отпусти имъ, не
вѣдятъ бо што творятъ* (*). Не говоришь
ты, висяй на древѣ, всеильный Боже !
а зываешь : *Отге !* Не шребуешь ; воз-
даждь по дѣломъ беззаконныхъ, а про-
сишь : прости слѣпошпвующихъ, *не
вѣдятъ, што творятъ*. Не ищешь ты
удовлетворенія за пролише неповин-
ныя своея крови, а ходатайствуешь
о прощеніи, какъ бы облагодѣшель-
ствованный зывая : *Отге !* пусть вра-
ги мои увѣнчали главу мою шернѣемъ,
но ты ихъ помилуй и помиловавши не
лиши

(*) Лук. XXIII. 34.

лиши вѣнца небснаго ; пусть они пригвоздили меня ко кресту , но ты , Отче мой ! за обогранныя кровію моею ихъ руки введи по невѣденію согрѣшившихъ въ чертогъ вѣчныхъ славы . Что чувствительнѣе сего моленія можешь изображать намъ снисхожденіе швое ? Видимъ мы , Избавитель нашъ , въ спрданіяхъ швоихъ безконечную къ себѣ *милость !*

Спасшійся на крестѣ разбойникъ , удостоившійся услышать гласъ живота вѣчнаго не увѣряешь ли еще насъ и ты , что милосердія Искупителева къ намъ бездна многа ? Ежели ты , будучи явнымъ преступникомъ священиго , ежели ты , чистосердечно раскаявшись въ преступленіяхъ своихъ и положившись на заслуги Спасителя , получилъ съ оправданіемъ наслѣдіе вѣчнаго блаженства по словеси : *днесь со мною будеши въ рай (*)* : то мы ли уже поучающіеся закону его день и ношь можемъ опчаяваться въ пріобрѣтеніи милости его ? Но здѣсь паки представляется предъ очи вѣрующихъ поспрадавшее Слово .

Покланяемый сынъ Божій ! когда ты умирая самъ ни откуда не имѣлъ по-

(*) Лук. XXIII. 43.

помощи и утѣшенія; когда ты самъ отъ шягости несноснаго прискорбїя вопїялъ ко Господу: *но что я оставилъ еси* (*)? Не любовь ли швоя, позабывъ собственную болѣзнь, расположила тебя утѣшать стоящую у креста ма-терь свою и возлюбленнаго ученика Іоанна? Ей ты глаголалъ, жено! *се сынъ твой* (**)! а ему: *се мати твоя!* До того ли тебѣ было, дабы утѣшашь тогда и прочихъ, когда спраданїя твои поми-нушно прїумножались болѣе и болѣе. Или по безконечной своей милосости отъ иного самаго часа въ лицѣ матери своей и возлюбленнаго ученика ты всѣхъ вѣрующихъ желалъ и желаешь привести *во свояси*? Всѣ, всѣ дѣянїя спраданїй твоихъ увѣряюшъ насъ, Человѣколюбче, что ты умеръ для доставленїя намъ вѣчнаго *мира*. — Ты до полъ не прекра-тилъ жизнь свою, доколѣ по неисповѣ-димому всевѣденїю не проникъ, что спраданїя твои обрѣли уже плодъ предъ Господемъ. Сїе духомъ божествен-нымъ проразумѣвши заключилъ ты всѣ болѣзни и смерть свою симъ сло-вомъ: *совершишася* (***)). То есть, совер-
ши-

(*) Мар. XV. 34.

(**) Іоан. IX. 27.

(***) Іоан. IX. 28.

шлось о твоихъ заслугахъ примиреніе наше съ правосудіемъ Превѣчнаго; совершился конецъ спрөгостей вѣпхозавѣшныхъ и первородныя клятвы; совершилось Тобою дѣло спасенія нашего посре-дѣ земли: а по сему всѣ чада сѣни смерпныя изъ узниковъ грѣха преобразилися въ сыновъ Благодаши и въ на-слѣдниковъ небесныя славы. Изъ дѣны многоплодныхъ спраданій Твоихъ всѣ мы чувспвуемъ, что ты велію явилъ къ намъ свою милость, избавивъ Израиля отъ всѣхъ наказаній, сразмѣрныхъ беззаконіямъ нашимъ. Ты убивъ на крестѣ вражду, примирилъ падшихъ и научилъ всѣхъ вопити: Авва, отче! И такъ мы всѣ о тебѣ не чада уже гнѣва, а сынове Вышняго.

НАСТАВЛЕНІЕ VII

О

прискорбія жѣ.

Какое ослѣпленіе и какой безпорядокъ тому причиною, что многіе Хрістіане легкія прискорбія почитаютъ великими злоключеніями, а переносящихъ оныя несчастными? Естли бы идолопоклонники и язычники такъ думали, шо

то не чему бы дивиться: но когда Хрістіане питають въ себѣ такіе помыслы, то они безчестяшъ свою Вѣру, и нѣкоторымъ образомъ оныя отрицаются. Ибо Хрістіане, поклоняющіеся Богу на крестѣ, исповѣдающіе Вѣру основанную на крестѣ, прискорбія должны почищать за блаженство. *Блаженни платущіи* (*).

Хрістіане именемъ да будемъ, Хрістіанами и сердцемъ; возвысимъ свои помышленія и чувства; прискорбія почтемъ за нѣчто священное; познаемъ далѣ ихъ важность и цѣну. Ежели мы беззаконницы; Богъ посредствомъ прискорбій хочетъ, чтобъ мы познали грѣхъ свой, и такъ чрезъ оныя очищаетъ насъ отъ болѣзней душевныхъ. Великая къ намъ благость Божія! Судя по Вѣрѣ, прискорбія наши должны быть предпочтительны всѣмъ ложнымъ увеселеніямъ и щастію міра сего.

Богъ хочетъ, чтобъ посредствомъ прискорбій мы познавали грѣхи свои. Подлинно, нещастіе всего удобнѣе открываетъ намъ ту пропасть, въ которую увлекаетъ насъ временное благополучіе. Грѣшникъ, находясь въ благополучіи, забываетъ, кажется, что есть

Часть II. Д Богъ,

(*) Матт. V. 4.

Богъ, которому служить должно, — и что есть душа, которую спасти нужно? Безчисленные суетные предметы занимають всё его мысли, развлекають все его вниманіе и лишаютъ почти какъ времени, такъ и средствъ къ познанію самаго себя. Въ такомъ положеніи очи его, взирающія единственно на зазорныя удовольствія, не примѣчаютъ собственнаго заблужденія, или хотя и видятъ, но какія производятъ понятія? Понятія пустыя и поверхнія, которыя вскорѣ исчезаютъ; понятія очень тѣсныя и темныя, которыя какъ луна въ нощи изливаютъ нѣкоторой свѣтъ, но половиною или четвертою долею; понятія неосновательныя и безпокойныя, съ которыми онъ безпрестанно сражается, слѣдственно понятія сухія и безплодныя. И такъ что къ сему пошребно, чтобъ ихъ сдѣлать дѣйствительными? Нужно, дабы прискорбіе насъ обтекало; оно измѣняетъ весь образъ нашихъ мыслей и дѣяній. Въ началѣ оно удаляетъ отъ грѣшника суетныя и скороисчезающія понятія, потомъ, какъ бы возвративши его въ себя, или яснѣе приведши въ здоровое чувство, заставляеть его возчувствовать смятеніе совѣсти; наконецъ, какъ бы пробудивши его отъ глубокаго сна, показываетъ къ его

изу-

изумленію шу пропаснь, по копорой онь опчаянно шествоваль. Тупь возраждается въ немь помышленіе о Вѣч-ности; Вѣра предспавляется въ своихъ законахъ; Благодать, вшедши въ сердце прискорбіями объяпоё, оживляетъ въ немь всѣ божественныя чувствія, копорыя по видимому въ ономь со-всемь погасли; при оживленіи сихъ дарованій грѣшникъ познаетъ весь спыдъ, злобу и гнусность своихъ без-законій. Колико поразительныхъ при-мѣровъ къ увѣренію въ семь находящ-ся въ Испоріи! Богъ не отверзль ли очи Давиду, Манассіи и прочимъ без-численнымъ грѣшникамъ, огорчивъ ихъ сердце?

Однако сего еще не довольно, что грѣшникъ посредствомъ прискорбій мо-жетъ познавать свои преступленія: находясь въ огорченіи онь не можеть не проклиная своихъ студоуѣяній, и не можеть не прилѣпляться къ добро-дѣтели. По сей выгодѣ для души на-шей речемъ вси единогласно: Боже! не утрудися посѣщать грѣшника своими наказаньями; ибо когда ты его пора-жаешь скорбями и огорченіями, тогда сокрушившись и смирившись онь по-вергается въ Твои объятія, яко ус-ращенный младенець въ лоно своея ма-

пери. И се, говоритъ блаженный Августинъ, какое непоспимое, но вмѣстѣ свѣтлѣе содержаніе таинство въ огорченіяхъ человѣческихъ, низпосылаемыхъ по избранію на нѣкопрыхъ отъ руки покланяемаго промысла Божія Богъ, поучаетъ помянутый учитель, *наказуетъ* иногда *изъ* *благости*, а иногда *милуетъ* *изъ* *мщенія*. Ибо въ существѣ правосуднѣйшемъ находится какъ безконечно строгое снисхожденіе, наказующее многихъ для спасенія, такъ содержаніе безконечно праведное оставленіе грѣшныхъ, по причинѣ крайняго предувѣденнаго ожесточенія, *падающее* ихъ къ горшей будущей гибели. Сіе мы частію разумѣемъ нынѣ, но послѣ узнаемъ совершенно, узнаемъ и прославимъ Бога.

Грѣшникъ огорчающійся! ты стелнаешь въ своихъ огорченіяхъ, жалуешься, что дни твои спекутъ въ спраданіи; судя по бѣдствіямъ, мицуты своего живопа ты изчисляешь слезами, въ самыхъ удовольствіяхъ ты видишь прискорбіе, въ мѣрѣ обольщающемъ вѣроломство, въ друзьяхъ непоспоянство, въ намѣреніяхъ прошивное, въ предпріятіяхъ преиянствіе, ничего подъ своими ногами, кромѣ пернія или пропасли. Живя довольно времени

шы

ны ничего не имѣлъ болѣе слезъ въ
очесѣхъ своихъ, жалобы во усахъ и
воздыханій въ своемъ сердцѣ: и доко-
лѣ въ семъ не будешь видѣшь сво-
ихъ собственныхъ выгодъ? Не уже ли
ты не познаешь доселѣ, чья десница
нако дѣйствуетъ? Милосердіе Божіе
сиде устроетъ твое спасеніе. Сознай-
ся въ семъ, согрѣшающій, что необхо-
димо огорченіямъ твоимъ бытъ нужно:
ибо дабы просвѣпиль, то Богъ непре-
мѣнно долженъ лишиль тебя зрѣнія,
яко Товію; дабы возвысиль, непремѣн-
но долженъ смириль тебя, яко Саула;
дабы воскресиль въ благодати, не-
премѣнно долженъ повергнуль тебя яко
Лазаря въ гробъ болѣзней. И что луч-
ше сего можетъ учинить съ тобою
нынѣ Богъ, желающій твоего спасенія?
Ты какъ бы блудно разпочиль всѣ со-
кровища его благодати. Внушенія
Святаго духа, живыя чувствія чис-
пой совѣсти, спасительныя поученія
наставниковъ, назидательныя примѣ-
ры, все сіе по милосердію своему Все-
вышній низпосылалъ къ твоему бла-
женству; но ты по развращенію свое-
го сердца учиниль для себя безплод-
нымъ. И такъ въ сокровищницѣ бла-
гости его ничего уже для тебя не
ошлось, кромѣ огорченій и прискорбій.

Д 5

И

И естли сѣ опниашь, по ты останешь-ся забытымъ; а по сему управляя самъ собою, ты скорыми и не удержи-мыми шагами достигнешь до крайней гибели. Что воображая, непрестанно зывай ко Господу: „Посѣпи мя, Боже!
„и изцѣлѣю; всегдашнее Твое снисхож-„деніе пребудетъ для меня всегда ужа-„нымъ признакомъ своего гнѣва, а
„прискорбія неоцѣненнымъ залогомъ
„любви безконечныя.“ Подлинно, сколь многіе грѣшники спасеніемъ своимъ одолжены прискорбіямъ временныя жи-зни! Смѣло можно сказать, что мно-жество находится во адѣ, которые были бы святыми, естли бы Богъ благоволилъ; имъ искусилися стра-даньями, и на пропивъ не меньше естъ святыихъ на небеси, которые были бы въ числѣ осужденныхъ, ежели бы при-скорбія неизвеликли ихъ изъ бездны по-гибели. И шакъ огорченія составляютъ особенный знакъ благоспи Божія.

Ими очищаемся мы отъ беззаконій своихъ. Свяшый духъ насъ увѣряетъ, что во время сокрушенія нашего бы-ваетъ наипаче опущеніе грѣховъ на-шихъ. *Явилъ ми еси скорби многи, и обращаея оживотворилъ мя еси* (*). По учрежденію
небес-

(*) Пс. 79. 20.

небеснаго правосудія грѣхи наши заслуживаютъ наказаніе; рано или поздно мы оное должны наследоватьъ, или яко кающіеся въ сей жизни, или яко осужденные въ будущей, но только съ тѣмъ различіемъ, что наказанія сея жизни кратки и спасительны, а наказанія жизни будущей вѣчны и безотрадны. И такъ какую благодарность намъ должно возсылать Богу за то, что онъ по благоупробію своему вѣчныя наказанія измѣняетъ на временныя? Колико мы должны прославлять его за то, что онъ страшныя пораженія десницы вѣчно наказующія, измѣняетъ въ нѣкопорыя посѣщенія руки опеческія, руки насъ смиряющія для большаго возвышенія? Такія прискорбія заслуживаютъ ли наше ропшаніе и жалобу?

Грѣшники! желаемъ ли научиться терпѣливому перенесенію пягостей своихъ огорченій? Сравнимъ прискорбія, испытываемыя нами во времени, съ прискорбіями уготованными для насъ въ вѣчности; взвѣсимъ переносимое нами съ тѣмъ, что мы заслужили; а по сему когда мы страждемъ, тогда сознаемся: „Я страдаю, это правда; я „нахожусь въ опасной болѣзни; огонь „горячки, разливающейся съ кровію

„моею въ жилахъ моихъ палишь меня
„и сжигаетъ, но сей снѣдающій огонь
„столько ли спрашенъ и несносенъ,
„сколько огонь ада, мною заслуженный?
„Я претерпѣваю обиду и утѣсненіе;
„безчеловѣчѣе подобныхъ довело меня
„до крайнія бѣдности: но такое горе-
„спное положеніе злосчастнѣе ли со-
„стоянія души осужденныя, души
„всего оспавленныя, и удѣломъ своимъ
„ничего неимуція, кромѣ мученія,
„соболебнованія и опчаянія безконеч-
„наго? „

Боже правосудный! поражай, нака-
зуй и истязуй меня въ сей жизни,
токмо съ тѣмъ, что пощадишь въ вѣч-
ности. Тяжеснѣ временныхъ прискор-
бій моихъ никогда не можешь сравнить-
ся съ тяжестію наказаній неокончае-
мыхъ. Что предполагая повергнемся,
вѣрующіе, къ подножію кресна Господ-
ня; облобызаемъ десницу насъ пора-
жающую; прославимъ Бога въ образѣ
Отца насъ наказующаго. Мышца его
вознесена въ пораженіе наше, но сер-
дце отверсто къ воспріятію кающихся
и готово къ спасенію грѣшныхъ.

НАСТА-

НАСТАВЛЕНІЕ VIII

О

прискорбіяхъ Праведнаго.

Душа благочестивая! оживись Вѣрою; она тебѣ нужна, дабы проникнушь въ намѣреніе, съ какимъ Богъ посылаетъ прискорбія на праведнаго, и дабы почудишься Спасительнымъ дѣйствіямъ, въ праведникъ отъ прискорбій раждающихся.

Богъ чрезъ прискорбія добродѣтель праведнаго испытуетъ, — очищаетъ, — укрѣпляетъ, — пріумножаетъ и совершенствуетъ. Се колико безцѣнныхъ выгоды самъ праведникъ обрѣтаетъ въ прискорбіяхъ своихъ; а по сему не токмо огорчаться и ропсать, но паче не должно ли ему прискорбія свои почитать за особенные знаки Божія милости? Премудрый Промыслитель! подкрѣпи насъ въ разсужденіи искушенія, слабой природѣ шолко прошивнаго и недально-видныя наши чувства и разумъ много превосходящаго.

Чрезъ прискорбія Богъ *испытуетъ* добродѣтель праведнаго. Тако искушалъ Онъ Іова опнявши у него все, чѣмъ Іовъ яко любезнымъ ни обладалъ въ мѣрѣ; тако Авраама, повелѣвый ему прине-

сти въ жертву себѣ едиnorodнато сына Исаака; тако Товію, лишивъ зрѣнія; тако испыуешь онѣ еще и нынѣ на всякъ день души праведныя, души любви своея достойныя по слову: *Ихѣ же аще люблю, облигаю и наказую* (*). Тысячекратно мы обѣщавались Господу, что пребудемъ ему всегда вѣрными, что лучше во многихъ случаяхъ лишимся жизни, нежели пропивное что нибудь предъ нимъ исполнимъ; что ни жизнь, ни смерть, ни мѣръ, ни адъ не могутъ насъ оплучить отъ любви Его; сїи обѣщанїя наши безъ сомнѣнїя ему прїяшны: но онѣ хошетъ еще испыташь, сколь много они искренны и непреложны, всегда ли дѣянїя нашей жизни соотвѣтствуютъ словамъ нашимъ, словомъ, онѣ хошетъ другаго свидѣтельства, вѣрности нашей, нежели въ однихъ словахъ содержащагося, и сїе свидѣтельство состоитъ въ нашихъ прискорбїяхъ. Или скажемъ лучше, не Богъ собсвенно хошетъ узнать нашу добродѣтель, ибо ему наше сердце извѣстно: но Онѣ хошетъ, чтобы праведный узналъ и испыталъ себя самаго. Ибо въ сколь безчисленныхъ случаяхъ мы обольща-

(*) Апок. III. 19.

щаемъ себя самихъ, обманываемъ въ
разсужденіи расположеній своего сердца?
Давидъ, будучи удаленъ отъ нѣкопоро-
рыхъ случаевъ, думалъ, что его ни-
что поколебать не можетъ; но той же
Давидъ при случаѣ палъ злощасно.
*Господи! съ тобою готовъ есмь и въ тем-
ницу и на смерть итти (*)*, сказалъ
Святой Апостоль Пётръ; но мало
спустя, одно слово рабыни могло лег-
ко содѣлать его оппавшимъ отъ Вѣры.
Какое множество праведниковъ въ
опасностей почитали себя непоколеби-
мыми, а при смеченій обуревающихъ
искушеній претерпѣли плачевное кора-
блекрушеніе? Научимся изъ сего, слабо-
душные Хрістіане, познавать себя, и
дополъ себя самимъ не довѣрять, до-
колъ искушеніе прискорбій не увѣришь
насъ въ непоколебимости нашей, и до-
бродѣтели нашей не учинитъ извѣсп-
нѣйшаго и надежнаго свидѣтельства.

Горе мнѣ! Во многихъ случа-
яхъ посредѣ Святаго храма Твоего
предпринималъ я, Боже! благія намѣ-
ренія. Многократно я почиталъ себя
удобнымъ къ перенесенію всѣхъ подви-
говъ въ угожденіе пвое, Сердцевѣдче!
но при малѣйшемъ случаѣ всѣ мои
пред.

(*) Лук. XXII. 33.

предпріяшїя исчезли, вся моя крѣпость ослабла.

Чрезъ прискорбія Богъ *очищаетъ* добродѣшель праведнаго. Праведникъ, говоришь Духъ Свяшій, седмижды на день падаетъ, ш. е. человекъ, сколько бы благочестивъ ни былъ, въ безчисленныхъ поступкахъ можешь найти себя виновнымъ, представивъ предъ очами своими Бога. Онъ всегда имѣешь нѣкопорыя пристрастія, соесущественныя своему сердцу; имѣешь какую-то наклонность ко злу, какую-то приверженность къ вещамъ міра сего, а наипаче къ самому себѣ; всегда въ немъ примѣтно великое хладнокровіе къ добродѣтели, лѣность къ исполненію закона, упорство противъ истины, вѣроломство противъ Благодати. Сїи мрачныя тучи слабы противъ силы Евангельской: однако они могутъ на вѣки зашмитъ сїяніе добродѣтели и возпрепятствовать соединенію съ Богомъ.

Сїи-то самыя препятствія Богъ хочетъ разрушить, и сїи-то тучи разогнать хочетъ. Но какое къ тому и къ другому удобнѣйшее средство? Прискорбія! Просупки праведныхъ суть пятна очерняющія ихъ душу. Сїи пятна не истребляютъ со-
всемъ

всемъ любви къ Богу, но ее охлаждають; не лишаютъ совсемъ благодати, но оную искажаютъ и препятсвуютъ ея впечатлѣнїямъ; не причиняють смерти душамъ нашимъ, но приводятъ ихъ въ слабость и изнеможеніе. И такъ Богъ ихъ любящій и равно отъ душъ праведныхъ любимый, хочетъ учинить всѣхъ любви своея достойнѣйшими чрезъ прискорбія. Праведникъ на землѣ яко злато драгоцѣнное, но сіе злато имѣетъ нужду въ очищенїи; по сему нужно ему, для полученія лучшей цѣны и сіянїя, искуситься огнемъ прискорбій. Богъ любящихъ его наказуетъ, и наказуетъ яко Отецъ. Рука наказующая праведныхъ есть путь, руководствующій къ благоупробному сердцу, и къ Человѣколюбцу, всѣмъ желающему спасенїя.

Колико были бы мы блаженны, естли бы всегда имѣли такія чувствованїя, естли бы всегда лобызали десницу насъ поражающую и съ пораженіемъ творящую возстанїе, и естли бы наконецъ искушенїя, посылаемые на насъ отъ Всевышняго не сполько за прискорбіе, сколько за милость почивали! Благодать вынуждаетъ меня на сіе согласиться, но природа нѣсколько прошивоборствуешь; не внемля

не-

несогласію ея, подкрѣпи, Боже! слабость мою и продли дѣло своего милосердія.

Чрезъ прискорбія Богъ *подкрѣпляетъ* добродѣшель Праведнаго. Мы сіе знаемъ совершенно, да опытъ и Вѣра насъ въ томъ увѣряють, что Праведный никогда болѣе не ужасаешся себя самаго, какъ въ то время, когда онъ ничего не боишся, и напротивъ тогда только онъ въ разсужденіи всего бываетъ благонадеженъ, когда въ себѣ самомъ мало увѣренъ. Никогда онъ не показываешся паче швердымъ и непоколебимымъ, какъ не довѣряя самому себѣ, когда прибѣгаешъ къ Богу, и помощи, которыя въ себѣ найти не уповаешъ, отъ него надѣешся. Но къ шакому щаспливому состоянію приближаешъ насъ одно прискорбіе: ибо прискорбіе не токмо удаляешъ отъ насъ предметы, могущіе поколебать нашу швердость, но обязываешъ старатся неусыпно о себѣ самихъ, заспавляешъ не довѣряшъ собственнымъ силамъ, располагаешъ прибѣгать къ Богу, яко къ надежнѣйшему своему помощнику, вынуждаешъ болѣе и болѣе удаляшся отъ міра, отъ вещей, которыхъ суешу и гиблемость ничто намъ такъ ясно не показываешъ, какъ временныя прискорбія.

бїя. И такъ естѣли находилсѣ какое средство, удобнѣйшее добродѣпель нашу учинишь твердою и постоянною, то наипаче недовѣріе наше къ себѣ самимъ и упованіе на единого Бога. Се два непоколебимыя основанія великаго спроенія человѣческаго, состоящаго въ святости душевной.

Утверди душу мою, Боже! на крѣпости сихъ основаній. Зная свою слабость, я не смѣю просишь тебя о прискорбїяхъ: но естѣли спраданія нужны къ подкрѣпленію моему; низпошли мнѣ благодать и силу для понесенія оныхъ. Низпошли силу, — я спѣшу почерпнуть оную изъ источника твоихъ собственннхъ спраданій у подножія креси твоего; низпошли Благодать; — ибо я умоляю Тебя о ней гласомъ твоея пречистыя крови, на меня обильно изливающейся.

Наконецъ чрезъ искушенія Богъ *прїумножаетъ и совершенствуетъ* добродѣпель праведнаго. За неоспоримое сказашь можно, что прискорбїя подають случай къ исполненію всѣхъ добродѣлей, и совершенствуютъ, или припождають успѣхи въ оныхъ. Посредствомъ прискорбїи Вѣра дѣлается живѣйшею, упованіе крѣпчайшимъ, любовь горячайшею, крошосль, шерпѣніе, муже-

мужество пускаютьъ глубочайше корни и приносятьъ жашву обильнѣйшую. И такъ праведникъ пусть иногда можетьъ воззватьъ къ Богу, чптобы онъ избавилъ его отъ низпосланныхъ прискорбій и освободилъ отъ тяжкихъ искушеній: но Богъ, будучи ревнительъ своея славы и спасенія душъ человеческихъ проречетьъ ему реченное Апостолу Павлу: гораздо полезнѣе сноситьъ тебѣ тяжоту прискорбій, нежели совсемъ отъ нихъ бышь освобожденнымъ, *сила бо моя въ немощахъ совершается* (*). Пусть ты, чпо день, по новыя будешьъ чувствовать сраданія; чшо часъ, по новымъ будешьъ подлежатьъ мученіямъ: но новые случаи къ сраженію новымъ пребудутьъ для тебя поводомъ къ поржешественной славѣ. Сражайся неослабно во очахъ моихъ; при крайнемъ изнеможеніи, видя ревностьъ духа швоего, я подкрѣплю тебѣ невидимую силою моею. Вооружайся бодростію; ополчайся мужествомъ; мало — понеси прискорбіе, и на цѣлую вѣчнось будешьъ радоваться.

О сокровища неизмѣримыя, сокровенныя въ огорченіяхъ временныхъ! О про-

(*) II Кор. 12.

Промыслъ дивный, низпосылающій ихъ на праведныхъ! Познавъ толикую цѣль и пользу вашу, я не токмо не реку, какое противоборство и какое терпѣнїе, но есѣли имѣетъ кто Вѣру, то при испытанїи васъ какое утѣшенїе и какую радость имѣшь попребно! Однако какимъ окомъ на прискорбія всѣ мы обыкновенно смотримъ? Видя Іова лежащимъ на гноищѣ, Іосифа заключеннымъ во узахъ и въ шемницѣ, Давида тонимымъ оупъ Семея, словомъ, праведника спраждающимъ, всѣ со удивленїемъ возглашаемъ: какой это человекъ несчастной! сколько достоинъ сожалѣнїя! Слѣпопствующїе! доколѣ мы грѣшнѣе не престанемъ? Спраждающихъ мы почитаемъ злощастными, а Іисусъ Хрїстосъ нарицаетъ ихъ блаженными. Гдѣ Вѣра наша? Богъ прискорбіями посѣщаетъ праведнаго; онъ такъ съ нимъ поступаетъ попому, что любитъ его яко сына. Ибо сказано: *аще безъ наказанїя есте, убо любодѣйстннн есте, а не сынове (*)*. И есѣлибъ Богъ поступалъ съ нимъ такъ, какъ поступаетъ съ щастливцами вѣка сего, т. е. есѣли бы онъ попустилъ его наслаждаться всѣми удовольствїями міра, заблудать

Часть II. Е ждатель

(*) Евр. XX. 7.

ждать съ міромъ, быть развращеннымъ, якоже міръ: по онъ, пришедши нѣкогда судити вселенной, купно осудилъ бы его съ міромъ.

И такъ престанемъ удивляться, вѣрующе, видя, что праведные спраждутъ: ибо они по тому единственно и спраждутъ, что праведны; а естли прешади быти праведными, то прешади бы и спраданія переносити. Святой Святыхъ самъ былъ мучимъ не иначе, какъ пріѣвши образъ спраждающаго человѣка; онъ учинился примѣромъ подражанія для предопредѣленныхъ, и не иначе, какъ участвуя въ скорбѣхъ его, всякъ можетъ учиниться причастнымъ славы его. Чѣмъ болѣе яко праведники поскорбимъ мы въ семъ мірѣ, тѣмъ паче яко избранные превознесемся въ вѣчности. Спраданія суть печать избраннымъ; естли кто отходя отъ сея жизни не будетъ оною замѣченъ, то въ страну живыхъ никогда не увидитъ. Мы всѣ чада Голгофы; на сей горѣ отродилъ насъ въ жизнь благодатную Иисусъ Христосъ своею кровію. Сей благоутробный Отецъ нашъ, умирая ничего намъ, чадамъ своимъ, не оставилъ въ семъ мірѣ въ наслѣдство, кромѣ своего креста и благодати. Воспримемъ убо ихъ съ благо-

благодарностию и уваженіемъ; соблю-
демъ съ кротостию и мужесшвомъ, да
пако съ упѣшеніемъ пожнемъ нѣкогда
плодъ воздаянія.

НАСТАВЛЕНІЕ IX

О

*достоинствѣ и превосходствѣ души
нашей.*

Душа наша сотворена по образу Бо-
жю, искуплена кровію Бого-чело-
вѣка, предопредѣлена къ блаженству съ
Богомъ. Се оныя начало, цѣна и конецъ.
По симъ свойствамъ научимся позна-
вать, что есть душа наша; научимся
уважать оную, освящать, однимъ сло-
вомъ, спасать ее. На сіе бо всѣ мы соз-
даны. *Сіе бо есть всякъ теловѣкъ (*).*

Душа наша сотворена по образу
Божію. Когда я разсуждаю о вселенной
и о всѣхъ швореніяхъ, ее составля-
ющихъ: вижу себя окруженнымъ без-
численными предметами, произведені-
ями, веществами. Всѣ созданія пред-
ставляють мнѣ нѣчто величествен-
ное; во всемъ я прииѣчаю изображеніе

Е 2

Боже.

(*) Еккл. XII. 13.

Божества, — живыя черты Всемогущія и Премудрыя Десницы. Солнце представляетъ мнѣ сіяніе славы Превѣчнаго, — земля бездну его благоспей, — море, пучину его неизслѣдимости. Все въ мірѣ высоко; но во всѣхъ швореніяхъ видимыхъ нѣтъ, которое бы совершенно изображало образъ невидимаго; нѣтъ, и такъ я прехожу къ швореніямъ новымъ, взираю умственно на существа невещественныя, и созерцаю бытіе разумное, свободное, словесное, одаренное нѣжными чувствованіями и жизнью нескончаемою; созерцаю свою собственную душу и съ радостнымъ воспоргомъ возвѣщаю мірови: се живой образъ, только мною искомый! се, я въ себѣ самомъ его обрѣпаю! въ душѣ моей я вижу истыя знаки поклоняемыхъ совершенствъ Божіихъ, его безсмертія, красоты и блаженства.

Богъ при созданіи нашего праотца рекъ въ себѣ самомъ: *сотворимъ чело-вѣка по образу и по подобію нашему* (*). Се убо божества зеркало! разсмотримъ сходство подобія съ вѣрностію первообразнаго. Богъ есть духъ, и душа наша существо невещественное; Богъ есть премудрость, и душа наше соз-
даніе

(*) Быт. I. 26.

даніе разумное; Богъ есть добро пре-
совершенное, и душа наша существо,
непрестанно къ добру стремящееся;
Богъ есть творецъ преблаженный, и
душа наша живой лучъ славы его: ибо
происпекла отъ чистѣйшаго дыханія
Вседержителя. Однако сія вышесте-
ственная красота души человѣческой,
поелику не всѣмъ какъ праведнымъ,
такъ и беззаконнымъ принадлежитъ
равномѣрно: по коліко бы мы удиви-
лись, если бы могли узрѣть всю
лѣпоту души, благодатію оспрожден-
ныя, души унаслѣдившей неизрече-
ное богатство откровенія, души обле-
ченныя во все совершенство и величіе
Вѣры? Предъ красотою ея меркнетъ
сіяніе звѣздъ и солнца. Душа чрезъ
благодать соединилась съ Богомъ; по
сему соединенію не живетъ она въ мі-
рѣ, но превышаетъ небесъ въ самомъ Богѣ
и Богъ въ оной обитаетъ яко въ луч-
шемъ своемъ жилищѣ. Душа чрезъ оп-
кровеніе обручается, яко благообразная
невѣста Іисусу Хрїсту; и по сему она
пріобщается уже, по Апостольскому
слову, самой сущности Божества, шво-
рясь Іисусу Хрїсту *стѣлесною и солри-
тастною*. Какое величіе! какое достоин-
ство души, носящей на себѣ образъ и
подобіе Божіе! Что познавая, сколь

Е 3

нуж-

нужно, что бы она никогда не позабывала величество своего начала и превосходство бышя; сполько же потребно, чтообъ и по и другое поддерживала высокими дѣянми, не позабывая цѣны своея.

Душа *искуплена кровію* Бога-человѣка. О душа многоцѣнная! возносись превыше земли и своея плоти: ибо когда ты куплена кровію Бога-человѣка, то все въ мѣрѣ тебя несравненно ниже. — Христіанинъ! желаешь ли ты познать подлинное величїе своего достоинства? Вопросы о семъ Бога-искупителя. Воззри на его подвиги, на его раны, на его мученїе, на его кровь, на его смерть, и они тебѣ покажутъ чего ты стоишь, показуя цѣну души твоея. — Искупитель спраждаетъ поносно, на крестѣ испускаетъ духъ свой, что сіе значитъ? Кровь его восходитъ на небо, не яко Авелева для низведенїя на тебя гнѣва Божїя, а яко пречистаго Агнца восходитъ для примиренїя и усыновленїя твоего съ Богомъ. Се чего ты стоишь!

О свяшая и таинственная Вѣра! Богъ съ одной стороны видѣлъ множество душъ по беззаконїямъ своимъ погибшихъ, а съ другой временную жизнь Превѣчнаго Слова. Сему должно было учи-

учинишься жертвою, умилоспивляющею
безконечное правосудіе, или душамъ
остаться вѣчно злощастными. Крови
пречистой непорочнаго Агнца, надлежа-
ло излишися на землю, или душамъ,
подпадшимъ спрогой клятвѣ, вѣчно
окаявать себя во адѣ. При спеченіи
сихъ крайностей Богъ предпочелъ на-
онецъ спасеніе и искупленіе души чело-
вѣческой крови и жизни возлюбленнаго
своего сына. О святая и шайнспвен-
ная Вѣра! Господь нашъ чуденъ совѣш-
никъ!

По искупленіи душа наша опредѣле-
на вѣчно блаженспвовать съ Богомъ.
Разсуждая объ ней по шой бѣдноспи и
по шѣмъ спраданіямъ, какимъ она под-
лежитъ въ семъ мірѣ, яко узница,
заключенная въ темницу плоти, можно
сказать: Существо безплотное! гдѣ
швое достоинство? Гдѣ промыслъ Бо-
жій? Како ты созданіе, предъ прочими
превосходнѣйшее, доведена до подикаго
униженія? Но есть ли воззримъ на нее
очами Вѣры: то узнаемъ, что душа
наша доведена до такого состоянія на
весьма крашкое время, что Богъ заклю-
чилъ ее въ мірѣ, яко въ спранѣ запо-
ченія для заслуги царства небеснаго,
что започеніе ея вскорѣ кончится, что
изпекши изъ объятія Божія паки она

должна возвратиться въ оное, что рано или поздно малѣйшія прискорбія исчезнутъ и возсіяетъ незаходимое солнце всегдашнія радости. Тогда-то, вшедши въ жилища избранныхъ, она возцарствуетъ съ ними вѣчно и насытится блаженствомъ самаго Бога.

Взирая на споль высокое предопредѣленіе души нашей не должно уже удивляться всему, что Богъ для оныхъ сдѣлалъ; не должно удивляться, что Искупитель для спасенія ея низшелъ на землю; не должно удивляться, что вдохновенные благовѣстники Евангелія переходящъ за предѣлы моря, проповѣдуютъ откровенную Вѣру въ концахъ вселенныя; не должно удивляться, что служители церковные тщательно пекутся о исправленіи заблудшихъ, что церковь непрестанно призываетъ ихъ на путь спасенія, и призывая открываетъ средства къ обращенію; но еслили что дивно, то сіе, како многіе Хрістіане, просвѣщенные Вѣрою въ разсужденіи достоинства и величія своего, душу свою во многихъ случаяхъ за ничто почитаютъ? Благочестивые опшелники, дабы спасти душу свою, разлучившись съ міромъ, вѣчно погребали себя въ пустыняхъ; православные подвигоположники, дабы не оспашься осужденъ

денными, предавались всѣмъ спрого-
сиямъ покаянія; подражаемые мучени-
ки, дабы не погибнуть душевно, съ
охотою преперивали великія казни:
но Хрістіане, работая плоти и міру
когда не брегущь о спасеніи души
своей, суть ли Хрістіане? Одно имя
Хрістіанина написано на челѣ ихъ, а
чувствія Хрістіанскія изъ сердца из-
гнаны.

Нѣкоторый Государь потребовалъ,
чтобъ Григорій Богословъ сдѣлалъ нѣ-
что незаконное. Государь! опивши-
ствовалъ ему праведникъ, естли бы я
имѣлъ двѣ души, то одной могъ бы
пожертвовать своему изволенію: но
какъ я имѣю ее одну, то хочу спасти
оную. Какое высокое чувство! —
будемъ послѣдовать оному во всѣхъ слу-
чаяхъ во вѣкъ — когда только спасеніе
души нашей бываетъ въ опасности. Да
речешъ кійждо на всякое время: я
имѣю одну душу, и хочу спасти
оную.

НАСТАВЛЕНІЕ X

О

спасеніи душевномъ.

Вѣра меня научаетъ, что душа моя сотворена по образу Божію, испулена его кровію и опредѣлена съ нимъ вѣчно блаженствовать. Но сіи высокія истины какимъ должны служить для меня размышленіемъ? Какія должны возбуждать чувства въ сердцѣ моемъ? Самъ сіе ошкрой ны мнѣ, Боже! и научи, како могу спасти душу мою.

Когда я разсуждаю о превосходствѣ души моея, судя по ея началу, какія высокія понятія я имѣть долженъ о себѣ самомъ? Но когда взираю на то, чѣмъ душа моя учинилась по своему вѣроломству, несносное сокрушеніе объемлетъ всю мою внутренность. Какое было сіяніе души моея, когда опрождена была она Богомъ въ водахъ крещенія? И въ какомъ будетъ положеніи, когда я ее возвращу Богу? Душа, сотворенная по образу Божію, по какимъ чертамъ тогда можно будетъ познать себя? Увы! образъ твой обезображенный, обезчещенный, искаженный имѣетъ ли хотя малѣйшія черты своего перваго сіянія, своего древняго бле-

блеска? Какіе сходственные признаки имѣеть она съ Богомъ? Богъ есть святъ, а ты, душа моя, шакова ли? Богъ есть праведенъ, а ты душа моя безгрѣшна ли? Богъ есть пресовершенъ, а ты во всемъ ли достаточна? Како Богъ можетъ познать въ тебѣ самого себя, или по крайней мѣрѣ како можетъ найти въ тебѣ свое созданіе? Пророкъ Ветхозавѣтный много плакалъ нѣкогда о градѣ Іерусалимѣ, о градѣ опустошенномъ, разоренномъ, погребенномъ подъ своими развалинами и лишенномъ прежнія красоты своея: подобное рыданіе, или еще горшее не долженъ ли я произвестъ о тебѣ, душа моя, душа обезображенная предъ очами Божіими, душа лишенная той красоты и славы, въ какую ты была облечена при исходѣ изъ рукъ Божіихъ; на себя воззрѣвши я самъ уже не познаю прежняго швоего величія; не познаю и вопрошаю: *гдѣ это образъ?* Не уже ли подлинно Божій? Едва примѣтны въ тебѣ малѣйшія черты первобышнаго подобія, и тѣ къ тому единственно служатъ, дабы рыдаль о тебѣ, вспоминая то, чѣмъ ты была, и чѣмъ быг тебѣ быть надлежало.

Душа искуплена кровію Бого-человѣка. Душа Хрістіанская! востекала
ли

ли ты когда духомъ на Голгоѳу; разсуждала ли тамъ когда о поразительномъ зрѣлищѣ, представляемомъ Вѣрою, о жершвѣ закланной безвинно, объ Агнцѣ пречистомъ, умирающемъ для швоего спасенія? — За меня, особенно ты должна говорить, вообразивъ се, за меня приносится Свяшый Святыхъ на великое всеожженіе; для моего искупленія подвергаетъ себя неописаннымъ мученіямъ и смерти: но я съ своей стороны старалась ли о цѣнѣ искупленія своего, сохранила ли доселѣ залогъ моего оправданія? Когда Богъ пошребуетъ отъ меня отчета во всемъ томъ, что онъ для меня сдѣлалъ: тогда что я могу отвѣчать, что воздамъ ему? Онъ искупилъ меня изліянiемъ своей крови, но я паки учинилась плѣнницею міра, рабынею грѣха, узницею спрасшей погибельныхъ. Онъ мнѣ доставилъ блаженную свободу чадъ Божіихъ, изхитивъ меня изъ рукъ вражіихъ, а я своими беззаконіями паки себя ввергнула въ руки враговъ смертныхъ, паки себя унизила, паки низринула въ бездну злощасія и вѣчныя кляпвы.

Горе тебѣ, сказалъ нѣкогда, Пророкъ плачущій о Иерусалимѣ; *горе тебѣ градъ освобожденный!* горе, ибо ты самъ

самъ обратилъ во зло собственное освобожденіе, и теперь самое освобожденіе противу себя ополчаешься; ты расперялъ дары избавленія, и они теперь служатъ къ твоему осужденію; ты не узналъ времени благопріятнаго, и теперь дни спасенія опъ тебя опъемлются; гибель твоя исполнилась; опъ нынѣ враги твои не оставляютъ въ тебѣ камень на камени. Но твое несчастіе, душа виновная, душа обратившая во зло всѣ средства спасенія и потерявшая плодъ заслугъ Хрїстовыхъ, помянутаго несравненно выше. Ибо Божественная кровь, излитая для твоего искупленія, возстанетъ противъ тебя и потребуетъ отмщенія; мѣра милосердія обратится въ праведное для тебя наказаніе; то, чтобы могло послужить къ твоему предопредѣленію и спасенію обратится въ твое осужденіе и въ погиль; обратишься даже до поликаго сокрушенія, что ты не восхотѣла бы быть никогда искупленною. Увы! не долженъ ли я ужасаться поликаго злощастія? При малѣйшемъ попеченіи я могу легко узнать, чего душа моя стоитъ предъ очами Божиими, и при легчайшемъ беззаконіи уразумѣть также сколь она предъ Создателемъ малоцѣнна, хотя искуплена Божественною кровью

кровію. Богъ снизшелъ съ Небесъ на землю, дабы искупить и освятить душу мою: но я могу ли быть самъ къ себѣ столько злобенъ, чшобъ получивъ душу для спасенія, дерзновенно погублять ее спудодѣянми?

Душа моя опредѣлена блаженствовать съ Богомъ; шаково есть упованіе ея и жребій предопредѣленный для ней на Небеси. И такъ можетъ ли она себя унижать, погибельно прилѣпляясь къ ложнымъ богатствамъ, обольщеніямъ и къ ничтожеству міра? Боже мой! душа, предопредѣленная для наслажденія нескончаемымъ блаженствомъ, занимается великими происканіями, безпокойствомъ, изнурительными трудами въ разсужденіи сокровищъ пѣлѣнныхъ и ненадежныхъ; алчетъ снисканіемъ и пріумноженіемъ благихъ гиблемыхъ, душа міролюбивая многие часы и цѣлые дни проводитъ предъ зеркаломъ, представляющимъ ей суешу ея, украшеніе пѣлесное, или лучше идолоподобное обожаніе: душа безсмертная! о чѣмъ ты помышляешь, чѣмъ занимаешься? О пѣлѣ, въ копоромъ ты, яко въ темницѣ обитаешь; заботишься безмѣрно о пѣлѣ, — которое должно нѣкогда исплѣть и быть снѣдено червями, а о себѣ самой очень мало.

мало. Люди, опредѣленные вѣчно обладать Богомъ, ничѣмъ не должны болѣе заниматься въ семь мѣрѣ, какъ освященіемъ души своей, и шѣмъ, чѣмъ содѣлать ее достойною предопредѣленнаго небеснаго наслѣдія. Однако, что я учинилъ благое, Боже! для спасенія души своей? Или признашесь, что сдѣлалъ къ погубленію оныя? Что исполняютъ прочіе, и какъ поступаютъ въ разсужденіи спасенія души своей?

Всѣ объ ней не радяшъ; всѣ оную безчестяшъ; всѣ ею не уважаютъ; всѣ оной жертвуютъ міру, а слѣдственно все ее погубляютъ. — Всѣ нерадяшъ объ ней; видя такую лѣность, такое хладнокровіе въ разсужденіи усовершенствованія внутрення части чело-вѣческой, не можемъ ли мы сказать себѣ самимъ, что мы почти душою и не обладаемъ? Всѣ оную безчестяшъ, дѣлая невольницею чувствъ и поспыдною узницею зазорныхъ спрасстей. Всѣ ею не уважаютъ и жертвуютъ оной, чему? Подлому корыстолюбію спудному сладоспрасстію, минувнымъ прихотямъ. Многократно въ испытанныхъ случаяхъ неблаго разумно ее забывають; многократно въ извѣстныхъ обшпояшельствахъ подвергаютъ ее опа-сно-

сности ; многократно безъ всякаго страха и мученія совѣсти ввергають оную въ бездану преступленій , а по сему погубляють ея и погубляютъ единожды на вѣки : ибо знаютъ , что пошереиіе души есть невозвратимо . Спаситель челоуѣковъ произнесъ нѣкогда , и желалъ , чтобъ внушеніе его слышимо было всей вселенной : *Кая польза теловѣку аще пріобрѣщетъ мїръ весь и отщепитъ душу свою ; или что дастъ теловѣкъ измѣну на души своей (*)* ? Однако мы гласа сего не слышимъ , и объ немъ не размышляемъ , *какая польза теловѣку ?* Если я единожды погублю душу мою : что мнѣ останется ? къ чему мнѣ можетъ послужить все прочее ? скопище богатствъ , сіяніе чести , обладаніе всѣми гиблемыми благими , замѣнятъ ли они мнѣ вѣчную потерю души мнѣ ввѣренной , *какая польза теловѣку ?* При семъ —

Два особенныя помышленія меня удивляютъ и устрашаютъ , Боже праведный ! Первое раждающееся при созерцаніи души моя во грѣхѣхъ , а второе при созерцаніи оныхъ во адѣ . — Вижу я душу мою во грѣхѣхъ , и се она покрыва проказою , отъ которыя отвращаются очи твои , и лишь токмо оставляетъ шѣло свое ,
дѣ-

(*) Мар. VIII. 39.

дѣлается жерпвою вѣчныхъ наказаній. — Вижу я душу мою во адѣ, и — она на вѣки уже удалена отъ Бога, на вѣки осуждена не видѣть Творца бышя своего, на вѣки подвержена горькому опчаянью и мукамъ, въ копорыхъ непреспанно будешъ памяповать: „я бы могла спасися и теперь погибаю „ Подлинно! многія уже души пребываютъ въ семъ спрашномъ соспояннн, или лучше въ сей безднѣ погнбельнаго опчаяннн: но что я нѣкогда буду, и каковъ жребій моей души будешъ въ вѣчности? Я сего не знаю, и по сему взываю съ Пророкомъ: „се нынѣ нагахъ; взываю отъ сильнаго сокрушеннн сердца, отъ нынѣ и даже до конца дней моихъ *хощу сласти душу свою*. Ибо узналъ уже я заблужденнне свое, обманъ исчезъ, слѣпоша прекратилась; хощу помыслишь о спасеннн души своей. Доселѣ я объ ней не спарался, оставлялъ ее, порочилъ, жерпвовалъ ею суешносшямъ, не познавалъ ни величештва, ни цѣны, ниже опредѣленнн оныя: но теперь хощу спасти душу свою. Прежде я много заботилсся о всемъ прочемъ, и нѣтъ, чѣмъ бы я не занимался; только одна душа была забыта, душа, паче всего пребующая и заслуживающая мои по-

Часть II. Ж печенн:

леченія: но нынѣ я объ ней помышлять и спараться начинаю. И что, естли бы воззвалъ меня предъ себя Богъ въ пропекшіе дни жизни твоей, въ какомъ бы состоянїи я предсталъ ему? Какое бы тогда былъ мой жребїй, или лучше злощастїе? Чего опасаясь, хошу спаси душу свою; съ сея минуты я намѣренъ спараться о спасенїи своемъ; сіе бо въ мїрѣ семъ всего для меня нужнѣе: и къ чему мнѣ все земное послужитъ въ вѣчности, естли душа моя погибнетъ? Жизнь моя переходитъ, дни ушекаютъ, конецъ приближается, время остаешся очень крашкое, могу ли я въ оное, какъ прежде могъ, искупить грѣхи мои? Самъ въ себѣ сомнѣваюсь: однако для возвращенія даровъ благодати, яко кающійся Пророкъ, я хошу на всякое время быть готовымъ къ возвращенію души моея Богу; когда только Онъ ни попребуетъ отъ меня оныя, я готовъ уже сказать ему: въ руцѣ твои предаю духъ мой. Я хошу спаси душу мою, хошу точно, дѣйствительно, непреложно; хошу спаси ее во времени; вѣчности же мало будетъ для оплакиванія ея погибельнаго злощастїя. Боже! когда я дышу еще, она можетъ еще быть твоею, можетъ еще любить тебя: воспламени убо огонь
сего

сего небеснаго свѣшпильника. Научи насѢ познавать достоинство души нашея, и попеченіе, какимъ мы ей обязаны; вразуми, чтобъ мы знали, что она отъ тебя истекаетъ, о тебѣ живъ, и съ побою вѣчно должна царствовать.

НАСТАВЛЕНІЕ ХІ

О

*Всеобщемъ совершенствѣ по своему
состоянію.*

Должно согласишься, что мѣръ весьма неправильно думаешь, будто духовное совершенство наше сопряжено съ великою строгостію, жестокостію и почти съ неудобствомъ къ достиженію. Многіе мыслятъ, что жизнь людей благочестивыхъ погружена въ мучительную задумчивость, лице ихъ всегда покрыто томною блѣдностію; сердце ихъ никогда не ощущаетъ радости; будто они никогда не видятъ дней красныхъ и спокойныхъ. Такая неправда съ здравымъ разумомъ и истиною несогласна. Самолюбіе оную порождаетъ съ тѣмъ, чтобъ благочестіе поставляя выше всеобщихъ силъ, подъ симъ ложнымъ предлогомъ сво-

Ж 2

бодно

бодно можно было утопать въ порокахъ и нечестіи. Въ самой же сущности о душевномъ своемъ совершенствѣ мы совсѣмъ иначе должны мыслишь. Чтوبъ преуспѣшь въ ономъ, мы не обязаны, пріѣвши видъ дикихъ нелюдимовъ, скрываться въ лѣсахъ непроходимыхъ; не нужно, чтобъ шли всегда путемъ кровавымъ, или усѣяннымъ терніемъ; не надобно, чтобъ ежедневно главу свою посыпали пепломъ, а шѣло облекали въ власяное вретіще: благочестіе всюду обитать можешъ, во градѣхъ и въ пустыняхъ, на престолѣ и въ хижинѣ бѣднаго.

О Израиль! сказалъ нѣкопной Пророкъ древнему языку, не думай, чтобы святой законъ, Богомъ для васъ уставленный, былъ выше силъ вашихъ. Нѣтъ! чтобы его выполнить, для сего не нужно ниже заблуждаться въ пустыняхъ, ниже укрываться въ горахъ, ниже преплывать пучины морей; не выходя изъ своего отечества, не отвергаясь совсѣмъ своего имущества, не подвергая жизнь свою опасности, вы можете соблюсти его. Богъ, вѣдая слабостъ вашу, такой послалъ вамъ законъ, какой сообразенъ силамъ вашимъ. Прилѣпнись къ нему сердечно, и вы легче и лучше его не обрящете.

Въ

Въ чѣмъ же состоитъ наипаче Хрiстiанское благочестiе, и что намъ дѣлать надлежитъ, чтобъ учиниться духовно совершенными? О смертные! созданные для небснаго блаженства, хотите ли вы содѣлаться благочестивыми и познашь спезю, ведущую къ душевному совершенству? Углубитесь въ настоящее размышленiе; оно споспѣшитъ вашей пользѣ. Если бы сказать пристрастнымъ миролюбцамъ, хотите ли вы узнать средство, чрезъ которое легко и скоро можете быть богатыми, славными, щасливыми на свѣтѣ: съ какою бы охотою они захотѣли узнать оное, съ какою бы алчноспiю спали они слушать такую новость? Но средство, чрезъ которое можно содѣлаться богатымъ, славнымъ и щасливымъ на небеси, должно быть для насъ несравненно прiятнѣе и занимательнѣе. Въ чемъ же оное содержится? Въ томъ, дабы мы спарались быть благочестивыми. Какъ до сего достигнуть? Двумя спезями; *познаемъ* совершенно всѣ должности своего состоянiя, и мы явимся премудрыми; *выполнимъ* ихъ въ точности, и мы пребудемъ благочестивыми. Сего шокмо Богъ онѣ насъ пребуеть, что еспешвенно, правильно и основатель-

но: ибо естли всѣ состоянія учреждаются Промысломъ; по сей Промысль, благораспоряжая оными состояніями, непременно долженъ предоставити и средства къ освященію ихъ. Сіи средства должны бытъ всеобщи, т. е. каждому состоянію приличныя. И пакъ что надежнѣе и удобнѣе всякаго изъ насъ можетъ учинити совершенными въ благочестіи, какъ не выполненіе обязанностей собственнаго званія? Сего средства нѣтъ ближе, лучше и дѣйствительнѣе для каждаго.

А по сему, люди великіе, желаете ли вы бытъ совершенными? Не надымаетесь своею высокою; гордость сдѣлаетъ васъ опврапительными и ненавистными. Владыки земные, представляющіе изъ себя образъ самаго Бога, величіе свое доказывайте паче своими благодѣяніями. Тако посшупая, вы учинитесь святыми.

Правители градовъ, посажденные на мѣстѣ судилищъ, опредѣленные хранить истину и распредѣлять жребіи себѣ подобныхъ челоуковъ, держите всегда въ рукахъ своихъ мѣрило равновѣсія, держите, да никако его корыстолюбіе и лицепріятіе не склонитъ къ странѣ неправедной; держите не забывая, что ваши опредѣленія

ленія и причины судодѣйства временнаго будутъ нѣкогда взвѣшены на вѣсахъ вѣчныя правды.

Купцы, занимающіеся торгомъ, пусть честность да будетъ основаніемъ вашихъ обращеній, вѣрность подпорою стяжаній. Не завидуйте великимъ богатствамъ; они подозрительны со стороны неправеднаго пріобрѣтенія, или устрашаютъ несноснымъ превращеніемъ щасія. *Лучше малое праведнику, нежели богатства грѣшныхъ многи (*)*.

Рукомесленники, день и ночь пребывающіе въ тяжкой работѣ, забывая иногда отдохновеніе и пищу, не начинайте ни единого дѣла безъ намѣренія обратитъ его къ славѣ Божіей, и безъ испрезованія его благословенія. Развѣ Иисусъ Хрїспосъ самъ на землѣ не трудился? Онъ всегда шворилъ угодное Отцу своему. Какой примѣръ къ освященію дѣлъ нашихъ, и какое побужденіе къ снисканію сладости въ трудахъ великихъ!

Отцы семейства, желаете ли вы быть благочестивыми? Научайте чадъ своихъ страху Господню; по смерти своей сію шолько добродѣтель оставите имъ въ наслѣдіе, и она учинитъ

Ж 4

ихъ

(*) Пс. XXXVI. 16

ихъ щасливѣйшими паче, нежели всѣ сокровища плѣннаго міра.

Матери Хрістіанскаго исповѣданія, чѣтобъ быть совершенными по сердцу, не вымышляйте чѣто нѣбудь рѣдкое и всѣмъ видное; занимайтесь токмо домостроеніемъ; назирайте прозорливо содержаніе своего семейства; благораспоряжайте дѣльми своими и рабами; сіи занятія вамъ свойственны. Святой духъ хвалитъ чрезъ Соломона мудрую домостроительницу. А дѣла мудрости ея состоятъ въ томъ, въ чѣмъ мы ихъ поставили.

Дѣти правовѣрные, имѣйте къ своимъ родителямъ почтеніе, любовь и покорность: ибо по симъ токмо поступкамъ можно васъ признавать за вѣрныхъ чадъ всеобщаго Отца небеснаго.

Дщери благочестивыя, желаете ли вы быть святыми? Храните благопристойность, свойственную своему полу и состоянію. Пустьъ спыдъ да воцаряется на челѣ вашемъ, скромность да разверзаетъ уста ваши, цѣломуудіе да управляетъ вашими очами, смиреніе да будетъ лучшимъ для васъ украшеніемъ. Въ семъ бо состоятъ истинныя выгоды ваши въ отношеніи къ Богу и къ человѣкамъ.

Ра-

Рабы, ибо благочестіе и до васъ касаешся, не жалуйпесь на свое соспояніе: ибо самъ Іисусъ Хрїстосъ служилъ нѣкогда своимъ Апостоламъ; служите по сему начальникамъ своимъ вѣрно и нелѣноспно. За сію цѣну трудовъ своихъ вы воздѣршвуете нѣкогда въ крѣвахъ небесныхъ.

На конецъ Хрїстїане, кпобѣ вы ни были, вы всегда пребываете въ щаспїи или въ нещаспїи; еспь ли вы находипесь въ первомъ соспоянїи, то я всемъ одно шокмо скажу слово: не полагайтесь на свое щаспїе, оно опасно; ибо рѣдкїе, или лучше почти никто не содѣлался праведнымъ упоая на свое щаспїе. Чпобѣ касаешся до васъ, скорбящїе въ огорченїяхъ, соспояніе ваше несносно и жалко, эшо правда: но когда я взираю на небеса, вижу, чпо всѣ святыя дошли до нѣбъ сею спезею. И такъ нещаспїе ваше еспь путь къ блаженству; шествуйте по оному неослабѣвая; лобзайте руку васъ поражающую; переносите скорби свои съ духомъ раскаянїя во грѣхахъ своихъ. Тако спрадая на землѣ мало, вы вѣчно будете блаженными въ жизни будущей.

Чувспнїе сіе да будетъ вѣчно запечашлѣно въ сердцахъ нашихъ. Чпобѣ намъ нужно дѣлать, да-

Ж 5 бы

бы учинишься благочестивыми? Вы-
полнять должности своего состоянія.
И когда я говорю должности, то не
важныя и рѣдкія, а обыкновенныя и
всеобщія, копорыя ежедневно бывають,
такъ сказать, въ рукахъ и въ гла-
захъ нашихъ, на примѣръ быть доб-
рымъ опцемъ, вѣрнымъ другомъ, че-
стнымъ гражданиномъ, любезнымъ
родственникомъ, словомъ, чтобъ сдѣ-
латься благочестивымъ, должно чаще
заниматься опредѣленными дѣлами и
заниматься со всемъ иначе, нежели
прежде. Должность свою должны ис-
полнять съ большею вѣрностію, тор-
говлю съ большею честностію, моли-
воприношеніе съ большею теплотою
и вниманіемъ, приступать къ шаин-
снвамъ благодади съ большимъ благо-
говеніемъ, словомъ, всякое упражненіе
исполнять съ большею почностію, по-
рядкомъ, искренностію. Вотъ чѣмъ мы
можемъ учинишься благочестивыми и
достигнуть до высочайшаго степени.
Но сколь мы не извинительны и достой-
ны сожалѣнія, когда, имѣя столь лег-
кое и удобное средство къ содѣланію
себя лучшими, не брежемъ объ ономъ;
имѣя, такъ сказать, въ рукахъ сво-
ихъ безцѣнное сокровище, выпускаемъ
его и по случаю лишаемся его вѣчно.

Воз-

Возвысимъ свои предпрїятїя ; усовершенствуемъ намѣренїя ; въ какомъ бы ни были состоянїи , посвятимъ себя на благочестїе ; постараемся немедленно быть совершенными и совершенными во всемъ , при всѣхъ обстоятельствахъ и на всякое время. Совершенными въ своихъ мысляхъ , а для сего духъ и разумъ нашъ ни чѣмъ не должны заниматься , развѣ достойнымъ Бога помышленїемъ. Будемъ совершенными въ страстяхъ своихъ , а для сего посвятимъ сердце свое на любовь Бога и человѣчества. Будемъ совершенными въ дѣлахъ своихъ ; а для сего благодать да будетъ всегда оныхъ началомъ , благочестїе душою. Будемъ совершенными во всѣхъ нашихъ поступкахъ , а для сего да печетъ жизнь наша по спезямъ добродѣтели ; будемъ совершенными во внутренности жилищъ нашихъ , а для сего должны въ нихъ царствовать порядокъ , согласїе и спокойствїе ; будемъ совершенными внѣ оныхъ , а для сего да представляемъ изъ себя примѣръ подражанїя. Будемъ совершенными въ супружествѣ и въ неискусобности , въ обилїи и въ бѣдности , въ радости и въ печали , въ здравїи и въ болѣзняхъ , въ печенїи всей жизни и при часѣ смертномъ.

Бу-

Будемъ совершенными во времени, дабы учинишься блаженными въ вѣчно-сти. Благочестіе есть цѣль бытія нашего; въ немъ сохранился истинное наше совершенство.

Н А С Т А В Л Е Н І Е XII

О

Святости.

Сколь великія, основательныя и высокія истины представляешь намъ святошь! и сколь они удалены отъ нашего разума! или естли онѣ обихъ и помышляетъ: по коль малое имѣютъ они впечатлѣніе на наше сердце?

Праведный Боже! испочникъ всякія святоши, ты шокмо единъ можешь истиннымъ внушеніямъ святоши придашь благоплодную дѣятельность и силу; сотвори, дабы онѣ глубоко вѣдрились въ наше сердце, вѣдрившись, чшобъ никогда не изглаждались; и такъ единымъ были бы правиломъ всея нашей жизни.

Первая истина. Мы всѣ *рождаемся* въ міръ сей, чшобъ *быть святыми*. Се великое дѣло, намъ отъ рожденія ввѣрен-

ренное. Всѣ прочія занятія служатъ къ нашему увеселенію и мы можемъ ихъ раздѣлять по своей волѣ и способности: но дѣло святости безъ изъятія принадлежитъ до каждаго. Всѣ другія должности различаются по состояніямъ и обязанностямъ; иное упражненіе есть судіи, иное купца, иное царедворца, а иное самаго Монарха: но всѣхъ сихъ важнѣе святость, и кпобъ мы таковы ни были, она до всѣхъ принадлежитъ безъ различія, до всѣхъ, какъ до судіи на его судилищѣ, такъ и до купца въ его торгѣ, какъ до вельможи, живущаго въ царскихъ чертогахъ, такъ и до Монарха сѣдящаго на престолѣ: ибо прежде вступленія нашего въ какое нибудь общественное званіе, мы всѣ нарицаемся, уже Хрістіанами, а Хрістіане мы для того, чпобъ быть святыми. Богъ не для того пославилъ насъ на землѣ, чпобъ были мы великими, богатыми или щасливыми, но чпобъ спарались быть святыми. Всѣ другія дѣла для насъ не касаются или яко излишнія, или яко пагубныя, а дѣло святости для всѣхъ необходимо нужно и спасительно. Пусть мы успѣемъ во всѣхъ должностяхъ общежитійскихъ, но естли вознебрежемъ о единой святости; все безъ изъятія по-

погублено, а напрошивъ есѣли мы и неуспѣшны въ прочихъ, но въ свято-сти рачительны, все и на всегда для насъ полезно. Душа Хрістіанская! ты пѣешь чашу горькихъ прискорбій, угнѣ-паешься тяжестію великихъ бѣдствій, кажешься, лишилась всего нужнаго въ жизни, едва едва обладаешь малыми остатками своего имущества, здравія, щасія; ты упадаешь при спеченіи такихъ огорченій: но ободрись вѣрою и на разрушенныхъ развалинахъ своего благосостоянія воздвигни зданіе свято-сти, вдругъ узришь, что ты ничего не потеряла. Святость всего для тебя нужнѣе, есѣли она тебя украшаетъ, ты спасена. Никогда не должно забываться сего великаго внушенія истины, что мы для того существуемъ въ семъ мірѣ, дабы быть святыми.

По умозрѣнію я убѣжденъ въ сей истинѣ: но слѣдую ли я оной судя по дѣламъ моимъ? Я знаю, что для того живу въ мірѣ, дабы учиниться праведнымъ, да спараюсь ли о семъ на самомъ дѣлѣ? Къ чему мнѣ послужитъ умозрѣніе, есѣли жизнь моя оному не соотвѣпствуетъ? Боже мой! Я не хочу отъ нынѣ жить, развѣ для моего освященія; для сей един-
ствен-

спвенно цѣли шы меня создалъ, и сей единспвенно я хочу достигнуть.

Вторая испина. *Нѣтъ нитого для насъ сообразнѣе, какъ святость.* Человѣки, опредѣленные для небесъ, что мы дѣлаемъ на землѣ, и чѣмъ занимаемся въ семъ мѣрѣ? Собираемъ богатство, сооружаемъ щасіе, возвышаемъ себя до рѣдкаго степени достоинствъ; вошъ что мы называемъ великимъ дѣломъ: но шакovy ли поступки сіи, ешлы разсудить объ нихъ справедливо? Не будемъ полагаться на мнѣнія мѣролюбцовъ; вѣсы ихъ обманчивы. Размыслимъ лучше, что составляетъ святость предъ Богомъ? Оно ешть главнѣйшее дѣло рукъ его, первѣйшій предметъ, копорымъ онъ благоугождается: по симъ двумъ превосходнымъ качествамъ не заслуживаетъ ли она все наше занятіе? Когда приспѣло время соорворить вселенную, извлечь оную изъ ничпожества, расширить неизмѣримую бездну воздуха, въ основаніе земли поставитъ воды, моря оградитъ пескомъ, тогда, какъ свидѣтельствуетъ писаніе, Всесильный *веселяшеся вселенную соверши* (*): но егда восхошѣлъ соордать праведныхъ, соорроитъ свѣтъ, про-

(*) Притч. VIII. 31.

просвѣщающій святыхъ , уготовить время къ оправданію и къ славѣ чело-вѣковъ : тогда *помысливъ* совершилъ сіе Превѣчнѣй; помысливъ искупленіе наше замѣнилъ цѣною своей крови и жизни. Се святоешь наша сколь мно-го для него стоишь! Дабы образовашъ въ оную вселенную, Онъ упопреляетъ всю свою премудрось; дабы прекло-нитъ всѣхъ къ исполненію оныя, Онъ употребляетъ все свое могущество; да-бы укоренитъ оную въ сердцахъ смерп-ныхъ и учинитъ многоплодною, Онъ испощаетъ всѣ сокровища своей благо-даши, изліяніе крови и жизни.

Главнѣйшее убо дѣло рукъ Божіихъ есть наша свяпость, и первѣйшій предметъ, которымъ онъ благоугож-дается. Видѣлъ ли ты раба моего Іова? сказалъ нѣкогда Господь діаволу. *Внялъ ли еси мыслію твоею на р.ба моего Іова (*)*? Великій Боже! когда ты съ высоты небесныя призирая на вселен-ную, видѣлъ предъ собою людей пре-мудрыхъ, великихъ, побѣдоносныхъ, а Іовъ былъ нагноищѣ и гной очищаль съ плеси своего; тогда могъ ли онъ быть для тебя прочихъ любезнѣе? Или и въ скорбѣхъ и униженіи отъ міра
толи-

(*) Іов. I. 8.

полико любезна тебѣ святость наша? Душа праведная можетъ быть въ мірѣ неизвѣстна, или погребена въ забвеніи: но ты, Боже! праведный цѣнитель пварей своихъ, премудро различаешь ложный блескъ пресупленій нашихъ отъ истиннаго свѣта прямыхъ добродѣтелей. Предъ очами Вѣры нѣтъ ничего величественнѣе, превосходнѣе, достойнѣе Бога и насъ самихъ, какъ наша святость.

Укрѣпи мя, Боже! въ семь помысленіи; пусть все прочее да померкнетъ въ очахъ моихъ, и мало дѣйствуетъ на мое сердце: ибо все прочее ничто предъ Тобою.

Третья истина о святости происходитъ ежечасно изъ нашихъ размысленій: о собственной лѣности и раскаяніи о своихъ беззаконіяхъ. — Часто приходитъ намъ на мысль, что мы дѣлаемъ для того, чтобы учиниться святыми? Кто мы таковы по своему наименованію? Откуда происшаемъ по своему началу? Куда печемъ, смотря на конецъ свой? Кто мы по наименованію? Хрїстіане. Откуда происшаемъ по началу? Изъ нѣдръ Божіихъ. Куда печемъ? къ вѣчности. Мы Хрїстіане именемъ, но таковы ли дѣлами? Мы печемъ къ вѣчности, но

Часть II. 3 на-

надежною ли и прямою спезею? Спранснвудя на земль, яко пришелуды, памятуемъ ли мы, что небо ееть наше опечество? Будучи отъ рожденія призваны къ наслѣдію горняго Теруса сааима, спараемса ли заслужишь любовь Ошца благоупробнаго, Ошца къ наслѣдію славы своей всѣхъ призывающаго? Мы видимъ вѣнецъ правды, въ вѣчномъ царствѣ намъ угопованный, но воображаемъ ли когда, что онъ дается по заслугамъ?

По качеству Хрїстіанъ, великое мы носимъ на себѣ имя, великую пилаемъ надежду: но поддерживаемъ ли ихъ великими чувствїями? Безъ сомнѣнїя, все въ насъ велико, исключая наши заслуги и добродѣтели. Какое наше ослѣвленіе! ибо что мы дѣлаемъ для того, чтообъ содѣлашьса святыми? или лучше, чего мы не дѣлаемъ, дабы уклонишьса отъ спезей свяпоспи? Естли бы намъ сказали, что для снисканїя свяпоспи надобно предпрїяньса совсѣмъ другое средство, неже ли Евангелїе, то еспь, вмѣсто ревностпи, опверженїя самаго себя и добрыхъ дѣлъ, нужно хладнокровїе, развлеченїе, лѣность, самолюбїе: сколь бы охотно мы переиѣнили свои нравы? Но ни въ чемъ не переиѣнившись послѣ, могли ли

ли бы учинишься святыми? Никакъ! спрашное развращеніе! Его опасаясь, се что я долженъ говоришь самъ съ собою отъ нынѣ: чтобъ сдѣлаться святымъ, сколько я умерщвилъ плоть свою, сколько понесъ изнурительностей покаянія, сколько принесъ жертвъ воздыханія, слезъ и милосыни? Вся жизнь моя протекла въ развлеченіи; занятія мои всѣ безплодны, дѣла означаютъ слабоспъ и изнеможеніе: подъ какимъ убо именемъ, и по какимъ заслугамъ я буду помѣщенъ въ число избранныхъ? Не знаю!

Отъ сего помышленія раждается четвертая истина. Естьли мы порочны нынѣ: то *гдѣ содѣлаемъ нѣкогда?* Естьли мы нынѣ беззаконны, къ чему послужимъ все прочее, чѣмъ мы ни занимаемся, что насъ ни смущаетъ, и что насъ ни увлекаетъ по чувствамъ? Когда мы видимъ малыхъ дѣшей, играющихъ между собою въ бездѣлицы, дивимся, видя ихъ спрочно занимающимися вещьюми, ничего несущими: но сіи младенцы, признаемъ, мы сами; ибо суетныя занятія наши мірскія что значатъ въ сравненіи съ тѣми великими выгодами, которыя представляютъ намъ святость и вѣчноспъ? Когда Вѣра откроетъ
39
намъ

намъ очи наши? Или мы думаемъ тогда прозрѣть, когда смерть смѣжитъ зеницы наши на вѣки? Мы пріобрѣли многое богатство, достигли до великихъ чести, снискали великую славу и достоинство въ мірѣ; пошечемъ убо съ сими спяжаніями предъ лице Судіи Высочайшаго; потребуемъ у него за оныя воздаянія, опредѣленнаго святымъ: тогда — то мы совершенно узнаемъ непреложную истину сего премудраго прореченія: *Суета суествъ и всяческая суета въ мірѣ* (*). Суешны богатства, ибо они плѣютъ и похищаются; суешны чести, ибо они меркнутъ и забываются; суешны удовольствія міра, ибо они обманчивы, и часто вмѣсто сладостнаго упоенія въ смертный ядъ обращаются; суешна жизнь наша, ибо яко цвѣтъ вянетъ и уничтожается. Суешенъ всякъ и весь человѣкъ неправедный.

О душа моя! коликократно внушала тебѣ гласъ благодати, коликократно возвѣщала тебѣ совѣсть швоя, чно приближился день, когда ты непременно познаешь всѣ свои заблужденія, познаешь, но поздно и бесплодно. Тогда подобно человѣку, пробудивъ

(*) Еклез. I. 2.

дившемуся отъ глубокаго сна, ты удивишься, увидѣвши все яко сонъ прошедшимъ. Сему ты не вѣришь въ своей жизни: но смерть изобразитъ на прахѣ гроба твоего сіе послѣднее, ужасное и жалкое обличеніе „что надлежало тебѣ быть свяпою; но какъ ты по упущенію своему таковою не училась, то вѣчно будешь злощастна.“

Сіе опредѣленіе будетъ нѣкогда намъ сказано: но можешь быть оно теперь уже виситъ близъ слуха нашего, можешь быть въ сей часъ огласитъ вниманіе наше, и мы не помышляемъ облегчить спрөгость онаго дѣлами святости? Естьли кто о семъ не спарается во времени: пошъ ничѣмъ уже не замѣнитъ сожалѣнія своего въ вѣчности. Хрістіане! гдѣ мы обираемъ? Какое сіяніе свѣта озаряетъ наши очи? Не столько небесъ, сколько благодапи: пріяхши убо сей свѣпильникъ примѣшимъ свои пресупленія, дабы они не обратились въ вѣчное наше осужденіе; отвергнемъ неправду, и се святость предъ лицомъ нашимъ во образѣ дѣлъ Хрістовыхъ! Разверземъ предъ ней свое сердце; посвятимъ оной останки дней своихъ. Блажени бѣ мы были, естьли бы хотя ошъ нынѣ могли начать, продолжашъ

и совершить то великое дѣло, въ которомъ бы надлежало намъ проводить всю жизнь свою!

Чинаемъ мы житія святыхъ, плачемся оными, уливаемся имъ: но когда будемъ подражать онымъ? Судя по числу прославленныхъ небожителей, мы можемъ вѣрить, что и намъ присные обипають съ Господемъ: но соблюдаемъ ли сами неотъемлемый залогъ ихъ святости, ихъ примѣрные во благочестіи жизни? Не прискорбно ли намъ будетъ, присныхъ видя блаженными, самимъ оспаться осужденными? Всякой изъ насъ желаетъ быть святымъ, но маловѣріе наше лишитъ насъ подикія славы; всякой признается, чтобъ учиниться праведнымъ, сте многого стоить, а при семъ все живемъ по своей волѣ, все не хотимъ измѣнить порочныхъ своихъ дѣяній. О когдабъ мы совершеннѣе понимали выгоды святости! приведенныя испины паче просвѣщали бы нашъ разумъ, поражали сердце, удаляли отъ міра и насъ самихъ, исправляли помыслы и нравы! Боже, споспѣши оправданію и славу чадъ своихъ!

НАСТА-

НАСТАВЛЕНІЕ XIII.

О дѣлѣхъ

Путяхъ, по какиѣ Богъ ведетъ къ сла-
сенію души наши.

Вси пути Господни (*), говоритъ Про-
рокъ, сушь милость и истина; по се-
му — то оный же самый Пророкъ, усерд-
но просилъ Бога, чшобъ показалъ ему
спези, правы: *пути твоя, Господи,
скажи ми и спеземъ твоимъ научи мя* (**).
Пролетѣ и мы, шакое же моленіе къ
Богу, аще шокмо, удоспоишь вѣншав-
ему; пролетѣ, ибо сіе, послужишь для
насъ истощникомъ безчисленныхъ бла-
госпей.

Нѣшъ ничего величественнѣе, свя-
тѣе и удивительнѣе, какъ спези Божія
и путь, по которымъ онъ управляетъ
души наши къ концу своему.

Удивительны они по своей свято-
сти: ибо, свяпость самая, — тамъ
Богъ естъ оныхъ начало, примѣръ и
цѣль опредѣленная.

Удивительны по своей высокости,
ибо сколько небо отстоитъ отъ земли,
столько спези помышленія Божія от-
стоятъ отъ путей человѣческихъ.

34

Уди-

(*) Пс. XXIV. 10.

(**) Пс. XXI 4.

Удивительны по своей неизмѣримости, ибо Богъ токмо единъ можетъ постигнуть высоту ихъ, глубину и пространство.

Удивительны по своей разнообразности, ибо Богъ хотя всѣхъ души ведетъ къ единому центру, но безконечно различными путями. Чуденъ Господь во изобиліи даровъ своихъ и въ образѣ раздаванія оныхъ.

Удивительны пути Господни по благостямъ, какія въ себѣ изображаютъ; по дѣйствіямъ, какія они производятъ; по услажденіямъ, какія въ себѣ заключаютъ, и по чудесамъ, какія подъ конецъ производятъ. О! когда бы все по можно было видѣть, что Богъ производитъ въ душахъ человѣческихъ: безъ опасенія всякъ бы сказалъ, что Богъ великъ въ красотѣ, чинѣ и велелѣпїи сего видимаго міра: но Онъ несравненно величественнѣе во управленїи душъ человѣческихъ, нежели вселенныя.

Суть спези *всеобщія*, по копорымъ Богъ ведетъ души наши къ оправданію, но при сихъ *всеобщихъ* каждая душа имѣетъ свой путь *гастной* или *особенной*, по копорому непремѣнно уже должна шествовать къ небесамъ. Сїя спезя показана ей въ собшвенномъ званїи,
сей

сей путь открытъ ей въ обязанностяхъ собственнаго состоянія. Всякой имѣешь свои должности и ими управляешься; всякой имѣешь свои дѣла, и оными приближаешься къ концу своему. Благодать, при вступленіи нашемъ на сіи различныя стези, зоветъ избранныя души къ блаженству и такъ къ нимъ глаголетъ: грядите, шествуйте! се путь, по которому вамъ должно поспѣшать къ своему центру; — по сей стезѣ Богъ васъ къ себѣ ожидаетъ. Совратившись съ оныя, вы заблудитесь.

Есть ли душа, внявъ гласу сему, вступаетъ въ путь свой, вступивши шествуетъ прямо и вѣрно; но коль обильные дары благодати для нея готвятся? до коль высочайшаго степени добродѣтелей она возвышается? Какіе успѣхи оказываетъ во благочестій? Какой прѣуготовляетъ себѣ вѣнецъ славы въ вѣчности? Нѣтъ ничего основательнѣе и упѣшительнѣе, какъ шествіе по пути, отъ Бога назначенному. Сими средствомъ легче и удобнѣе можно вниши въ радость Господню, нежели всѣми моленьми, умерщвленіемъ плоти и безплоднымъ поканіемъ чрезъ многіе годы безъ исправленія повторяемымъ.

Для всѣхъ ближайшее средство ко спасенію есть точное выполненіе обязанностей своего званія: но какое царствуешь въ насъ заблужденіе, когда многіе отъ пути сего удаляются? Коль многія души намѣреніямъ Божиимъ прошивятся? Безгрѣшно можно утвердить, что есть такіе несчастные чловѣки, копорыхъ вся жизнь не иное что есть, какъ непреспанная война прошивъ Бога, вѣчное сопрошивленіе благодати его, непреборимое упорство намѣреніямъ его. Однако не смотря на все сіе Богъ чрезъ всю жизнь стоить при дверѣхъ сердца ихъ; призываетъ ихъ на путь истинный, убѣждаетъ и исти по немъ; оказываетъ имъ свою любовь и милоспи и ничего въ нихъ не находитъ, кромѣ помянутыхъ сопрошивленія и упорства.

Богъ въ разсужденіи нѣкоторыхъ душъ открываетъ *особенныя* свои намѣренія, когда хочетъ, чтобы онѣ текли по пути, отъ него имъ показанному. Такая - по душа по волѣ Божіей должна жить въ безпрестанномъ благочестіи, въ уединеніи, въ воздержаніи и смиреніи духа; Богъ бо ее избралъ себѣ въ жилищѣ, въ храмъ священный: однако вся жизнь оныя протекаетъ въ разсѣянтіи, въ суесахъ, въ безплодіи,
въ

въ любопытствѣ; всѣ дни живота ея составляютъ печаль для духа Божія.

Иная душа по намѣренію Божію должна пеши по пупи: отверженія оупь міра, умерщвленія своихъ чувствъ, должна изображать въ себѣ живой образъ Иисуса Христа распятаго: ибо для сего Богъ избралъ оную; а она сему въ противность слѣдуетъ во всемъ сама себѣ, удовлетворяетъ своимъ прихотямъ, не сопротивляется зазорнымъ наклонностямъ; не взираетъ на гласъ благодати и на обличеніе совѣсти, живетъ во всемъ проповно внушенію Божію. Какое злощастное состояніе! какое удаленіе отъ пупи Божія!

Иная душа по намѣренію Промысла призвана къ совершенному отъ всѣхъ благихъ временныхъ ощущенія, къ обнищанію своего сердца отъ всякія спраси, къ благочестному удаленію отъ всякаго человѣческаго сообщенія и дружества; она одна, да Богъ единъ долженъ пребывать съ нею: однако она заводитъ со всѣми сообщеніе, связь знакомства, предпочтенія и приверженности. Можетъ быть, что въ семъ итъ ничего предосудительнаго и порочнаго: но всегда примѣтны временныя удовольствія, занятія,

нятія, развлеченіе челоуѣческаго сердца. Давно уже Богъ пребуеуѣ отъ нее сей жертвы; давно уже ни о чемъ болѣе ей не говоритъ, какъ объ удаленіи отъ міролюбцевъ, о благочеспиуомъ уединеніи; она слышитъ гласъ его, и ему сопропиваеуся. Многія дѣла общежитія нашего кажуся невинными въ очахъ обыкновенныхъ, но предъ очами Божіими они спудны и для насъ ужасны. Богъ хоуетъ нашего сердца — и хоуетъ всецѣлаго, хоуетъ, дабы обипашъ въ немъ, а мы ему въ семъ отказыуеуемъ. Для другихъ сіе можетъ спашься не сполько опасно; но кто призванъ на спезю сію, для того погипельно. Опшельникъ, не радя о своемъ совершенствѣ, перяетъ упованіе ко спасенію.

Иная душа, по опредѣленію благодати, призвана къ святѣйшему препорученію себя въ волю Божію, къ почному соблюденію повиуовенія и сообразности съ божественнымъ его закономъ: но чрезъ всю жизнь во всемъ она исполняетъ волю свою, своимъ слѣдуеуѣ законамъ, сама располауаетъ своимъ жребіемъ, сама вымышляетъ планъ и сисшему собственнаго благополучія, словомъ, все время бытія своего проведишь въ сопропивленіи Богу и въ непо-

покорности его спасительному закону. Душа маловѣрная! какъ ты можешь жить въ такомъ состоянїи? Какъ ты не ужасаешься умереть въ ономъ? Богъ предназначилъ тебѣ спезю, а ты шествуешь иною: можешь ли сія довести себя къ тому концу, къ которому ты опредѣлена? Сколько бы ты не шла по пути усѣянному цвѣтами, подъ конецъ пути отвернется предъ тобою ужасная бездна, отвернется къ неизбѣжной гибели, отвернется яко праведное наказаніе швоего сопротивленія.

Не лзя думать, чшобъ души, шoliko удаляющіяся отъ намѣреній Божїихъ, были спокойны; въ своемъ сопротивленїи непремѣнно они чувствуютъ множество сомнѣній, безпокойствъ и мученія совѣсти. Напрасно онѣ въ ожесточенїи своемъ вздумалибъ убѣгать отъ Бога. Онѣ всюду готовъ ихъ преслѣдовать; всюду, не позволяя имъ наслаждаться плодомъ сопротивленій. А отъ сего часно случается, что порочная душа такъ говоритъ сама съ собою: я чувствую сопротивленіе мое Богу; ибо я совѣмъ иначе живу, нежели какъ бы надлежало. Какое признаніе! и какое осужденіе!

Въ

Въ чемъ же соспоитъ наипаче злощастіе души сея? Въ чемъ содер- жится вся вина и опасность ея со- споянія, естли она въ удаленіи отъ пупи Божія никогда не исправляется и въ немъ умираеть? Въ такомъ со- спояніи, она злощастною оспается по своему невѣрью и грѣхамъ содѣяннымъ, злощастною по причинѣ мученій со- вѣспи, шайно ея терзающихъ, зло- щастною со стороны даровъ благодаши, во зло ея обращенныхъ, злощастною по причинѣ предчувствуемыхъ ужасовъ, имѣющихъ сбытися съ нею въ часъ смертный; злощастною по строгости суда, которой наслѣдуетъ она нѣко- гда въ вѣчности, злощастною нако- нецъ по ослѣпленію, въ какомъ она погружена въ животъ семъ, а паче по раскаянію, которое, можетъ быть, на на минушу не прекратится въ живо- тѣ будущемъ.

Однако такое злощастіе не ужели не имѣетъ никакого средства къ об- легченію своему? Не уже ли душа, единою совратившаяся съ пупи Гос- сподня, не имѣетъ болѣе никакого способа къ возвращенію на оный? — Ихъ есть два: чистосердечное раская- ніе о прошедшемъ и совершенное пре- по-

порученіе себя въ разсужденіи будущаго въ руки Божіи.

Внутреннее раскаяніе часто происходитъ, такъ сказать, всю внутренность души предъ Богомъ мадовѣрныя; долго, одну перзаешь, и еслили она доселѣ сопротивлялась благодати, но принужденною бываетъ повиноваться грезенію собственныя совѣсти.

Раскаяніе сіе должно быть во всемъ точное, какъ во многихъ сопротивностяхъ намѣреніямъ Божіимъ, такъ и въ ежечасныхъ отверженіяхъ благодати; какъ въ великомъ помираченіи даровъ природы и благодати, такъ и въ непрешанномъ заглушеніи внутреннихъ грезеній, какъ въ безчисленныхъ пропускахъ прѣшивъ закона, такъ и въ непрерывномъ заблужденіи отъ пути истиннаго.

Раскайтесь сіе должно быть рѣшительное и твердое, ежечасное и непрерывное до конца самыя жизни. Душа невѣрная! Трепещи, что ты никогда не разсуждала о томъ, что столь долгое время сопротивлялась Богу, упорствовала противъ его, и такъ сказать сражалась съ Богомъ!

Раскайтесь живое и горькое, соразмѣрное величію невѣрія и сопротивленія, раскайтесь, — се врачевство прошивъ

птивъ нравственныхъ болѣзней прошедшихъ; но чѣмъ пользуешь въ разсужденіи будущихъ? Къ сему служишь полное врученіе себя въ волю Божію, вѣрное повиновеніе закону его и непреложное постоянство въ шествіи по пути отъ него назначенному. Доселѣ много мы проповиались Богу, много заблуждали; но отъ нынѣ пусть онъ нами да управляетъ; пусть онъ руководствуетъ нами; вручимъ себя въ волю Божію, и его премудрости управленіе своего жребія.

По сей цѣнѣ, по симъ чувствіямъ мы всупимъ на спезю Господню, увидимъ въ царство благодати его; вѣдримся въ самое лоно отчее. Премилосердый Богъ шoliko благъ, что онъ при крашкѣ и поздномъ сокрушеніи нашемъ не помянетъ многихъ и долговременныхъ нашихъ преступленій; раскаемся, и онъ насъ приметъ, какъ бы чадъ никогда его не оставлявшихъ; раскаемся, и онъ насъ возлюбитъ, какъ бы дѣтей никогда ему не сопропивлявшихся; раскаемся, и онъ насъ введетъ въ царство свое какъ бы сыновъ никогда съ пути его не совращавшихся. Восхвалимъ убо безконечную его благость; принесемъ жертву хваленія величію его за то, что онъ благоволилъ насъ при-

призвашь на путь истинный. Помолимся ему, чтобы онъ сохранилъ наше шествіе по оному, да шеемъ путемъ Господнимъ всегда вѣрно и непоколебимо, и тако достигнемъ предопредѣленные блаженныя цѣли.

НАСТАВЛЕНІЕ XIV.

О

Превосходствѣ освящающія Благодати.

Нѣтъ ничего для насъ, необходимѣе и нужнѣе, какъ познаніе превосходства и цѣны Благодати, а при семъ и шѣхъ стараній, какія мы должны имѣть для соблюденія сего священнаго сокровища, еесли только мы обладаемъ онымъ.

Благодать освящающая есть начало нашего возвышенія къ славѣ вышестественной и божественной. По дѣйствію сея Благодати мы всѣ опредѣлены къ шѣсному соединенію съ Богомъ, къ наслѣдію невечерняго свѣта, къ наслажденію благими невидимыми, ш. е. опредѣлены къ видѣнію Бога лицомъ къ лицу, къ обладанію имъ самимъ, къ познанію совершенствъ его не въ отвлеченномъ и мрачномъ гаданіи,

Часть II.

И

а

а въ полномъ сіяніи славы его. И такъ обладая сею Благодатию какими славными преимуществами мы обладаемъ? По сей Благодати мы возносимся выше себя самихъ, особенно участвуемъ въ любви и нѣжности Создателя своего. Все сіе велико и высоко: но верховный Апостоль еще далѣе воспекаетъ своими помышленьми. Будучи просвѣщенъ сіяніемъ той же Благодати, которую превозноситъ своими хваленьми, онъ такъ говоритъ объ ней, что мы удивились бы его словесамъ, есѣлибъ не знали, что самъ Свяшій духъ естѣ оныхъ виновникъ и благовѣспитель. Онъ твердо увѣряетъ, что по дѣйствию освящающія Благодати являемся мы *божественнаго прѣстѣнницы естѣства* (*). Поелику Благодать освящающая образуетъ въ насъ новое нѣкоторымъ образомъ существо и новую даетъ намъ жизнь. Когда она въ насъ царствуетъ; тогда не мы въ себѣ живемъ, а живемъ въ насъ Хрѣстосъ. Какая слава! немощное созданіе могло ли надѣяться, чтобъ бѣшь когда нибудь шоліко вознесеннымъ?

Но

(*) II Пеш. I. 4.

Но се новое преимущество! Благодарь освящающая включаетъ насъ въ число чадъ Божіихъ. Братія мои! сказалъ некогда ученикъ возлюбленный, внимайте, примѣшайте и подивитесь, коль неизреченна къ намъ благость премилосердаго Создателя, благость, по которой мы не токмо называемся можемъ, но въ самомъ дѣлѣ есмь чада Божіи. Видите, какову любовь далъ есть Отецъ намъ, да чада Божія наречемъ и есмь (*). Иисусъ Христосъ естъ сынъ Божій по естеству, а мы чада его по усыновленію. Сему научаетъ насъ Вѣра. И такъ всѣ имущіе щастіе обладають даромъ Благодарни, всѣ вы чада Божіи! не сомнѣвайтесь въ сей истинѣ; самъ Святой Духъ присвоетъ вамъ сіе славное преимущество, повелѣвая Бога нарицати сладкимъ именемъ Отчимъ: *Авва, Отче* (**)!

Разсуждали ли мы когда подробно о семъ преславномъ изрѣченіи, которое часто относимъ къ Богу: *Отче нашъ*! Ежедневно совершая свои молитвы мы всегда къ Творцу своему вопіемъ: *Отче*! Но вникали ли когда

И 2

въ

(*) Іоа. III. 1.

(**) Рим. VIII. 15.

въ точный смыслъ сего слова и углублялись ли во все онаго просиранство? Уразумѣемъ оное хотя ошъ нынѣ, и еспьли когда будемъ вѣщати къ нему, да вѣщаемъ его съ крошкнмъ чувствіемъ, да вѣщаемъ навсегда съ щеплою любовію: *Сте!* Боже мой и Отецъ мой. Но при семъ да памянуемъ, что Отецъ, призываемый нами *есть на небеси*, для того, чшобъ мы научались изъ пребыванія его въ горнихъ взысканію славы его, научались не забывая, что земля нами обншаемая еспь пущь нашъ и госпинница, а небо испинное наше отечесво. Къ сему - то намъ должно спремнпсья: ибо всякой сынъ долженъ желать соединенія съ оцемъ своимъ. Иначе не лзья намъ участвовати въ наслѣдїи славы его.

Кромѣ помянутыхъ преимуществъ Благодать освящающая еще даетъ намъ новое право, право къ наслѣдїю небесному: ибо Благодать, творя насъ чадами Божиими, дѣлаетъ по сему наслѣдниками славы его и какъ бы сожителями самому Хрїсту по свидѣтельству: *аще же гада и наслѣдницы: наслѣдницы убо Богу, сонаслѣдницы же Хрїсту* (*). Въ мірѣ еспьли онецъ имѣетъ

(*) Рим. VIII. 17.

имѣеть достойнаго сына, не можеть усыновить себѣ инаго безъ явныя обиды и неправды; ибо тогда наслѣдіе не можеть дѣлиться на многихъ, когда оно принадлежишь одному: но не тако дѣйствуетъ въ разсужденіи насъ Богъ. Онъ всѣхъ человѣковъ себѣ усыновляетъ. Безчисленное множество усыновленныхъ чадъ не уменьшишь нисколько сокровищъ наслѣдія его Небесное богатство милостей Господнихъ подобно свѣту; оно ничего не теряетъ изъ себя, когда другимъ сообщается. Не больше бы я наслаждался теплотою лучей солнечныхъ, обитая въ мірѣ одинъ, какъ и теперь, когда наслаждаюсь ею цѣлые миліоны со мною совокупно. Пусть всѣ чада Божіи разверзають сердца свои предъ Благоудію: милосердый Отецъ имѣеть чѣмъ ихъ наполнить! Таковы должны быть помысленія мои въ разсужденіи сыновъ Божіихъ. Возводя свои очи къ небесамъ, взирая на славу избранныхъ, на ихъ неизглаголаемые сокровища, сладости, вѣнды и блаженство, я могу говорить: се часъ моя! Сынове человѣческіи наслѣдять, иногда сънь смертную, а моя часъ есть во спраніи живыхъ. Отецъ небесный пріуготовилъ для меня оную въ своемъ ло-
И 5 нѣ,

нѣ, а Благодашъ руководствуетъ мнѣ къ обладанію ея.

Благодашъ освящающая и въ сей еще жизни доспавляетъ намъ блаженство. Она устрояетъ, что самъ Богъ къ намъ снисходитъ и водворяется въ душѣ нашей. По дѣйствию Благодаши онъ присутствуетъ внутрь насъ, просвѣщаетъ своею премудростию, подкрѣпляетъ своимъ могуществомъ; по ея дѣйствию онъ воцаряется въ сердцѣ нашемъ яко Монархъ на престолѣ, дабы управляти онымъ; присутствуетъ въ немъ, яко отецъ въ своемъ домѣ, дабы начальствовать надъ нимъ; живетъ посреде его, яко Пастырь въ своемъ стадѣ, дабы благоуправляти и охраняти оное. Сердце наше изображаетъ въ такомъ случаѣ живой рай, низводящій съ небесъ Бога на землю. Что воображая, предполагаетъ нѣкоторый Духовный Учитель: если бы Богъ былъ измѣримъ, если бы онъ не наполнялъ присутствіемъ своимъ небо и землю, то бы Онъ, оставивши небеса, непременно избралъ себѣ въ жилищѣ Благодаши исполненную душу; ибо такая душа для него всего любезнѣе. Она виѣщаетъ въ себѣ всѣ небесныя сокровища; всѣ добродѣтели царствуютъ въ ней согласно, Вѣра съ
сво.

своимъ сѣянїемъ, упованїе съ своими
обѣнами, любовь съ своимъ пламенемъ;
сами блаженные духи за славу себѣ
поспавляють бышь съ такою душою
въ соединенїи; все небо, кажется, въ
ней вмѣщается: ибо самъ Богъ вмѣ-
щается въ оной.

А ешьли такъ, ешьли Благодати
освящающая ешь обильный источникъ,
изъ котораго совокупно вся испекають
благая; ешьли она подобна росѣ много-
дѣнной, имѣющей на всякую душу
небесное влїанїе; ешьли она изобра-
жаетъ обѣпованную землю, на кото-
рой раждаются плоды благословенные:
кто кпо бы не пожелалъ оныя, кпо бы
не подивился красотѣ ея, кпо бы не
восхотѣлъ обладать оною, кпо бы не
опдалъ ей своего уваженїя и сердца,
кпо бы не предпочелъ ее всѣмъ зем-
нымъ богатствамъ и сокровищамъ,
кпо бы ее не почелъ за особенное бла-
го, къ которому должно бышь при-
вержено все вниманїе, обѣты, желанїе
и сердце наше? Пресполы, скипетры,
короны безъ Благодати всѣ обращающ-
ся въ свое ничтожество, а при ней
все возвышается, все увеличивается.
Предспавимъ мы себѣ челоуѣка бѣдна-
го, презираемаго, покрытаго вепи-
щемъ; въ очахъ свѣта онъ кажется

отвращительнымъ, не заслуживающимъ никакого вниманія: но естли въ немъ обиааеть Благодать, онъ въ очахъ Божіихъ несравненно выше, нежели всѣ побѣдители земные, неимущіе Благодати. Съ другой стороны воззримъ мы на щастливца вѣка сего, на человѣка великаго по миѣнію людскому; всѣ его почитаютъ за знаменитаго, но естли онъ не имѣетъ Благодати, гнусенъ предъ очами Божіими; онъ сморитъ на него съ негодованіемъ, терпитъ съ болѣзнію. Благодать, Благодать, се начало истиннаго величія!

Желаемъ ли мы въ разсужденіи сего ушвердись на какомъ либо прииѣрѣ; поищемъ онаго: да гдѣ? Не въ чертогахъ людей великихъ, не въ вождахъ побѣдоносныхъ воинствъ, но на гноищѣ праведнаго Іова. *Внядъ ли еси мыслію твоею на раба моего Іова (*)?* Сказалъ нѣкогда Господь искусителю чловѣковъ. Безъ сомнѣнія; мы его видѣли, праведный Боже! но въ какомъ положеніи? Покрыпаго страшнымъ гноемъ, всего снѣдаемымъ отъ червей. Сей - то чловѣкъ, отвѣтствуетъ Вседержитель, по видимому нака-

(*) Іов. I. 8.

наказуемый отъ небесъ, мнѣ благопріятнѣе прочихъ; ему бо я ввѣрилъ залогъ моя славы, и онъ нѣкогда воспоржествовашь долженъ надъ своими искушеньми. Сквозь мрачныя тучи печалей, его обшекающихъ, я вижу блестящіе лучи моей Благодати. По сей Благодати мѣсто, на немъ же праведный поверженъ, предспавляетъ мнѣ возвышающійся престолъ моя славы; черви не столько изображаютъ гнѣвъ мой, сколько благоснисхожденіе: ибо его же *любитъ Господь наказуетъ* (*). *Иовъ* представляетъ мнѣ изъ себя пріятнѣйшую жерпву; ее пріемлю я изъ рукъ Благодати; никогда не было приносимо мнѣ пріятнѣе сего всесоженія. И такъ шествуйте въ великіе грады, разсуждайте о великихъ людяхъ, обитающихъ въ великолѣпныхъ чертогахъ, посудите о людяхъ богатыхъ, незнающихъ мѣры въ своемъ изобиліи; естли они не имѣютъ Благодати; я ихъ не знаю, или хопя и знаю, но для того, чшобъ наказати ихъ кляшвою. *Иовъ* на своемъ гноищѣ несравненно величеспвеннѣе въ очахъ моихъ, нежели безблагодатные Цари на своемъ престолѣ; *Иовъ*, покрытый

И 5

весь

(*) Евр. XII. 6.

весь гноемъ, гораздо любезнѣе для моего сердца, нежели невѣрныя Монархи облеченныя въ порфиру.

О Благодать небесная! ели ли побою самъ Богъ благоугождается: по колико должно бытъ прилѣплено къ тебѣ наше сердце и помышленіе?

Н А С Т А В Л Е Н І Е Х V

О

Соблюденіи Благодати.

Будучи озаренъ твоимъ божественнымъ свѣтомъ, я понимаю, Создатель мой! что Благодать освящающая есть для меня благо драгоцѣннѣйшее, всѣхъ нужнѣйшее, и при семъ всѣхъ паче подлежащее опасности поперянія. И такъ, чѣмъ тебѣ соблюсти ее, какія мнѣ должно предпринимать мѣры? Ты самъ рекъ нѣкогда устами Премудраго: тщательнѣе соблюдай сердце, а съ сердцемъ неощенное сокровище Благодати. *Всяцемъ храненіемъ блюди твое сердце (*)*. Но къ чему послужатъ всѣ мои старанія, ели ли не подкрѣпишь мя твоя помощь?

Благо-

(*) Приш. IV. 23.

Благодать сохраняешь надлежитъ съ крайнимъ раченіемъ; ибо она для насъ есть *благо* всѣхъ *драгоцѣннѣйшее*. Страніе, унопреляемое нами въ разсужденіи благихъ временныхъ, всегда должно бытъ сразмѣрно величію обладаемаго нами сокровища. Сколь велико наше богатство, такое мы о немъ имѣемъ и попеченіе. Но что же для насъ составляетъ Благодать? Она есть благо изъ всѣхъ благихъ первѣйшее, величайшее, надежнѣйшее, яснѣе сказать, она токмо единая естъ единственное наше сокровище: ибо Благодать естъ источникъ для насъ всякаго блага. Что бо выше превосходства Благодати? Что ея сокровище драгоцѣннѣе? Что ея сладостей пріятнѣе и утѣшительнѣе? Миръ душевный, спокойствіе совѣсти, тишина сердечная, святѣйшее упованіе на Бога, сіи неизъяснимыя внутреннія услажденія преждевременно способствуютъ къ обладанію небесными пріятностями. Души праведныя, души вѣрныя, коихъ жребію я завидую, что вы тогда въ себѣ ощущали, когда вы мыслили обратиться къ Богу, и вошли въ царство его Благодати? Какую сладость, какое утѣшеніе, какое спокойствіе? Еслили вы иногда плакали, то слезы
ваши

ваши не были ли слезы радости? День вашей печали и скорби не был ли щасливѣйшимъ всѣхъ прочихъ? Благодаръ не означала ли для васъ ту обѣщанную землю, изъ нея же пчелы медъ и млеко? Единое благо. Благодаръ не замѣняла ли всѣ другія?

Могу ли я, Боже мой! безъ пораженія и содроганія душевнаго предснавивъ себѣ нѣ щасливья минуты, въ которыя, озарившись своєю Благодарнью, соединился съ побою? И могу ли безъ крайня неблагодарности отважиться на поперяніе споль неощеннаго залога своего благоуспробія? Какъ учиню себя на вѣки недоспойнымъ своихъ даровъ и своего милосердія?

Мы должны сохранять даръ Благодарни съ великимъ стараніемъ, ибо Благодаръ есть для насъ благо всѣхъ нужнѣйшее. Къ чему мнѣ служить могушь всѣ сокровища безъ Благодарни? И при ней, что для меня составляютъ мадая благая? Съ Благодарнью я все могу снискашь, и всяческая имѣю, а безъ оныя ничего не имѣю, ничего не могу исполнить, ничего не значу. Если бы я обладалъ всѣми сокровищами, кромѣ Благодарни, то всегда бы жилъ въ крайней бѣдности; не имѣя оныя,

онья, пусть бы я наслаждался всѣми пріятностями міра, всѣми земными увеселеніями; сладость и увеселеніе мое никогда не были бы совершенны. Благодать есть нужнѣйшее добро, — безъ нее я ничего не могу заслужить на небеси; всѣ мои дѣянія будутъ безплодны, всѣ добродѣтели мертвы, всѣ таланты помрачены, всѣ спези съ пути Божія совращены. Безъ Благодати я никогда не въеду на небеса, а буду вѣчно злощасенъ.

По сему - то чего не учинили, чего не претерпѣли праведники, дабы призвавъ или сохранить Благодать сію? Пустынножители и опшельники! что вы творите въ своемъ уединеніи, въ живѣ спогребшись въ своихъ пещерахъ и вертепахъ? Се что, вы миѣ на сіе отвѣспивуете? Мы хранимъ безцѣнное сокровище, хранимъ въ скудельныхъ сосудѣхъ, а жизнь уединенная намъ кажется самымъ надежнѣйшимъ средствомъ, чипобъ не потерять оную. Благочестивые исповѣдники! лице ваше блѣдно, сухо, испомлено, для чего вы предаеши такимъ спрогостямъ? Воздухъ наполненъ вашими пляжками воздыханьями, земля окроплена вашими слезами: для чего вы сіе творите? Сечш о на сіе отвѣчаете
вы

вы изъ нѣдръ безмолвныхъ своихъ келій? Мы понимаемъ цѣну Благодати, и боимся своея немощи, дабы не поперять оную. На послѣдокъ вы, непобѣдимые мученики, знаменитые подвигоположники Вѣры! для чего вы неробко шествуете на мѣсто казни? Для чего не ослабѣваете посредѣ горящаго пламени? По чѣму жертвуете каждымъ членомъ тѣла своего раздробленію и отсѣченію? Чѣму вынуждаетъ васъ проливать кровь свою до испощанія послѣднихъ капель? Мы умираемъ съ радостію, отвѣчаеете вы, и пысычкранно пожертвовать желали бы живомъ временнымъ, только бы соблюсти вѣчную жизнь Благодати.

Сколь сіи чувствованія велики! сколь желательны! но таковы ли мои? Благодать самая мнѣ ихъ вдыхала не рѣдко: но я запечатлѣлъ ли, соблюлъ ли ихъ въ моемъ сердцѣ? Колико блаженны тѣ смертныя, кои не пошеряли неосѣненнаго сокровища Благодати, сокровища, всѣхъ земныхъ превосходнѣйшаго! но кѣму потерялъ его, колико долженъ о семъ плакать и сожалѣть во всю жизнь свою, а наипаче, колико долженъ сокрушаться въ часъ смертныи!

На-

Наконецъ намъ должно тщатель-
но блюсти Благодати по тому, что
она подлежатъ безчисленнымъ врагамъ
и опасностямъ. Благодать есть зер-
кало; легкое дуновение можетъ заму-
склымъ учинить оное. Она есть цвѣтъ;
малый вѣтръ можетъ сломить и из-
сушить его. Она есть драгоценное
сѣмя; не великій вихрь можетъ под-
нять его и развѣять. Кроме сего, коль
многіе враги оную окружаютъ, и какія
употребляютъ усилія на то, чтобы
лишить насъ оныя? Въ насъ, — во-
кругъ насъ, — внутрь насъ; все слу-
житъ къ ея испребленію. Въ насъ
дѣволъ, аки левъ рыкай, безпрестан-
но ищетъ поглотить добычу сію. Во-
кругъ насъ — развращенный міръ без-
численными соблазнами хочетъ насъ
обольстить и уловить въ пагубныя
сѣти. Внутри насъ — тысячи насиль-
ственныхъ спрасей; сіи домашніе и
паче прочихъ непримиримые враги
всегда возстаютъ противъ духа наше-
го, непрестанно вооружаются противъ
Благодати.

О даръ Божій! даръ многоцѣнный!
какъ можно сохранить себя, когда ты
окруженъ толликимъ множествомъ зло-
дѣевъ? Какъ ты можешь существовать
на сей землѣ, яко на землѣ чуждей?

Или

Или по крайности, какія непрестанныя старанія, какую снрогую недреманность, какой спасительный снрахъ мы должны имѣть для шого, дабы при шоликихъ опасностяхъ сохранишь себя?

Смертные! чего мы не предприемлемъ въ мѣрѣ семъ для сохраненія хотя мало цѣнныхъ и уважаемыхъ сокровищъ? Примѣръ стараній нашихъ о благихъ плѣнныхъ да будетъ образцемъ попеченій нашихъ о сокровищѣ Благодати. А чтобы больше быль на сѣ расположительнымъ, сознаемъ, чего мы не дѣлаемъ для соблюденія своего богатства, чести, здравія, жизни? О сихъ предметахъ стараясь, сколько употребляемъ бережливости, предосторожности, испощанія? Малая не прѣятность насъ смущаетъ; не великое злоключеніе тревожитъ; при легкой болѣзни мы изъ себя выходимъ, для чего? Ибо жалѣемъ о потерѣ благихъ сея жизни. Боже, Сердцевѣдче! докогда сынове вѣка сего будутъ мудрѣйшими паче сыновъ свѣта благодатнаго, паче чадъ вѣка грядущаго? Великое наше ослѣпленіе, есть ли богатство, слава, здравіе, жизнь временная для насъ несравненно любезнѣе и дороже кажущаяся, нежели Благодать Божія, нежели жизнь вѣчная и сокровища будущаго бла-

блаженства. Къ исправленію своему предпримемъ всѣ средства, какія разумъ и Вѣра намъ внушаютъ; для соблюденія Благодати возлюбимъ смиреніе, облобызаемъ неусыпность, пребудемъ въ молитвѣ, а наипаче да бѣжимъ далече отъ всякаго соблазна, и даже случая къ развращенію.

Нѣтъ! я понимаю, я чувствую сіе, Боже мой! что нѣтъ столь твердой добродѣтели, нѣтъ столь крѣпкой и сильной рѣшимости, которыя бы долговременно могли стоять прошивъ столь многихъ опаснѣйшихъ случаевъ. Напрасно бы я положился на искренность и чистоту моего сердца, напрасно бы на непоколебимость моихъ намѣреній; ибо еслили только покушусь, то паду; еслили ввѣрю себя случаю, то онъ меня погубитъ. Спрасти свои я долженъ почитать за искру слабо погашенную, за искру, которая еще курится и при малѣйшемъ случаѣ легко можетъ воспламениться и новый произвестъ пожаръ. Да бѣжимъ убо случаевъ, да молимся, да боимся; се единое средство къ соблюденію Благодати и къ спасенію!

И такъ вотъ что я могу говорить самъ съ собою при чувствіяхъ, разнообразныхъ Вѣрѣ; вотъ что я долженъ

Часть II.

I

на-

навсегда впечатлѣвать въ моемъ сердцѣ. Благодать есть столь великое благо, что еслили положишь ей въ противовѣсіи всѣ богатства сего міра, чести и все ихъ сіяніе, удовольствія и всѣ ихъ прелести; но все сіе предъ Благодатію исчезнетъ и померкнетъ предъ ея свѣтомъ. Благодать есть столь великое благо, что, сказавъ собственно, она токмо есть единое благо, которое заслуживаетъ все наше желаніе и попеченіе, и которыя поперяніе достойно слезъ нашихъ и сокрушенія. Благодать есть столь великое благо, что его токмо, имѣя во времени, мы можемъ пренести съ собою въ Вѣчность. Благодать есть столь великое благо, что для снисканія онаго, или при опасности поперять его, мы должны жертвовать всемъ своимъ имуществомъ, сколько бы оно велико ни было; здравіемъ, сколько бы оно ни казалось драгоценнымъ, и самую жизнь, сколько бы мы ее ни любили. Въ случаѣ опасности мы должны призвать себя на помощь Христіанское мужество и лучше должны склонить свою главу и получить смертный ударъ; обнажить свою грудь, и не возбранять, чтобъ мечъ обоюду острый прошелъ наше сердце, нежели, чтобъ

чтобъ потерять даръ Благодати. Благодать есть споль великое благо, что между предопредѣленнымъ къ сла-
вѣ и осужденнымъ на мученіе, между праведникомъ и грѣшникомъ нѣтъ инаго различія, кромѣ сего неоцѣннаго дара. Благодать есть споль великое благо, что ничто не можетъ на землѣ подасть намъ о немъ совершеннаго понятія; а чтобъ получить оное, надобно вознестись къ небесамъ, вознестись до самаго престола Божія. — Богъ, се Творецъ ея; кровь Божія, се дѣна ея; блаженство самаго Бога, се воздаяніе омыя. Наконецъ Благодать благо споль великое и драгоценное, что когда мы явимся предъ лице Божіе, когда предстанемъ на судъ его: тогда, еслили мы будемъ обладать оною, судъ нашъ уже исполненъ, опредѣленіе произнесено, жребій благонадеженъ, — и хотябъ ничего мы не могли отвѣчать; Благодать за насъ возходатайствуетъ. Съ нею когда мы приблизимся ко вратамъ небеснымъ, онѣ намъ отверзутся, и блаженства нашего никто же отъ насъ возмемъ. О душа моя! Блуди убо сама себя неусыпно; благо изъ всѣхъ даровъ Божіихъ величайшее и драгоценнѣйшее храни всегда щцательна. Всяцѣмъ храненіемъ блуди швое сердце.

Великій Боже! koliko долженъ я оплакивать состояніе свое? Ты мнѣ отъ купѣли крещенія сообщилъ даръ Благодати, и я мало спустя потерялъ сіе великое сокровище. Едва свѣтъ разума озарилъ мою душу, вдругъ мракъ грѣховный обтекъ оную! Буду ли я имѣть еще время для оплакиванія грѣховъ своихъ? Когда я обращусь къ тебѣ, Боже! Ты паки по снихожденію возвратишь мнѣ Благодать свою: но сохраню ли я оную и по семъ до конца жизни, судя по прежнему моему поведѣнію? Ибо сколь щцательно я соблюдалъ ее доселѣ? Колько-крапно и съ какою дерзостію я подвергалъ ее безчисленнымъ опасностямъ? И пакъ могу ли я оную соблюсти нынѣ? Могу ли соблюсти до послѣднихъ дней моихъ? Тебя же о семъ умоляю, Боже! отъ тебѣ единаго ожидаю помощи и подкрѣпленія: швоя бо благость все со мною учинить можетъ. Если отъ нея истечешь на меня Благодать неоцѣненная, шо мнѣ на землѣ ничего уже желать не остается. Сверши моленіе мое и блаженство, Боже!

НАСТА-

НАСТАВЛЕНІЕ XVI.

О

Хрїстіанскомѣ улованїи.

Мы раждаемся во слезахъ, живемъ въ огорченіи, умираемъ въ болѣзняхъ; вотъ наша жизнь! Есть ли бы чаяніе лучшїя доли насъ не подкрѣпляло: коль величайшее было бы наше злещасїе! единое упованїе насъ подерживаетъ. Вотъ сугубая польза, въ двухъ горькихъ обстоятельствахъ надеждою намъ доставляемая. Упованїе *утѣшаетъ* насъ во всѣхъ прискорбіяхъ нашей жизни; она *облегчаетъ* всѣ болѣзни смертныя, представляя въ Вѣчности наслѣдіе безцѣнныхъ сокровищъ. Внѣдримъ убо въ сердцахъ нашихъ сіе сладкое упованїе, умѣряющее горести нашего започенїя представленїемъ Небеснаго отечества.

Упованїе *утѣшаетъ* насъ во всѣхъ прискорбіяхъ жизни сей. Мїръ обыкновенно насъ беспокоитъ и огорчаетъ. Что наша жизнь на землѣ! Мы для того, кажется, здѣсь существуемъ, чтобы спрадать. Скорби и мученїя раждаются подъ нашими ногами. Мы всѣ печемъ по пупи усѣянному пернїемъ. Каждой смертныи пинается

хлѣбомъ слезъ своихъ. Дни наши примѣшны по однимъ злочлюченіямъ. Въ каждую минушу бездна неудовольствій хочеть поглотить насъ. Со всѣхъ споронъ предлежитъ намъ крестъ и мученія. Все къ шому единственнo служить въ мірѣ, чпобъ жизнь нашу содѣлать несносною. Ролители часно оставляютъ дѣтей своихъ безъ воспитанія; пріятели другъ друга обманываютъ; намѣренія наши не исполняются. Внутрь насъ самихъ сколько находится смущеній, безпокойства, тайныхъ мученій духа и сердца! Здравіе наше умаляется, силы шѣлесныя слабѣютъ, безчисленныя немощи хотящъ совсѣмъ сокрушить чедовѣка.

Мы всѣ спрадаемъ. Таковъ есть удѣлъ чадъ Адамлихъ. Онь кодыбеди до гроба, ошь Царя до нишаго, всѣ спрадають во всякое время; во всякомъ соспояніи каждой несеишь крестъ свой. Еспь ли бы вопль всѣхъ спраждущихъ могъ быти слышимъ во вселенной: ошвсюду ничегобъ болѣе не было слышно, кромѣ горькихъ стenanій, проиштекающихъ изъ середины каждаго жилища, изъ нѣдръ каждаго семейства, изъ глубины каждаго сердца. Тамъ плачуть родители о разлученіи съ дѣтьми своими, здѣсь соболъзнують су-

супруги о любезныхъ мужьяхъ своихъ; тамъ немощный сокрушается въ своей болѣзни, а здѣсь бѣдный унываетъ въ нищенствѣ своей; тамъ осужденникъ опчаевается въ темницѣ и во узахъ, а здѣсь невинный угнѣщается отъ злобнаго. Вотъ человекъ и злоключенія, на какія онъ осужденъ чрезъ все печеніе смерпныхъ своей жизни!

Преблагій Боже! для сего ли ты произвелъ насъ въ міръ сей? Посредствѣ толикаго множества злощастій нашихъ, не уже ли никогда не возсіяетъ свѣтъ утѣшенія? Спасительное упованіе, единственное средство къ облегченію нашихъ злощастій, пріиди и облегчи тяжесть нашихъ болѣзней; пріиди — и Хрістіанская надежда едва пришекаетъ въ помощь нашу, въ несчастіяхъ, каковыя мы переносимъ въ сей жизни, предспавляетъ благая, ожидаемая въ жизни будущей. Едва она откроешь намъ степені престола Божія, вѣнцы праведныхъ, сладости горняго Іерусалима: мракъ временныхъ злоключеній исчезаетъ. По семъ духъ успокоивается, сердце начинаетъ наслаждаться пишиною, вся душа оживляется. И подлинно, какое тогда мы чувствуемъ утѣшеніе, естли когда можемъ такъ сами съ собою раз-

глагольствовашь: я спражду въ сей жизни; но я ожидаю отпруды въ будущей; я стенаю на землѣ, но я сотворенъ для небесъ; все окончися въ семъ мѣрѣ, удовольствія и огорченія, радости и печали: и такъ для чего предавашься первымъ и упадешь подъ тяжестью послѣднихъ? Придетъ день, въ которой не оспанешь слѣда ни тѣхъ, ни другихъ. Мѣра злоключеній временныхъ исполнися, а истинная благая наспанушъ за оною и въ вѣки не прейдутъ. О сладкое наступленіе вѣчности, сколь ты удобно можешь облегчить мои мученія и осушить слезы! день твоего событія, можетъ быть, скоро возсіяетъ надо мною; и се, — я его какъ бы уже созерцаю, по упованію. При семъ всѣ мои бѣдствія исчезаютъ, и исчезая впекаютъ въ назиданіе моего спасенія. Я имѣю грѣхи, должно отъ нихъ очиститься; я ожидаю вѣнца правды, должно заслужить его; я желаю достигъ Небеснаго Царства, и такъ не долженъ ослабѣвашь въ подвигахъ моего странствованія и изгнанія. Пусть крапкая и временная жизнь моя иечетъ въ слезахъ и огорченіяхъ, только бы жизнь лучшая, жизнь безконечная воспріяла меня въ свои нѣдра. При семъ

семь упованіи наспоющія прискорбія мои не только для меня горьки и шягоспны, но паче драгоцѣнны и утѣшительны.

Хрїстїанская надежда! шаковы-шо сущь сладости, обѣщаемыя мнѣ побою по представленіи чаши горестей. Я чувствую всю горечь оныя, и въ горечи паче обрѣшаю сладкое упоеніе.

Кромѣ сего, Хрїстїанское упованіе колико дѣйствительно противъ ужасовъ смертныхъ, ужасовъ поражающихъ насъ въ часъ наступленія собственныя кончины, или во время оплученія отъ насъ лицъ, въ жизни сей любезнѣйшихъ! Съ смертію всегда мы соединяемъ понятіе о разлученіи, оставленіи, разрушеніи, уничтоженіи: шакъ мы обыкновенно судимъ о слѣдствіяхъ сего всеобщаго жребія. Но Хрїстїанское упованіе едва откроешь наши очи, мрачная завѣса съ оныхъ спадаетъ, и въ разумѣ нашемъ возраждаются спасительныя понятія о неизмѣримой Вѣчности. При семъ все измѣняетъ видъ свой; все представляется въ новомъ образѣ. Надежда утѣшаетъ, оживляетъ и ободряетъ во всемъ человѣка. Смерть ничего не означаетъ поразительнаго: ибо уповающій человѣкъ чпо теряетъ умирая,

когда посредствомъ смерти онъ надеется получить жизнь лучшую? Если ли при разлученіи съ міромъ еще Богъ съ нами остается: то мы ничего не потеряли.

Чтожь касается до разрушенія, которое мы соединяемъ съ смертію: то нѣтъ ничего несправедливѣе и обиднѣе для человѣка, какъ сіе понятіе; ибо смерть не токмо насъ не разрушаетъ и не уничтожаетъ, но напротивъ еще доставляетъ намъ новую жизнь и лучшую. Минута смерти есть истинное начало живота нашего. Мы оставляемъ жизнь гиблемую и смертную для того, чтобъ войти въ жизнь нескончаемую и непрѣнную. Душа наша, при рожденіи нашемъ на землю, снизшла какъ бы въ нѣкоторую темницу, но при смерти темница сія распадается и душа паки переходитъ въ страну чадъ Божіихъ. О сонъ пресладкій, вводящій въ наслѣдіе истиннаго покоя! о минута щастливая, отъ сѣни смертныхъ въ жилищѣ живыхъ насъ преселяющая!

И такъ приближается ли къ намъ самимъ часъ смертный, или смерть восхищаетъ отъ насъ того, кого мы любимъ; намъ огорчаться и унывать
не

не должно. Будучи одушевленъ Вѣрою, озаряемъ небеснымъ свѣспильникомъ упованія я вхожу въ домъ плача: вижу, что другъ, супруга, отецъ, сынъ, всѣ въ слезы погружены. Смерть лишила ихъ того, кого они любили: но почто вы чрезмерно соболъзнуете о своей поперѣ? Нѣжный сынъ, ты потерялъ отца своего; но въ самомъ дѣлѣ ты не потерялъ его. Онъ кончилъ свое странствованіе; онъ достигъ своего пристанища; онъ преселился въ объятія Отца Небеснаго, и шамъ за тебя ходатайствуетъ. Другъ искренній, ты лишился особеннаго друга своего, но ты не навсегда его лишился; онъ разлученъ съ тобою на время; рано или поздно онъ пакѣ уповаетъ съ тобою соединиться. Богъ и тебя и его совокупитъ нѣкогда на вѣки. Мать, разлучившаяся съ любимымъ исчадіемъ, навсегда ли ты съ нимъ разлучилась? Нѣтъ! ты узришь его нѣкогда въ самомъ Богѣ; онъ исскетъ нѣкогда изъ нѣдра швоего, чшобъ послѣ вѣчно жить въ Господѣ. Супруга вѣрная, ты оплакиваешь бездѣннаго своего мужа, но онъ шокмо предшкетъ тебѣ въ достиженіи безсмертія; блаженство вѣчное и тебя ожидаетъ въ доно свое. Се любящій тебя съ вышины небесъ призываетъ къ сое-

ди-

диненію духовному, проспиралетъ къ тебѣ руки свои и хоцетъ ввести тебѣ въ радость жениха Небеснаго. — И такъ, кшобъ мы таковы ни были, престанемъ сѣтовать объ умершихъ, яко же *неимущіе улованія* (*). Послушаемъ гласа Вѣры, воззримъ на конедъ, къ которому призываешъ насъ живая надежда, помыслимъ о жилищѣ, ею намъ пріугоповляемомъ, вообразимъ о вѣнцѣ славы вѣчныя: при семъ чашнїи огорченїя временныя мы сочтемъ за удовольствїя, крестъ прискорбїи за милость Всевышняго, временныя злощастїя за испочникъ благихъ совершенныхъ, самую смерть за прехожденїе къ жизни безсмертной и нескончаемой.

Прелобгїй Боже! изъ швоихъ не-
преложныхъ обѣщанїй истекаетъ сіе
сладкое упованїе; подкрѣпи убо въ
насъ оное Вѣрою, оживи любовїю! благо-
воли, чшобъ мы уплодшворяли его
добрыми дѣлами, молишвою, и пол-
нымъ препорученїемъ себя самихъ въ
швою свяшую волю, Еще нѣсколько
посражаемся на землѣ со искушеньми,
и побѣда введетъ насъ на Небеса тор-
жесливующими.

НАСТА-

(*) I Сол. IV. 13.

НАСТАВЛЕНІЕ XVII.

О

Улованіи на Бога.

На тебя, Боже праведный, благій и сильный, на тебя единого я уповаю! ибо кромѣ тебя на кого мнѣ положиться? Могу ли я нѣчто возмечтать о своихъ заслугахъ? Ахъ! сколь бѣденъ и грѣшенъ человекъ предъ очами швоими. Жизнь моя не токмо служить можетъ какимъ нибудь для меня ободреніемъ, а паче ввергаетъ въ страхъ и опчаяніе.

Могу ли я на міръ положиться? Нѣтъ! довольно уже испытано, сколько онъ обманчивъ и вѣроломъ. Сколь многія души къ нему прилѣплялись и подъ конецъ плачевою учинились жерпвою? Міръ паче дѣлаетъ насъ несчастными и осужденными, нежели благополучными и оправданными.

Не могу ли я возложить упованіе мое на помощь человѣческую? Горе тому, иже утвердится на мышцѣхъ плоти! Немошныя смерпные безсильны что либо для себя самихъ содѣлать: что же могутъ совершить къ щаспію прочихъ? Нынѣ они живы, а на упро мерпвы; какой же помощи над-

надлежишь ожидать отъ брениа и праха?

И такъ на тебя единого я могу и долженъ возлагать свое упование, Боже! въ тебѣ бо единомъ я нахожу сильныя побужденія и непоколебимое основаніе моя надежды.

Я уповаю на Твое безконечное милосердіе. Я знаю, что оно обращено мною во зло; но знаю также и то, что сокровище благоупробія твоего неисчислимо. Множество подобныхъ мнѣ грѣшниковъ, мнѣ подобно, возгнущались твоими щедротами: но егда обратились въ твой объятія, не были опвергнуты. Давидъ, — Жена грѣшница, — Манассія пребудушь вѣчнымъ свидѣтельствомъ безконечнаго твоего Милосердія. И естли бы оно не было безконечно: то не погибли ли бѣ мы всѣ безъ изъятія? Преплагій Боже! Сотвори, чтобъ всѣ мы участвовали въ дарахъ неизреченнаго твоего благоупробія: ибо въ сей шокмо жизни намъ возможно оными пользоваться, а послѣ смерти наступитъ единственно царство твоего правосудія; яви убо благоупробіе свое къ душамъ нашимъ, доколѣ еще мы на землѣ обитаетъ, а правда твоя вѣчно насъ будетъ наказывать; проси рабовъ своихъ во
време-

времени, и чрезъ сіе покажи, колико ты великъ во благости, такъ какъ покажешь нѣкогда, колико ты великъ въ мѣрѣ воздаянїя по дѣламъ нашимъ!

Я надѣюсь на швое милосердіе и паче всего уповаю на заслуги Іисусъ Хрїсповы. Се непоколебимое основаніе моя надежды. Покланяемый Спасителю! когда я помышляю о всемъ, что ты совершилъ и претерпѣлъ для меня: то могу ли на тебя не надѣялся?

Когда я вижу, что ты сошелъ съ небесъ на землю для спасенїя грѣшныхъ; когда я воображаю, что ты для того жилъ въ семъ мѣрѣ, дабы всѣхъ привлечь къ себѣ; когда я вхожу во свяшый Твой храмъ, и взираю очами Вѣры на священный жертвенникъ: то въ видѣ безкровныя жертвы вижу на всякъ день тебѣ самаго за насъ закалаемымъ. Паче всего, когда я воспекаю духомъ на Голгоѣу, и когда вижу пречиспую кровь твою обильными струями истекающею на грѣшныхъ для исходашаиствованїя имъ прощенїя; когда вижу божественное сердце швое прободеннымъ и развергнувшимся къ ихъ воспрїятїю, когда слышу послѣднее издыханїе швое къ небесамъ возносимымъ для примиренїя

ренія нашего съ Существомъ Праведнымъ: како поликое множество и споль убѣдительныхъ причинъ не могутъ одушевить моя на тебя надежды? Преплагій Боже! спаси души, шоль для тебя много спощія; не уничтожи плодъ своихъ за насъ спраданій, Твоя крови и смерти!

Я знаю, Боже мой! чшобъ упованіе мое не было шщепно, или безмѣрно, для сего нужно мнѣ оживлять оное добрыми дѣлами, нужно соблюдать его сошвѣшествованіемъ жизни моей дарамъ швоя Благодати. Ты сотворилъ меня, мнѣ не суцу; но чшобъ спаси меня, ты не можешь безъ меня самаго. И такъ совершенно ли я рѣшилъя пещись о спасеніи души моея? Уповаю швердо на швою безконечную Благость; я ошъ нынѣ всѣми силами потщуся почипать свяшый законъ швой, соблюдать швои заповѣди, презирашъ свои грѣхопаденія; потщуся омыть скверну души шеплыми слезами; буду непрестанно бодрствовать надъ собою; укрощу мои спраспш; ограничу сильныя движенія сердца; пребуду навсегда въ разсужденіи ближняго моего шѣмъ, чѣмъ ему желаю бышъ въ разсужденіи меня.

Въ

Въ сихъ праведныхъ намѣренїяхъ да одушевляетъ меня Благодашь твоя, Боже! Я надѣюсь на швое милосердіе: Ты бо мой Создатель, Спаситель и Отець. Я уповаю, что ты просишь мои беззаконїя, просишь — сколько бы они велики ни были. Величіе преступленїй моихъ не токмо не поколеблетъ, но новымъ еще послужитъ средствомъ къ укрѣпленїю моего надежды. *Сгисти, Боже! грѣхъ мой много бо есть* (*). Сіе Пророческое слово непрестанно будетъ испекать изосупъ моихъ. Чѣмъ болѣе и важнѣйшими кажутся грѣхи мои предъ тобою: тѣмъ паче можешь просїивать надо мною Благость и шоржествовать Благодашь швоя.

Я уповаю, что ты поддержишь меня въ моей слабости и въ искушенїяхъ сей жизни; поддержишь, и я легче могу перенести всякое прискорбіе, легче могу прейти всякое злоключенїе, легче могу побѣдить всѣ неудобства огорченїй, какїя бы отъ швоего Промысла на меня посылаемы ни были. Все проистекающее на меня отъ швоея отеческія десницы, я приму съ благодарнымъ сердцемъ. Я

Часть II. , К упе-

(*) Пс. XXIV. 11.

уповаю, что ты прїдешь на помощь мнѣ въ часъ моей смерти; что ты не опустишь впасъ мнѣ въ уныніе при отхожденїи отъ времени въ Вѣчность. Естли когда, то въ семъ наипаче случаѣ я предвижу нужду въ подкрѣпленїи швоемъ; въ семъ случаѣ я непрестану умолять тебя о управленїи, спезей моихъ на путь святости и истины. Я уповаю наконецъ, что ты не лишишь меня Благодати своей въ семъ мїрѣ, и славы въ жизни будущей. Таковы сущь побужденїя, основанїе и предметы моего на тебя упованїя. Боже! благоволи, чпобы оно содержало въ себѣ всѣ тѣ свойства, по какимъ можетъ быть прїятно предъ шбою.

Сотвори, чпобъ упованїе мое было сердечное и глубоко запечатлѣнное во внупренности души моея; сотвори, чпобъ не ушла шокмо, но даже всѣ чувствованїя дѹха моего вѣщали предъ шбою выну: *на тя Гослоди уловахъ, да не постыжуся во вѣкѣ* (*). Сотвори, чпобъ упованїе мое было швердое, и ни чпобы не удобно было поколебашь оное. Сотвори, чпобъ ни люди, ни мїръ, ниже всѣ силы адовы, возставшїя

(*) Пс. LXX. 1.

шья прошивъ меня, не могли попрясти несомнѣнныя моя на себя надежды. *Да не подвижуся во вѣкъ.* Сотвори, чтобъ упованіе мое было не прерываемо даже до послѣдняго моего издыханія, даже до гроба. Таковы суть желанія, съ каковыми я уповаю на всегда жить и окончать животь мой!

А по сему взирая на безсмертную жизнь, мнѣ пругоповленную, какъ я не перенесу всѣхъ прискорбій жизни временныя? Ожидая благихъ вышенебесныхъ, какъ я привергнусь къ гиблемымъ благимъ міра сего? Взирая на царство Небесное, какъ я не сочту землю за мѣсто изгнанія? Дабы участвовать въ сладостяхъ блаженна Вѣчности, для чего мнѣ не понесеть нѣкошорыхъ изнуреній въ печеніи крапчихъ дней своихъ? Благословенныя небеса! центръ всѣхъ моихъ желаній! Будьте вы единственнымъ предметомъ всѣхъ моихъ намѣреній и предпріятій, единственнымъ исполненіемъ моего сердца, единственнымъ занятіемъ во всей моей жизни всѣхъ дней и минутъ, оставшихся мнѣ на оплакиваніе и возвращеніе поперяннаго блаженства.

НАСТАВЛЕНІЕ XVIII

О

Хрїстіанской любви.

Любовь, — вошь прямая добродѣтель и истинное качество Хрїстіанскаго исповѣданія. Любовь есть основаніе, подпора и украшеніе нашея Вѣры. Она составляетъ духъ Хрїстіанства, и оживляетъ оный.

Любовь, — добродѣтель любезная. Она составляетъ связь сердець, сладость общесства, прїяносипи жизни.

Любовь, — добродѣтель высокая. Она возвышаетъ наши сердца; она опровергаетъ намъ входъ въ сердць Божіе; она почерпаетъ изъ него всѣ свои совершенства.

Любовь, — добродѣтель утѣшительная. Какими сокровищами и какими корысьми не наслаждаются въ мірѣ, соединенїи и въ согласїи, любовь порождаетъ?

Любовь, — добродѣтель многоплодная. Она есть сѣмя всѣхъ другихъ добродѣтелей; она есть союзъ всякаго совершенства и исполненіе закона.

Любовь, — добродѣтель небесная. Она происходитъ отъ Горняго Іерусалима; ведетъ насъ къ оному; шворитъ

риѣ гражданами царства Небеснаго,
и обѣщаетъ обладаніе онаго.

Любовь, — естли мы желаемъ быти
истинными Хрїстіанами, держащими-
ся духа Евангельскаго и спребываю-
щими въ Вѣчности чадамъ Божиимъ,
для сего естъ добродѣтель необходимо
нужная. Безъ любви не возможно спа-
стися. Кто чуждъ сея добродѣтели,
тошъ близокъ къ осужденію.

И такъ чего не возвѣснилъ намъ
Апостоль въ разсужденіи сей, великой
добродѣтели? Какихъ не употребилъ
хвалений къ прославленію оныя? Коль
убѣдительно поучалъ преуспѣянію въ
оной? Свяшый Евангелистъ Іоаннь
присвоилъ любви все изліяніе сердца,
когда говоритъ: *да любите другъ дру-
га* (*). Свяшый Апостоль Павелъ изъ-
являетъ всю ревность свою въ разсуж-
деніи сей добродѣтели, когда поучаетъ:
другъ друга тяготы носите (**). По при-
верженности къ сей добродѣтели перво-
бытнымъ Хрїстіанамъ *бѣ сердце и ду-
ша едина* (***). Самъ Іисусъ Хрїстосъ не
проповѣдовалъ ли любви, яко новымъ
закономъ, самымъ нужнымъ и ближай-
шимъ

К 3

(*) Іоан. XV. 17.

(**) Галат. VI. 2.

(***) Дѣян. IV. 32.

шимъ къ человѣческому сердцу, когда возвѣщаль: *Заловѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга* (*). Да по чему сію заповѣдь онъ нарицаетъ новою? Любы споль же древна, какъ и міръ. Безъ сомнѣнія, любы вообще и по основанію своему взятая, споль же древна, какъ и міръ: но любовь Хрістіанская, проповѣданная Іисусомъ Хрістомъ, судя по духу и по совершенству духа нашего, есть заповѣдь совсѣмъ новая: ибо она не такъ должна быть отъ насъ къ другимъ оказываема, какъ бы къ себѣ самимъ, а какъ Іисусъ Хрісъсъ оказавъ ее къ человѣческому роду, ясне, съ положеніемъ души нашея за други своя. И такъ вотъ по чему любовь — есть добродѣтель совершенно новая и Божественная, добродѣтель лично Іисусъ Хрістова по глаголу: *сія есть заповѣдь моя, да любите другъ друга* (**).

Но кромѣ сего, что любовь есть заповѣдь новая по своему закононачальнику: она нова такъ же и божественна по своему предмету. Не ближняго, но Іисуса Хріста самаго мы любимъ въ лицѣ ближнихъ своихъ по свидѣтель-

(*) Іоан. XIII. 34.

(**) Іоан. XV. 2.

пелъспву: *понеже сотвориште единому сихъ братій моихъ меншихъ, мнѣ сотвориште (*)*.

Любовь, — есть добродѣтель новая и божественная по своему примѣру подражанія. Намъ должно другъ друга любить: но какимъ образомъ? Не яко челоуѣку челоуѣка, а яко Иисусъ Хрїстосъ возлюбилъ насъ: *да любите другъ друга, якоже азъ возлюбихъ вы (**)*.

Любовь, — есть добродѣтель новая и божественная по своему пространству: *режено бысть древле: возлюбиши ближняго твоего и возненавидиши врага твоего (***)*. Но Иисусъ Хрїстосъ совсѣмъ напрошивъ любовь сїю проповѣдуетъ по свидѣтельспву: *азъ же глаголю вамъ: любите враги ваша (****)*. Ибо по сему только вы можете учинишся сынами Отца небеснаго, иже яко солнце сіяетъ на злыя и благія, и дождиць на праведныя и на неправедныя. *Да будете сынове отца вашего, иже есть на небесѣхъ (*****)*.

И шакъ сознаемся, что любовь Хрїстіанская есть добродѣтель самая

К 4

вы-

(*) Мат. XXV. 40.

(**) Иоан. XV. 12.

(***) Мат. V. 43.

(****) Мат. V. 44.

(*****) Мат. V. 45.

высокая: ибо оныя начало есть сердце Божіе; центръ, или мѣста, къ которымъ она стремится, есть сердце человѣческое; исполненіе оныя есть исполненіе всего закона. *Пребывая въ любви, въ Возѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ* (*). И какъ любви прикрываетъ множество грѣховъ, то такъ же способствуетъ къ преуспѣянію во всѣхъ добродѣтеляхъ. *Любай бо друга, законъ исполни* (**).

Любовь, — на конецъ есть столь нужнѣйшая добродѣтель, что безъ оныя ни единая добродѣтель не вѣщается; она составляетъ отличительный характеръ истиннаго Хрістіанина и ученика Иисусъ Хрістова. *О семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (***) . Добродѣтель сія есть источникъ нашей жизни; кто въ ней не пребываетъ, тотъ близокъ къ осужденію и къ смерти. *Не любай бо брата, пребываетъ въ смерти* (****). Словомъ, любовь — есть столь нужная добродѣтель, что хотя бы шворили мы чудеса, представляли торы, предавали шѣло свое различнымъ муче-

(*) Іоан. IV. 16.

(**) Рим. XIII 8.

(***) Іоан. XIII. 35.

(****) Іоан. III. 14.

мученіямъ и смерти, но не имѣли любви; все сіе *ништоже есть* (*).

И такъ довольно уже мы познали, что составляетъ любовь Хрїстіанская во очахъ Божіихъ и во очахъ Вѣры. Познали уже мы божественное ея превосходство и многоплодную необходимость; уразумѣемъ убо далѣе, какія суть, или должны быть истинныя ея свойства. Не сіи ли, живо соображаемая во образъ самаго Іисуса Хрїста? Не сіи ли, которая рука его своею собственною кровію неизгладимо начертываетъ на сердцахъ нашихъ, *да любите другъ друга, якоже азъ возлюбихъ вы?* Разсудимъ!

Н А С Т А В Л Е Н І Е XIX

О

Свойствахъ любви.

Любовь Хрїстіанская, чтобъ быть числїи ею и совершенною, должна имѣть сіи три священныя свойства. 1 е. Должна быть высшесущественна по своему началу, 2 е. всеобща по своему предмету и 3 е. успешна въ добродѣ-

К 5

те.

(*) I Кор. XIII. 6.

пеляхъ. Безъ сихъ свойствъ она не сообразна съ Вѣрою Ошкровенія и противна Богу.

Преплагій человеклоубецъ, кеего сердце есть щедроша и милость, а внутренность онаго любви и снисхожденіе, научи мя знати и исполнати добродѣшель, приличную чадамъ швоимъ!

Любовь Хрїстіанская должна бытъ *вышестественна* по своему началу, ш. е. должно любить ближняго для Бога и въ лицѣ ближняго самаго Бога. Мы любимъ ближняго, но часто любовью естественною, изъ побужденій человѣческихъ. А по сему, сколько любовь наша ложна, недоспащчна и Богу противна!

Мы часто любимъ другъ друга по тому, что видимъ въ другихъ нѣкоторое сходство нравовъ и характера, по тому что они намъ нравятся и намъ угождаютъ; по тому что они намъ дѣлають добро, или мы оное отъ нихъ получишь надѣемся. Такъ любить, не означаетъ любить по Хрїстіански: ибо строгій язычникъ любитъ такимъ же образомъ, и до такого степени изливаетъ чувствія своего сердца. Ученицы Исусъ Хрїстовы! да будемъ подражателями Совершителя

пеля своея Вѣры; предпрѣимемъ чувствія, любви его достойнѣйшія. Уразумѣемъ почное различіе и великое раздѣленіе между чистою любовію и симпатією, между любовію новозавѣпною и естественною склонностію, между любовію и благодарностію, между любовію и корыстію, между любовію и полишикою, между любовію и соединеніемъ по плоти и крови. Будемъ почно увѣрены, что мы никакъ не можемъ любить ближняго по Хрістіански, естли въ ближнемъ не будемъ любить самаго Бога, ш. е. естли въ лицѣ ближняго не будемъ созерцать самого Іисуса Хріста, отъ котораго должна происпекать любовь наша, яко отъ своего начала, и къ которому должна спремиться, яко къ концу своему.

Ты возлюбилъ насъ, покланяемый Спасителю! но какъ и какою любовію? Ты возлюбилъ насъ любовію вышеспешвенною и прямо божеспвенною. Ничто о насъ предъ тобою не ходатайствовало, кромѣ швоея Благоспи. Се божеспвенное побужденіе къ любви, шобою намъ предполагаемое! но мы сполько удалены отъ любви сея, что часпо или совсѣмъ недостаемъ въ насъ оныя, или хопя мы

и

и оказываемъ любовь къ ближнему, но любовь во всемъ человѣческую, естественную, поспыдную. Многія недостойныя побужденія унижаютъ наши чувствованія; многія земныя приспособія искажаютъ любовь нашу. Мы вездѣ оныя ищемъ, въ своихъ наклонностяхъ, выгодахъ, предразсудкахъ, и нигдѣ не обрѣцаемъ. Любовь втекаетъ во всѣ наши поступки, и никогда не представляется чистою добродѣтелію. Какой за себѣ мы должны ожидать награды? Или вмѣсто награжденія какихъ мы должны спрашиваться наказаній?

Любовь Хрістіанская должна быть *всеобща* по своему предмету. Любовь наша должна простирается ко всѣмъ безъ изыятія: ибо всѣ смертные носятъ на себѣ имя и качество ближняго. Нѣтъ ничего обширнѣе и вмѣстѣ нѣтъ ничего сжатѣе, какъ человѣческое сердце. Оно часто прилѣпляется къ вещамъ спраннымъ и опаснымъ, а удаляется отъ предметовъ любезныхъ и драгоценныхъ. По Вѣрѣ судя, всю вселенную мы должны почитать за домъ Божій, всѣхъ людей за великое семейство Отца небеснаго, и по сему должны любить другъ друга, яко единоутробные братья. Отъ
сего

сего какое соединеніе сердцеъ, какая пишава и какое согласіе воздѣисвова-вали бы въ мірѣ!

Но такъ ли бываетъ? Любовь на-ша очень сжата; мы ее не ко всеѣмъ питаемъ, а по различію и выбору. Въ разсужденій же прочихъ пребываемъ хладнокровны. Говорятъ многіе: какъ любить всеѣхъ? Мы видимъ людей мало-разсудныхъ, замаранныхъ многими про-ступками; одинъ заботливъ и безпо-коенъ, другой сердитъ и злобенъ, шрепій свирѣпъ и своенравенъ: какъ можно любить ихъ, естли едва пере-носимъ можно ихъ свойства? Многіе говорятъ: эшотъ человекъ имѣетъ дурной характеръ, злое сердце, а шопъ безъ всякаго чувства и обращенія; Анг-лъ съ ними не можетъ ужиться: шо какъ можно человеку? Чего не гово-рятъ, чѣмъ не извиняютъ хладно-кровіе свое въ разсужденій ближнихъ?

Оставивъ все предубѣжденія, да лю-бимъ ближняго своего по ученію Вѣры; да любимъ, не смотря на другихъ про-ступки, несовершенства и самые по-роки; всеѣхъ безъ изьятія, якоже Ис-сусъ Хрѣтосъ всеѣхъ насъ возлюбилъ, не смотря на нашу бѣдность и безза-конія! Посмотримъ и разсудимъ о намъ подобныхъ; сыщемъ ли мы изъ нихъ
хотя

хотя единого, которой бы не былъ дѣломъ рукъ Божіихъ, не носилъ на себѣ образа Божія, и не былъ искупленъ кровію Хрїстовою? И такъ не должны ли мы всѣхъ любить безъ изысканія, всѣхъ, даже до единого? Съ прошивной спороны, естли исключимъ кого, то безъ сомнѣнія исключимъ самого Іисуса Хрїста.

Судя по сему началу, колико я долженъ спрашиваться своего хладнокровія, и рбличашь самаго себя въ спѣсненіи любви своей! Ибо могу ли я назвать прямою любовію тѣ чувства сердца моего, кошорыя питалъ къ нѣкоторымъ изъ одного презрѣнія и гордосши? Я опдалъ сердце мое приснымъ, а опдаленные не имѣють части во ономъ. Человѣколюбче! Ты всѣхъ насъ любишь, а я раздѣляю сердце мое; ты всѣхъ повелѣваешь любить безъ различія, а я многихъ опъ себя опвергаю; ты узаконяешь любовь, а я паче питаю въ себѣ ненависть. Сте ли означаешь любовь всеобщую? Разшири мое сердце, Боже! Разверзи ушробу мою, и огонь любви моя да видятъ всѣ чловѣки, всѣ творенія рукъ швоихъ, носяще швой образъ и искупленные швоею кровію.

Лю-

Любовь Хрїстіанская должна быть *услѣшна въ добродѣтеляхъ*. Если бы любовь соспоала въ однѣхъ словахъ: то бы никакой вѣкъ не оплчался столько въ любви, какъ нашъ. Ибо сколько мы дѣлаемъ обѣщаній, сколько извѣяленій дружества, сколько оказываемъ ревности къ услугамъ; а въ самомъ дѣлѣ бѣдный сираждетъ, немощный спонетъ, утѣсняемый воздыхаетъ! Всѣ ихъ знаютъ, всѣ видятъ и всѣ предоспаляютъ ихъ судьбѣ своей, и при семъ говорятъ, что они любятъ ближняго своего. Нѣтъ! любовь не соспоитъ въ словахъ единыхъ, а въ самомъ дѣлѣ. Дѣлами жива любовь, якоже и Вѣра. Безъ нихъ и ша и другая мертва есть.

Да извѣяляемъ ко всѣмъ любовь благодѣтельную, которая бы не въ однѣхъ шокмо словахъ соспоала, а въ самыхъ дѣянїяхъ; не шокмо въ мнимыхъ услугахъ, а естли нужно, въ самыхъ жершвахъ здравїя и жизни. Тако возлюбилъ насъ Исусъ Хрїсошь: тако и мы должны любить другъ друга. Находящси бѣдные, поможемъ имъ; находящси немощные, спспаремся объ нихъ; находящси несчастные, утѣшимъ ихъ; находящси непросвѣщенные, наспавимъ оныхъ; словомъ

ломъ, много есть случаевъ и средствъ къ милосердію; преуспѣемъ въ сей добродѣтели. Въ семъ бо состоить любви истинная и совершенная!

Да пишемъ въ сердцѣ своемъ любовь сострадательную. Удалихсь отъ насъ сердца жеснокія, нечувствительныя, зѣрскія. По Апостольскому слову мы должны съ плачущими плакать, съ болѣзнующими болѣзновать, во всѣхъ прискорбіяхъ собраній своихъ, пріемля участие, имъ сострадать и дѣлать пособіе къ облегченію: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю (*)*. — Да памянуемъ; что мы всѣ Хрістіане и ученики пострадавшаго и умершаго за насъ Іисуса. У подножія креста Искупишеля нашего мы должны почерпать любовь истинную.

О любовь! любезная и высочайшая добродѣтель, koliko ты драгоценна предъ очами Божіими! Но koliko ты мало известна въ челоуцѣхъ и малоплодна между самыми Хрістіанами! Ты должна быть союзомъ сердець, центромъ мира; а Хрістіане по вся дни живутъ въ раздѣленіи, въ раздорѣ, въ несогласіи, въ злобѣ, въ междоусобіи, въ непріязни.

Сердца

(*) II Кор. XI. 30.

Сердца прошиву сердецъ; родственники прошивъ родственниковъ, семейства прошиву семействъ, соспоанія прошивъ соспоаній. О любовь! гдѣ ты найдешь себѣ убѣжище, ежели самое Христіанство есть для тебя земля чуждая? Всѣ человеки должны жить между собою, какъ бы единого Отца бршнїя, другъ другу взаимно помогая, другъ друга научая, другъ друга побуждая къ добродѣтели и свяспси; а они живутъ для того совокупно, чтобъ паче нарушать всеобщее спокойствіе, раздирають другъ друга, обижать и доводятъ до гибели. Тако обществѣ раздѣляется, соединеніе исчезаетъ, одежда Иисусъ Христовъ раздирается. Се горькія и плачевныя слѣдствїя любви, какъ бы совсѣмъ изъ сердецъ человеческихъ изгнанныя!

Боже, Спасителю нашъ! Для сего ли ты насъ произвелъ на землю? Отче! ты хощѣлъ всѣхъ насъ, яко чадъ своихъ заключишь въ своемъ сердцѣ. Пастырю добрый! Ты желалъ, чтобъ всѣ мы были овцы единого спада. Благоупробный Искупитель! Ты пожертвовавъ собою, предалъ себя на поносную смерть, дабы доставишь намъ жизнь любви и жизнь Благодати. Но

Часть II.

Л

мы

мы сколько удалились отъ святыхъ твоихъ намѣреній? По свойствамъ любви нашея можешь ли ты познать, что мы свои чада?

Человѣки, созданные по образу Божію, да любимъ другъ друга любовію чистою и сердечною. Да свидѣтельствуемъ оную паче самими дѣлами, нежели словомъ. Да любимъ другъ друга совершенно, при всякомъ случаѣ не упруждаясь благодареніи ближнему. Да любимъ другъ друга безъ всякаго лицепріятія и предубѣжденія. Хрістіане! преспанемъ жизнь, яко чуждые, яко враги, а да живемъ, яко чада Божіи. Оставимъ междуусобіе, вражду и раздѣленіе невѣрнымъ, язычникамъ, невѣдущимъ царства Божія и славы его; а мы да любимъ себя, якоже Хрісѡсъ возлюбилъ насъ, якоже праведные любятъ другъ друга въ горнемъ Іерусалимѣ. Возлюбимъ другъ друга на землѣ, чтобъ бытъ вѣчно другъ другу любезными въ жизни будущей!

НАСТА-

НАСТАВЛЕНІЕ XX

О

Господствующей страсти.

Всѣ мы имѣемъ спраспи, копорыя надъ нами владычеспвуютъ и насъ мучашъ. Наши пристрастія часто перераждаюпся въ спраспи. Богъ ода-рилъ насъ нѣжными сердечными чув-спвоаніями съ нѣмъ, чшобъ мы оныя измѣняли въ добродѣтели; но мы сіи чувспвоанія обращаемъ въ спраспи. Всякой изъ насъ скрываетъ въ сердцѣ своемъ корень и сѣмя всѣхъ спраспей.

Между сими различными и мно-гими спраспями есть одна, господ-спвующая надъ всѣми прочими, ко-торая, будучи весьма жива, сильна, насильспвенна, движешъ другими спраспями какъ пружинами, а по сему дѣлаешся какъ бы нашею душею и всего правительницею. Сія-то спраспъ собспвенно изображаетъ нашъ харак-теръ, нашу склонность, наши свой-спва, еслии не придетъ къ намъ Благодать на помощь и исправленіе.

Сія спраспъ, смопря по различію нравовъ, характеровъ и склонностей,

не во всѣхъ бываетъ одинакова. Черты сердца человѣческаго столько же бываютъ различны, сколько черты лица. Пропуски столько же намъ свойственны, какъ и дарованія. Всякой чувствуетъ различное владычество спрасей, и всякой подверженъ какой нибудь спраси, болѣе или менѣе насильственной. Но какую же спрась всякой надъ собою долженъ почитать господствующею особенно? Разсмотримъ далѣе различныя черты спрасей различныхъ, и изъ нихъ копорая владычествуеть надъ нами, легко можемъ примѣнить.

Спрась господствующая въ однихъ есть *гордость*. Заразилась ли чья душа сею спрасію; она ни о чемъ болѣе не помышляетъ, какъ объ отличеніи себя и возвышеніи предъ прочими; ни о чемъ она столько не заботится, какъ о славѣ и щастіи. И отъ сего-то въ надмѣнныхъ примѣтно навсегда напыщеніе духа и сердца, видъ величавый и всѣхъ презирающій. Горделивецъ никогда не бываетъ шѣмъ доволенъ, что имѣеть, а всегда желаетъ бытъ и казаться шѣмъ, чего въ себѣ не имѣеть.

Спрась

Спрасъ господствующая въ другихъ есть *гнѣвъ*. Это есть огонь, возгарающійся при всякомъ случаѣ. Это есть часное и насильственное воспаленіе волнующагося сердца и крови. Это есть воспуреніе искръ, копорыя каждую минушу вылетаютъ изъ внушенности человѣческой, и удобны произвестъ великой пламень. Это есть спрашный громъ и разительная молнія, копорыя при единомъ словѣ, при малѣйшемъ произшествіи вдругъ возраждаются, дѣйсвуютъ и успрашаютъ.

Спрасъ господствующая въ нѣкоторыхъ есть вредная *наклонность къ злословію*, къ ругательству, къ поношенію, къ осужденію прочихъ безъ всякаго снисхожденія. Се языкъ змійный, копорый испускаетъ изъ себя ядъ и горечь, копорой немилосердо раздираетъ общую славу, копорой собираетъ всѣ слухи и произшества для того, чпсбъ распроишь всякое сообщество, пищу и согласие. Правда и неправда, ложъ и истина, будущее и настоящее, другъ и непріятель, въ присутствіи ли кто или въ отсутствіи; для него все едино; все заслуживаетъ клевету его и злобу.

Страсть господствующая въ иныхъ есть *неустройство*, небреженіе, лѣность. Погрузившись въ такое упущеніе, ни чѣмъ не занимающся, ничего не уважающъ, ни къ чему неспособны. Дни и недѣли въ чемъ и какъ проводятъ, неизвѣстно. Всегда многое предпринимающъ и ничего не исполняютъ; многое начинаютъ, но никогда не оканчиваютъ. Занимаются ничтожествомъ, а въ должностяхъ своего сословія упустили себя. Празднолюбствуютъ, между тѣмъ дѣтей оставляютъ безъ воспитанія, домашнихъ безъ усройства, все семейство въ беспорядкѣ. Такъ жить не означаетъ ли жить почти безъ дѣйствія, безъ чувствія и безъ души?

Кромѣ сихъ, сколь многія страсти владычествуютъ надъ многими? Подлая корысть, унижающая сердце; мучительное самолюбіе, стыдящее челоѣчество; опасное многословіе, немѣющее никакой обузданности; крайняя чувствительность, раздражающаяся всякою малосцію; подлое и низкое челоѣкоугожденіе, которое дѣлаемъ многихъ невольниками. Все сіе что означаетъ? Чшо, какъ не скопище прешупленій, пороковъ, и страстей
скры-

скрывающихся подъ тѣнью спраси господствующія? Сіи и симъ - то подобныя спраси владычествующѣ и мучаѣтъ человѣческое сердце. По сему нѣтъ ничего нужнѣе и вмѣстѣ затрудительнѣе, какъ узнать въ точности, какая въ немъ спрасѣтъ господствуетъ особенно: ибо сія хитрая спрасѣтъ тысячію различныхъ средствъ прикрывается, а иногда показывается подъ видомъ добра и честности.

Человѣкъ тщеславный, гордый, желающій всегда бытъ отличнымъ, непрестанно прихворяется; всегда хочетъ показатъ себя добрымъ, но внутрь себя пишаетъ высокомѣріе и кичливость. Человѣкъ, заводящій съ другими дружество подозрительное и опасное, во всемъ другимъ довѣряетъ: ибо когда сердце его спремилося къ похищенію добра чужаго; тогда за нужное онъ поставляетъ казаться простодушнымъ и искреннимъ. Человѣкъ пылкій во гнѣвѣ всегда хочетъ показатъ, что онъ любитъ правду и всупаается за испину. Лѣнивый упущеніе свое извиняетъ расположеніемъ къ спокойствію. Такъ - то всѣ прикрываютъ обманчивою завѣсою господствующія спраси; такъ - то подъ

Л 4 видомъ

видомъ очевиднаго добра скрываютъ опасный ядъ, или вредъ совершенный.

Не случается ли иногда, что мы не хотимъ сдѣлаться поумнѣе и узнать спросъ свою для того, что узнавши оную необходимо нужно пропивъ оной вооружаться? И еслили мы хитрою личиною умѣемъ прикрывать наружныя черты свои: то всего легче прикрывать черты сердечныя; по сему — то всякой непрестанно въ себѣ самомъ обманываешься, а слѣдственно и въ господствующей надъ нимъ спраши.

Но желаемъ ли мы подлинно узнать споль опаснѣйшаго врага своего; внемлемъ словесамъ Злапоуста; вопшъ по какимъ признакамъ можно познавать его. Спрасть господствующая есть 1 е. начало и источникъ всѣхъ нашихъ проступковъ и за симъ беззаконій; 2 е. она разрушаетъ спокойствіе души нашей, за которымъ, сколько бы не старались возвратить его, скоро слѣдуетъ раскаяніе и мученіе совѣсти; 3 е. она есть нашъ неотступный противникъ, съ которымъ должно непрестанно сражаться, и часто многе сражающся безуспѣшно и поспыдно;

стыдно; 4 е. она болѣе всего впекаетъ во всѣ наши намѣренія, во всѣ предпріятія и дѣйствія; 5 е. она всего насильственнѣе, непреборимѣе и труднѣе къ искорененію; и 6 е. наконецъ, при всѣхъ сихъ вредныхъ признакахъ она всего любезнѣе нашему сердцу. Вотъ изображеніе господствующія снрасти!

Узнавъ такія ея свойства разсудимъ о себѣ самихъ, посмотримъ на свое сердце, нѣтъ ли въ немъ чегонибудь подобнаго? Естьли хотя единственный признакъ примѣнимъ въ себѣ помянутыя снрасти: то безъ сомнѣнія и прочія подъ онымъ скрываются. И шакъ мы невольники; ибо господствуетъ надъ нами какаянибудь мучительница. Узнали мы почно врага своего, но сего еще мало; надлежитъ побѣдить онаго. Онъ силенъ: но мы, вооружившись Благодатію, удобно надъ нимъ возпоржествуемъ. Рѣшимъ яшкмо обезоружить прошивника, и вѣра подкрѣпитъ духъ нашъ.

Н А С Т А В Л Е Н І Е ХХІ

О

Слѣдствія хъ господствующей страсти.

Сіе означаетъ великую ко мнѣ милосію твою, Боже! когда ты открываешь спрасію во мнѣ господствующую; ибо узнавши оную, я непремѣнно долженъ ополчаться прошивъ ее; иначе она содѣлается можетъ опаснѣйшимъ источникомъ великихъ золъ, ш. е. источникомъ грѣховъ, источникомъ ослабленія, источникомъ осужденія.

Всесильный! ополчи мужество мое прошивъ врага, шoliko вреднаго, прошивъ котораго я чувствую всю мою слабость. Свѣтъ Благодати твоея мнѣ его открываетъ; благоволи, чшобъ при содѣйсствѣ твоей же Благодати я могъ побѣдить его торжественно.

Спрасія господствующая можетъ быть *источникомъ грѣховъ*. Она рождается изъ дѣйствій неправильныхъ, растетъ отъ приверженности къ легкимъ просшункамъ; но когда укоренился, тогда бываетъ поводомъ къ великимъ и безчисленнымъ грѣхопаденіямъ.

нїямъ. Кто можетъ изъяснить всѣ безпорядки, неуспройспва и пресшупленїя, какихъ господствующая спраспъ, — спраспъ всѣ другїя одушевляющая, бываетъ всегда началомъ и причиною? Она вдыхаетъ грѣхи въ наши помышленїя, пишаетъ ихъ въ желанїяхъ нашего сердца, образуешъ въ намѣренїяхъ, умножаетъ въ дѣлахъ; она все наше поведѣнїе чрезъ всю жизнь заражаетъ нѣкопорымъ смертоноснымъ ядомъ. Одинъ примѣръ служптъ довольнымъ увѣренїемъ въ сей истпнѣ. Приведемъ его ниже, и самихъ себя да спрашимся.

Соломонъ былъ предъ всѣми людьми премудрѣйшїй, превосходящїй всѣхъ современниковъ высокостїю своихъ знанїй, былъ примѣръ, удивленїе, или лучше сказашъ, чудо вѣка своего: но едва попустилъ онъ нѣкопорой спраспшп воцарпшься въ сердцѣ своемъ: въ какїя впалъ безчпнїя и пороки? Спраспшп имъ овладѣла, — начала надъ нимъ господспвовашъ, и — Соломонъ вдругъ дѣлаешся вѣроломнымъ, неблагодарнымъ, сладоспраспшнымъ, нечестпвымъ, идолопоклонникомъ. Какое измѣненїе! какой ужасъ! Соломонъ *вѣроломенъ*: ибо онъ забываетъ всѣ свои обѣщанїя, обѣ-

объщанія, поoliko святыя и торже-
ственные, колико прежде благоговѣно
были онѣ исполняемы предѣ лицомъ
олшаря Господня. Соломонѣ *неблагодатенъ*:
ибо онѣ обращаетъ во зло дары
Божіи, или еще важнѣе, обращаетъ
ихъ въ раздраженіе своего благодѣте-
ля — въ прошивность самого Бога.
Соломонѣ *сладострастенъ*: ибо онѣ ввер-
гается во всѣ неисповсва спудодѣй-
ныя сипрасти, ввергается прервавши
всякую обузданность и преступая всѣ
границы. Соломонѣ *нестивѣ*: ибо онѣ
попираетъ, кажется, ногами всѣ высо-
кія внушенія благочестія и великія та-
инства Вѣры, Вѣры поoliko имѣ прежде
проповѣдуемой. Соломонѣ *идолопоклон-
никъ*: ибо онѣ повергается предѣ лож-
ными богами, служеніемъ своимъ по-
рамляетъ поклоненіе предковъ, предѣ
гнусными кумирами возкурятъ едино-
му испинному Богу приличныя жерш-
вы. Чшо его ввергло въ бездну по-
ликихъ преступленій? Спсрасъ госп-
дствующая, спсрасъ, которой не вос-
прошивившись въ началѣ, не могъ уже
послѣ не покоряться. И такъ учинив-
шись плѣнникомъ единаго врага, онѣ
учинился подѣ конецъ узникомъ всѣхъ
неисповыхъ пороковъ.

Какъ!

Какъ! человекъ, и человекъ всѣхъ мудрейшій подпадаетъ подъ власнь и мучительство нѣкоторой спраспи? Я не могу о семъ помыслить безъ стыда и воздыханія. Есть ли мы доходимъ до такого состоянія: тогда во что измѣняется нашъ разумъ со всѣми своими дарованіями? Во что обращается Вѣра со всею своимъ ученіемъ и закономъ?

Страсть господствующая, содѣлавшись источникомъ грѣховъ, вскорѣ бываетъ источникомъ нашего ослѣпленія. Вообще сказать, нѣтъ споль мрачнаго облака, какъ облако спраспей: однако изъ всѣхъ потемнѣнній души нашей наипаче ужасна шма господствующія спраспи. Когда мы освобождаемся отъ спраспей не такъ сильныхъ; тогда зрѣніе наше живо, и мы все видимъ: но когда спраспнь владычествующая водарится въ душѣ нашей; тогда мы ничего уже не видимъ, все для насъ темно; всѣ мы слѣпошспвуемъ, заблуждаемъ, перяемся. Страсть господствующая, какъ бы завѣсу нѣкоторую налагаетъ на наши очи. При тысячи ложныхъ правилъ, при тысячи ложныхъ предразсужденій она разливаетъ нѣкоторую
мрач-

мрачность въ душѣ нашей, мрачность, подѣ коею скрываясь, дѣлаешь источникомъ безчисленныхъ заблужденій, мечпаній, поврежденій. Она запутываетъ нашъ разумъ, развращаетъ волю, соблажняетъ сердце, разстроиваетъ весь порядокъ въ человѣкѣ. Она ни о чемъ не позволяетъ ему разсуждать, развѣ объ удаленіи отъ истины; ничего не позволяетъ дѣлать, кромѣ неправды. Она не только ослабляетъ человѣка въ преступленіяхъ его, но еще увѣряетъ его въ справедливости оныхъ, и заславляетъ уважать ихъ.

Человѣкъ сладострастной имѣлъ ли когда недосынокъ въ оправданіи своего неистовства? Злобный въ причинахъ къ опущенію, — зависплавивый въ одобреніи своихъ желаній, — злорѣчивый въ извиненіи своихъ хитростей и ядовитости; — словомъ, всякой преступникъ не прикрываетъ ли нѣкоторымъ мракомъ черноту души своей? А при семъ имѣетъ ли какое сомнѣніе и раскаяніе о злыхъ своихъ поступкахъ? Нѣтъ! чѣмъ онъ ни обладаетъ, ему все кажется законно; какія ни предпріемлетъ средства къ исполненію своихъ желаній, ему все

ПОВО-

позволиительно; что ни дѣлаетъ, не думаетъ, чтобъ то для другихъ было опасно и вредно. Правда, приходитъ иногда человѣкъ въ себя самого: но страсть господствующая вскорѣ опять его ослѣпляетъ; сомнѣвается онъ иногда о благоповедѣнїи своей жизни: но страсть вскорѣ опять его ободряетъ и успокоиваетъ. Такъ-то все ввергающа въ заблужденїе! такъ-то все живуща въ обманѣ! такъ-то все попуская себя быть ослѣпленными умирающа на осужденїе! такъ-то исполняется мѣра всехъ нашихъ злощастїей!

Человѣкъ обольщенный, ослѣпленный, и даже господствующей страсти до крайности поработанный, или совсѣмъ иногда не хочетъ покаяться, или кается, но притворно и ложно. А сего что важнѣе, еслили человѣкъ умираетъ нераскаяннымъ и осужденнымъ? Да и можно ли въ сей страсти приносить покаянїе? По ослѣпленїю духа все уповаютъ обратиться на путь истины предъ концемъ жизни: но въ самой вещи умирающа во грѣхѣ своемъ.

Умирающа, ибо по пристрастїю сердца боятся разорвать союзъ съ предметами

мечами любезными, и такъ оспаются навсегда поработенными спрасямъ своимъ, поработенными даже до послѣдняго издыханія.

Умирають, ибо страшный судъ Божій ихъ ужасаетъ, а Благодашь, которую они всегда отъ себя удаляли. — сей небесный свѣтильникъ имѣетъ нѣкогда озарить ихъ, но озарить паче для познанія грѣховъ, а не для исправленія въ оныхъ.

Умирають, ибо Діаволь всегда ихъ соблажняющій, не прешанетъ искушать ихъ даже до гроба.

Умирають, ибо когда чувства ослабѣють, духъ опадетъ, тѣло изнеможетъ: тогда поздно уже пропиву внутреннихъ враговъ ополчаться. Человѣкъ не иное что, какъ охладѣвшій трупъ изъ себя представляющій, что можетъ къ пользѣ души своей содѣлать духомъ?

Умирають, ибо человекъ, имѣющій свободу и силу къ размышленію, взирая на множество неистовыхъ своихъ преступленій, не приходитъ ли иногда въ ужасъ и отчаяніе? Гнусность и множество грѣхопаденій не вынуждаютъ ли его произносить тоже, что
рѣкъ

рекъ нѣкогда въ опчаянїи своемъ
Кайнѣ: пресшупленіе мое столь ве-
лико, что Богъ никогда не простишь
мнѣ оное; я погибъ самъ по себѣ, и
Богу не возможно спасши пребеззакон-
наго. *Вящшая вина моя* (*), и такъ
праведно я долженъ на вѣчностъ ос-
таться осужденнымъ. О спрасъ го-
сподспвующая! koliko ты погибель-
на! О праведный судъ Божїй! koliko
ты страшенъ! Гдѣ только найши
слезъ, чтобъ довольно оплакать намъ
свои пресшупленія и свое злощастіе?

Благошпробный Промыслишелю!
предохрани швореніе твое отъ собла-
зна, вводящаго всѣхъ въ крайнюю по-
тибель. Не предаждь мя во покореніе
спрасьямъ сердца моего, а наипаче
подъ власть и мучительство спрасши
господспвующія. Я вижу всю опас-
ностъ спрасши сея, но болѣе спра-
шусь будущихъ слѣдствїй оныхъ. Она
въ началѣ льститъ мнѣ, но мало
спуспя ослѣпляетъ, а подъ конецъ
обѣщаетъ неизбѣжную гибель. Тысячи
духовъ естли бы могли обдержашъ
шѣло мое; я бы менѣ ихъ боялся,
нежели единой спрасши, овладѣвшей

Часть II. М серд-

(*) Быт. IV. 13.

сердцемъ моимъ. Однако сего еще мало, чтобъ мнѣ познавать токмо споль вреднаго врага; даждь мнѣ, Всесильный Боже! благодашь и крѣпость въ пораженіе его и въ искорененіе совершенное. Сошвори, чтобъ я ошъ нынѣ никакой болѣе не имѣлъ спраспи, кромѣ любви къ твоему служенію и къ жертвованію тебѣ всѣмъ сердцемъ и духомъ.

Конецъ II Части.

